

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 36

2025

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Адрес сайта журнала: <http://legallinguistics.ru/>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
Дондокова М.Ю. ОТРАСЛЕВОЙ ПЕРЕВОД: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ	5
Жансай А.Л. ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА ОБЫЧНОГО ПРАВА ЯКУТОВ	10
Цыгульская Л.Д. ПОНИМАНИЕ ТЕКСТОВ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ ЧИТАЮЩИМИ	16
Юридическая герменевтика	
Мельникова В.С., Напреенко Г.В. КАТЕГОРИЯ СЛОЖНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЧЕЛОВЕКОМ И ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКОМ	23
Петкилёв П.И. ПСЕВДОПОНЯТНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА	30
Рябова А.Ю. БАНКРОТСТВО VS НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЕМАНТИКИ КОНЦА 19 – НАЧАЛА 20 ВВ.	35
Юридическая техника	
Габдрахманова А.С. СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ АНГЛИЙСКИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МИРА	40
Мананова А.Ф. ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАРОДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	45
Перевозкин А.А. МАШИНОЧИТАЕМЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ	50
Тыдыкова Н.В. О ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ ВИДОВОГО ОБЪЕКТА ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	59
Чирков Ф.В. КАТЕГОРИЯ «ЦЕННОСТЬ» И ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ	64
Лингвоэкспертология	
Акинина А.В. НЕПРИЛИЧНОСТЬ В КОММЕРЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ФИРМЕННОГО НАИМЕНОВАНИЯ «NUDLES»)	69
Мамаев И.Д., Марусенко М.А., Петров В.В. ЦИФРОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ: ОТ ЛИНГВИСТИКИ ДО КРИМИНАЛИСТИКИ В ЗЕРКАЛЕ ПАТЕНТНЫХ РЕШЕНИЙ	74
Рецензии. Хроника. Информация	
Петухов Е.Н., Дудко Н.А., Неймарк М.А. О ТОЛКОВАНИИ И ПРИМЕНЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ЗАКОНА В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА ДАВЫДОВА	82

CONTENTS

Language of Law	
<i>Dondokova M.Y.</i> INDUSTRY TRANSLATION: PECULIARITIES OF LEGAL TEXT TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO CHINESE	5
<i>Zhansai A.L.</i> DIALECTAL VOCABULARY OF YAKUT CUSTOMARY LAW	10
<i>Tsygulsкая L.D.</i> COMPREHENSION OF CIVIL LAW CONTRACTS BY READERS	16
Legal hermeneutics	
<i>Melnikova V.S., Napreenko G.V.</i> CATEGORY OF COMPLEXITY OF LEGAL TERMS: COMPARATIVE ANALYSIS OF HUMAN AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTERPRETATIONS	23
<i>Petkilev P.I.</i> PSEUDO-CLARITY OF LEGAL DESIGN	30
<i>Ryabova A.Yu.</i> BANKRUPTCY VS INSOLVENCY THROUGH THE SEMANTICS PRISM OF LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES	35
Legal Techniques	
<i>Gabdrakhmanova A.S.</i> SEMANTIC AND COGNITIVE STUDY OF DICTIONARY DEFINITIONS OF ENGLISH LEGISLATIVE TEXTS IN THE CONTEXT OF WORLD INFORMATION TECHNOLOGY DEVELOPMENT	40
<i>Manapova A.F.</i> THE CONCEPT OF CULTURAL VALUES OF PEOPLES IN THE RUSSIAN FEDERATION	45
<i>Perevozkin A.A.</i> MACHINE-READABLE LEGAL DOCUMENTS: CONCEPT AND TYPES	50
<i>Tydykova N.V.</i> ON THE PROBLEM OF UNDERSTANDING THE SUBSUMEE OF SEXUAL OFFENCES	59
<i>Chirkov Ph.V.</i> THE CATEGORY OF "VALUE" AND THE OBJECT OF CRIMINAL-LEGAL PROTECTION	64
Linguoexpertology	
<i>Akinina A.V.</i> INDECENCY IN COMMERCIAL NOMINATION (CASE STUDY OF BRAND NAME «NUDLES»)	69
<i>Mamaev I.D., Marusenko M.A., Petrov V.V.</i> DIGITAL SOCIAL THREATS: FROM LINGUISTICS TO FORENSIC SCIENCE IN THE MIRROR OF PATENT SOLUTIONS	74
Reviews. Chronicle. Information	
<i>Petukhov E.N., Dudko N.A., Neymark M.A., Sukhanova L.G.</i> ON CONSTRUCTION AND ENFORCEMENT OF «LAW ON INVESTIGATIVE PROCEEDINGS» IN WORKS BY SERGEI IVANOVICH DAVYDOV	82

Отраслевой перевод: Особенности перевода юридического текста с русского языка на китайский

М. Ю. Дондокова

МГИМО МИД России

Проспект Вернадского, 76, 119454, Москва, Россия. E-mail: maksara508@mail.ru

В статье рассматриваются особенности переводов юридических текстов, в частности процесс перевода с русского на китайский язык текстов юридической направленности на предмет переводческих задач, представляющих сложность и неоднозначность. Предпринята попытка с помощью методов анализа, сопоставления и описания в качестве методологии исследования обосновать некоторые подходы к решению поставленных переводческих задач. Новизна исследования заключается в том, что в статье впервые подробно разбираются некоторые вопросы перевода юридических текстов в языковой паре русский – китайский, в качестве выводов предлагаются некоторые варианты стратегий перевода.

Ключевые слова: отраслевой перевод, юридический перевод, отраслевая транслатология, перевод на китайский язык.

Industry Translation: Peculiarities of Legal Text Translation from Russian into Chinese

M. Y. Dondokova

MGIMO University

76 Prospekt Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia. E-mail: maksara508@mail.ru

The article deals with the peculiarity of legal texts translation as a field of industry translation, in particular the process of translation from Russian into Chinese of legal texts with regard to translation tasks representing complexity and ambiguity. An attempt is made to support some approaches to solving the translation tasks using the methods of analysis, comparison and description as a research methodology. The novelty of the research lies in the fact that for the first time the article has dealt in detail with some issues of translation of legal texts in Russian – Chinese language pair, and some variants of translation strategies are offered as conclusions.

Key words: branch translation, legal translation, industry translation studies, translation into Chinese.

Юридический текст как вид отраслевого перевода. Отраслевой перевод – это перевод текстов, которые относятся к одной или нескольким определенным отраслям, имеют свою терминологию, особенную синтаксическую структуру, специфику применения переводческих приемов и другие отличительные характеристики (например, перевод в области медицины, права, техники и др.).

В «Толковом переводоведческом словаре», помимо общего определения, о специальном переводе отмечено: «Теоретической базой специального перевода является лингвистическая теория перевода» [Нелюбин 2003: 208]. Отраслевая транслатология, по мнению С. Н. Власенко, в общей структуре теории перевода является альтернативным названием для «специальной теории перевода» [Власенко 2011: 91].

На практике перевод любого текста, относящийся к отдельной тематике, можно назвать отраслевым, однако существует ряд характеристик, присущих отраслевым текстам, например использование специальных и общенаучных терминов. Тональность и эмоциональная нагрузка таких текстов зачастую не играет основное значение, поэтому она или нейтральная, или сниженная (деловая). Вопросам отличительных черт отраслевого перевода посвящены статьи С. В. Власенко, Ю. Г. Абдулаева, Н. Н. Гавриленко, М. Г. Гамзатова, С. П. Хижняк, Е. М. Зориной. Главным образом специалисты рассматривают вопрос на примере языковой пары русский / английский, языковая пара русский / китайский также представляет ряд специфических черт, доказывающих

особенность отраслевого перевода. Некоторые вопросы терминологоведения юридических текстов затрагиваются в научных статьях Е. Г. Пырикова, П. В. Трощинского и др.

Тексты в области права относятся к отраслевому переводу, более того, так же, как и само право, юридический перевод можно подразделять на более узкие и в некоторых случаях далекие друг от друга отрасли, например перевод в области уголовного права и перевод в области договорного права. Относительно юридического перевода в целом можно выделить несколько общих характеристик, влияющих на процесс передачи информации с одного языка на другой, в нашем случае в языковой паре русский / китайский. Задачами современных лингвистов-китаистов являются выявление и изучение особенностей перевода текстов юридической отрасли, анализ имеющихся разработок и новых стратегий перевода и, на основе серьезного междисциплинарного взаимодействия с юриспруденцией, лингвоюристикой и юрислингвистикой, минимизация переводческих потерь. П. В. Трощинский, комментируя труд китайского ученого Чжан Фаляня в области перевода и сравнительного анализа китайского и «западного» права, отмечал: «...известно, что китайский юридический язык чрезвычайно сложен и не похож на западные юридические языки, его необходимо комплексно исследовать как российским юристам, так и лингвистам» [Фалянь 2023 : 7].

Вопросы перевода юридических текстов с русского языка на китайский.

На отраслевой перевод юридических текстов с русского языка на китайский влияют как факторы объективного характера (наличие терминов, отражающих правовые нормы и специфику России, многозначность и вариативность терминов, отличающихся от китайских понятий и терминов, их семантическая непрозрачность и др.), так и факторы субъективного порядка (незнание российской правовой системы, принцип ложной первой ассоциации, терминологические заблуждения и пр.).

В процессе выполнения перевода юридического текста переводчик может столкнуться с такими трудностями:

1. Серьезное синтаксическое нагромождение, характерное для юридического текста; из-за этого могут возникать разночтения в интерпретации на языке исходного текста и его перевода, например в определении некоторых понятий, используемых в правовых системах разных государств;

2. Сложность поиска или даже отсутствие адекватного перевода терминов в языке перевода;

3. Наличие социокультурных особенностей, которые приводят к несоответствию текстовых конвенций исходного и интерпретируемого языка. П. В. Трощинский во введении книги Чжан Фаляня «Юридический язык и правовая культура в Китае и на Западе» так охарактеризовал юридический перевод: «Основная сложность, ..., заключалась не в трудности самой юридической терминологии на китайском языке, а в том, что в китайском понимании, в китайской правовой культуре и правосознании ее значение отличается от устоявшихся в западной и российской юридической науке подходов» [Фалянь 2023: 7].

Варианты перевода синтаксически сложных конструкций и поиск синтаксических соответствий в языке перевода.

Юридические тексты как тексты, относящиеся к отраслевым, представляют отдельную трудность, а их перевод требует хорошего знания этой профессиональной области.

Разница между устным и письменным переводом дополнительно вносит ряд особенностей в процесс перевода, так как разные варианты перевода подразумевают свои нюансы, например, это проявляется в том, что письменный перевод требует максимальной точности и документальной фиксации всех процедур, но упускает элемент эмоциональной нагрузки. Устный же перевод, в свою очередь, требует максимально быстрой и точной передачи основной мысли, и усугубляется в большинстве случаев психологическим напряжением. Поэтому при устном переводе можно прибегать к таким приемам, как модуляция и смысловое развитие, лексическое сжатие и синтаксическая трансформация. Например, статья 51 Конституции РФ: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом». В первой части предложения двойное отрицание «никто не...», характерное для русского языка, в письменном варианте на китайском языке будет выглядеть как 任何人都没有义务对自己、自己的配偶和近亲属作证, 近亲属的范围由联邦法律规定。 Вторая часть предложения характеризует грамматическую особенность китайского языка, где слово «против» не переводится, а выражается предлогом 对, который работает со словом 作证 «свидетельствовать» и вводит косвенное дополнение со значением «в отношении кого». Последняя часть подразумевает знание федерального закона, что может вызвать вопросы у иностранца как человека, незнакомого с российским законодательством.

Сложность построения формулировок на языке перевода может быть частично решена за счет официальных переводов кодексов и законов, принятых в языке, однако на сегодняшний день с китайского на русский переведены далеко не все кодексы и законы, лишь основные. Аналогичная ситуация с переводом материалов русского на китайский язык. Необходимо разрабатывать систему перевода юридических текстов, законов, актов для решения переводческих задач. Здесь важна слаженная работа как практиков переводчиков юридических текстов, так и теоретиков переводчиков-китаистов, китаистов-юристов. Очень много культурных, юридических и переводческих тонкостей, требующих внимания в процессе перевода, например перевод названия «уголовный кодекс», который в китайском варианте звучит как 刑法 «уголовный закон», совсем не привычен русскоязычному носителю. Гражданский же кодекс в китайском языке звучит как 民法典, где используется слово «кодекс».

Вопросы перевода терминологии в юридических текстах с русского языка на китайский.

Вышеуказанная проблема тесно связана с терминоведением, лингвоюристикой и вопросами перевода отдельных терминов с одного языка на другой. Однако терминоведение в свою очередь включает в себя ряд задач внутри одного языка, т. е. касается области лингвоюристики. Так, например, прежде чем решить проблему перевода термина «обвиняемый», необходимо разобраться в особенностях употребления этого термина в русском языке. Как отмечают некоторые исследователи, в терминологическом аппарате действующего уголовно-процессуального законодательства термин «обвиняемый» неактуален и является неточным. На это указывает в своих работах А. П. Кругликов, исследователь обращает внимание на то, что до момента вступления приговора в законную силу лицо, в отношении которого такой приговор состоялся, фактически продолжает являться подозреваемым [Кругликов 2014: 107].

Исследователи И. С. Кузнецова и В. А. Скорев в статье «Соотношение юридического и лингвистического аспектов изучения терминов «обвиняемый», «подсудимый», «осужденный», «оправданный» и их слов-обозначений» указали классификацию, разработанную В. А. Толстиком, где отмечены факторы, которые влияют на понимание юридических терминов «обвиняемый», «подсудимый», «осужденный» и «оправданный».

Основной проблемой в поиске переводческого соответствия является то, что термин в языке оригинала по набору значений может быть шире, чем в языке перевода (или наоборот). Рассмотрим на примере термина «обвиняемый»: термин имеет схожее значение в языке перевода вне юридического поля, в юридическом поле имеет другое значение, т. е. возможна ошибка при переводе. Обвиняемый / подсудимый / преступник: согласно части 2 статьи 47 УПК РФ «Обвиняемым признается лицо, в отношении которого: 1. вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого; 2. вынесен обвинительный акт; 3. составлено обвинительное постановление». Согласно Русско-Китайскому юридическому словарю [Ван Пин 2008 : 317] в китайском языке термин «обвиняемый» имеет следующие эквиваленты: 被告人 bèigào rén – обвиняемый; 被告 bèigào – обвиняемый, подсудимый, ответчик (в судебном деле), допрашиваемый; термин «подсудимый»: 被告人 bèigào rén; 受审人 shòushěnrén, 未决犯 wèi jué fàn; отпущенный на поруки 被保释的受审人 bèi bǎoshì de shòushěnrén. При подробном анализе синонимов и их проверке через корпус языка и частотность использования в юридических текстах выясняется, что термин 受审人, хотя в своей структуре имеет префикс пассивной формы и глагол со значением «судить, допрашивать», практически не встречается в значении «подсудимый». Термины 未决犯 и 被保释的受审人 имеют дословный перевод и не используются в значении «обвиняемый» или «подсудимый». Таким образом при переводе с русского на китайский оптимальный вариант перевода – 被告 / 被告人 для всех ситуаций, но при переводе с китайского на русский необходимо учитывать контекст и давать узуально точный перевод терминам «обвиняемый», «ответчик» или «подсудимый».

В качестве другого примера из области судебного перевода, доказывающего синонимическую вариацию юридических терминов, рассмотрим термин «суд». Русско-китайский юридический словарь [Ван Пин 2008 : 523] дает следующие эквиваленты этого термина: 评判 píngpàn; 判断 pànduàn; 法庭 fātíng; 法院 fǎyuàn; 审理 shěnlǐ; 审判 shěnpàn; 审讯 shěnxùn; 司法制度 sīfǎ zhìdù; 法律 fǎlǜ, где первый термин 评判 далек от юридической тематики, используется скорее в переносном значении «суд истории» или в значении «член судейской коллегии», «критика», «оценивать», термин 判断 имеет схожее значение и вариантом термина «суд» может являться в очень ограниченных контекстах. Наиболее частотными эквивалентами перевода являются такие термины, как 法庭 и 法院, например: 下级法院 суд низшей инстанции, 一审法院 суд первой инстанции, 未成年人法庭 суд по делам несовершеннолетних, 海事法庭 суд по морским делам, 陪审法庭 суд присяжных. Очевидное значение слов можно выявить по составным иероглифическим частям слов 院 и 庭, которые имеют значение «общественное учреждение, зал, здание».

Следующие три понятия семантически связаны с иероглифом 审, соответственно ведущим значением будет «вести суд, следствие», «выяснять», «разбираться»: 审判 «суд», «судить», «привлекать к судебной ответственности», 审理, 审讯 имеет значение «судебное разбирательство», «слушание в суде», «судебное дознание».

Два последних термина, которые дает словарь как соответствие понятия «суд», 司法制度 и 法律 – очень далекие от переводного слова: первый имеет значение «судебная система» и здесь основную семантическую нагрузку несет слово 司法 «правосудие», «юстиция», «суд», а второй термин 法律 «закон», «право», «юридический». Такое далекое отношение перевода от исходного понятия не способствует работе переводчика, а усугубляет ее, и доказывает несостоятельность современных печатных словарей, если их использовать вне контекста.

Каждый новый термин необходимо выверять с языковым корпусом или в контексте оригинальных источников. Как один из вариантов решения задачи полисинонимичности терминов необходимо рассмотреть возможность создания корпуса языка юридических терминов русско-китайского и китайско-русского переводов, строящегося на основе

междисциплинарного взаимодействия терминоведения (в том числе лингвоюристики), транслатологии и юриспруденции, где на примере показаны некоторые вопросы и варианты переводческих решений.

Название Гражданского кодекса КНР отличается от Уголовного тем, что использует именно слово кодекс 典, а не закон 法, что подчеркивает его большую фундаментальность как нормативного акта в китайском мировоззрении, и это является особенностью китайского законодательства. Комментируя Гражданский кодекс КНР, вступивший в силу 1 января 2021 г., П. В. Трощинский отметил интересную безэквивалентную грамматическую единицу – формулировку для нарушений, характерных для китайских реалий, выбрасывание предметов с балконов, которые могут быть опасны для пешеходов: «高空抛物». Для борьбы с этими явлениями законодатель в ст. 1254 главы 10 «Ответственность за ущерб, причиненный зданиями и их пристройками» установил запрет на выбрасывание каких-либо предметов из зданий наружу» [Трощинский 2021: 130]. В России такие действия могут быть квалифицированы по статье 118 УК РФ или 111, 112 и 115 УК РФ. Сталкиваясь с явлениями или понятиями, отличными в двух рабочих языках, переводчик должен искать баланс между лексической точностью и смысловой корректностью, учитывать лексический объем при пояснительном переводе и стремиться к ясности изложения. В рамках отраслевого перевода задача усложняется вдвойне.

Выводы.

Текст сам по себе, как и язык – явление живое и развивающееся, отраслевой текст также имеет тенденцию к изменениям, что подразумевает необходимость к постоянному самосовершенствованию переводчика для работы в этой сфере. Вместе с процессом развития, который с тенденцией движения вперед подразумевает некоторое постепенное отхождение от прежних понятий и терминов, происходит и постепенное «устаревание» словарей. Современные отраслевые словари в большей мере требуют контекста для точного понимания уместности применения терминов и формулировок, что мало представлено в бумажных словарях.

В отраслевых переводах максимальную роль играет знание самой отрасли. Без понимания контекста, т. е. понимания отраслевых нюансов, отдельный термин может быть воспринят неточно, что повышает риск переводческих ошибок. Именно знание и понимание особенностей конкретной сферы дает преимущество отраслевому переводчику.

Процесс перевода синтаксически сложных формулировок юридических текстов может быть частично облегчен, если иметь уже опубликованные тексты законов и кодексов на языке перевода. Необходимо пополнять базу переводов юридических текстов, в работе над которыми обязательно привлечение специалистов юристов и лингвистов-переводчиков.

Литература

- Абдулаев Ю. Г. Филологический способ толкования права: проблемы многоаспектности на стыке юридических и филологических наук / Юрислингвистика. - 2024. №33(44). - С. 12-13.
- Алексеева И. С. Введение в переводоведение. Москва, 2004.
- Ван Пин, Пяо Чжун. Русско-Китайский юридический словарь. М., 2008.
- Власенко С. В. Особенности переводческой рефлексии в англо-русском отраслевом переводе / Язык, сознание, коммуникация. - 2010. - № 40. - С. 156.
- Власенко С. В. Отраслевая транслатология: юридический перевод в аспекте кореферентности терминов права. URL: https://pravo.hse.ru/data/2011/05/13/1210830367/Власенко%20СВ_ВОПРОСЫ%20ФИЛОЛОГИИ%20N3,2011.pdf
- Власенко С. В. Юридический перевод в аспекте кореферентности терминов права / Вопросы филологии. - 2011. - №3 (39). - С. 89-100.
- Гавриленко Н. Н. Цели обучения отраслевому переводу / Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. - 2021. - №2 (839). - С. 92-102.
- Гамзатов М. Г. Техника специфика юридического перевода. СПб., 2004.
- Гарбовский Н. К. Теория перевода. М., 2004.
- Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии (как работать над терминологическим словарем). Л., 1986.
- Зорина Е. М. Лингвистические особенности юридических текстов / Юрислингвистика. - 2024. - №34. - С. 20-25.
- Кузнецова И. С., Скорев В. А. Соотношение юридического и лингвистического аспектов изучения терминов «обвиняемый», «подсудимый», «осужденный», «оправданный» и их слов-обозначений / Юрислингвистика. - 2024. № 33(44). - С. 61-67.
- Пыриков Е. Г. Коммуникативные аспекты перевода и терминология. М., 1992.
- Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М., 2003.
- Трощинский П. В. Первый Гражданский кодекс нового Китая / Проблемы Дальнего Востока. - 2021. - №4. С. 123-133.
- Фалаян Ч. Юридический язык и правовая культура в Китае и на Западе : Сравнительный анализ. М., 2021.
- Хижняк С. П. Юридический перевод как вид специального перевода / Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. - 2022. - №3. С. 20-30.

References

-
- Abdulaev, Y. G. (2024). Philological way of interpreting the law: problems of multidimensionality at the junction of legal and philological sciences. *Juristics journal*, 12-13 (in Russian).
- Alekseeva, I. S. (2024). Introduction to translation studies. Moscow (in Russian).
- Falian, Ch. (2021). Legal language and legal culture in China and in the West countries: A comparative analysis. Moscow (in Russian).
- Gamzatov, M. G. (2004). Technique specificity of legal translation. Saint Petersburg (in Russian).
- Garbovsky, N. K. (2004). Theory of translation. Moscow (in Russian).
- Gavrilenko, N. N. (2021). Objectives of branch translation training. *MSLU Vestnik. Education and pedagogical sciences*, 2(839), 92-102 (in Russian).
- Gerd, A. S. (1986). Fundamentals of Scientific and Technical Lexicography (How to Work on a Terminological Dictionary). Saint Petersburg (in Russian).
- Khizhnyak, S. P. (2022). Legal translation as a type of special translation. *PNRPU linguistics and pedagogy bulletin*. 3, 20-30 (in Russian).
- Kuznetsova, I. S., Skorev, V. A. (2024). Correlation of legal and linguistic aspects of studying the terms 'accused', 'defendant', 'convicted', 'acquitted' and their word-designations. *Juristics journal*. 33(44), 61-67 (in Russian).
- Nelyubin, L. L. (2003). Explanatory translator's dictionary. Moscow (in Russian).
- Pyrikov, E. G. (1992). Communicative aspects of translation and terminology. Moscow (in Russian).
- Troshchinsky, P. V. (2021). The First Civil Code of New China. *Far Eastern Studies journal*. 4, 123-133 (in Russian).
- Vlasenko, S. V. (2010). Features of translation reflexion in English-Russian branch translation. *Language, consciousness, communication*, 40, 156 (in Russian).
- Vlasenko, S. V. (2011). Legal translation in the aspect of co-referentiality of legal terms. *Philology study*, 3(39), 89-100 (in Russian).
- Vlasenko, S. V. Branch translatology: legal translation in the aspect of co-referentiality of law terms. Available from: https://pravo.hse.ru/data/2011/05/13/1210830367/Власенко%20СВ_ВОПРОСЫ%20ФИЛОЛОГИИ%20№3,2011.pdf (in Russian).
- Wang Ping, Piao Zhiyun. (2008). Russian-Chinese Legal Dictionary. Moscow (in Russian).
- Zorina, E. M. (2024). Linguistic peculiarities of legal texts. *Juristics journal*. 34, 20-25 (in Russian).
-

Citation:

Дондокова М. Ю. Отраслевой перевод: Особенности перевода юридического текста с русского языка на китайский // Юрислингвистика. – 2025 – 36. – С. 5-9.

Dondokova M. Y. (2025) Industry Translation: Peculiarities of Legal Text Translation from Russian into Chinese. *Legal Linguistics*, 36, 5-9.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Диалектная лексика обычного права якутов

А. Л. Жансай

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, 677027, Якутск, Россия. E-mail: aman287@mail.ru*

Статья посвящена исследованию лексики обычного права в различных говорах якутского языка. Несмотря на обширный ареал распространения якутского языка, охватывающий территории Восточной Сибири и Дальнего Востока, язык отличается своей монолитностью и отсутствием существенных диалектных различий. Диалектологи выделяют лишь говоры с некоторыми лексическими и грамматическими особенностями. В этой связи диалектная лексика обычного права не отличается разнообразием. Данное явление связано с архаизацией и выходом из употребления рассматриваемой категории лексики, обусловленными включением якутского общества в поле российского законодательства. Взамен собственной терминологии появились термины, заимствованные из русского языка. Еще одной причиной деактуализации называют развитие массовой письменности и переход на общелитературные нормы языка. Наибольшее количество диалектной лексики отмечается в терминологии родства и свойства, продолжающей активно функционировать. Кроме того, отдельные примеры присутствуют в таких отраслях обычного права, как уголовное право, имущественные отношения, социальное и административное устройство. В том числе присутствуют термины, семантика и этимология которых не ясна для современных носителей якутского языка. Выявленная лексика в рамках исследования распределена по группам говоров и семантическим категориям в соответствии с отраслями обычного права якутов. В статье предпринята попытка этимологического разбора, приведены параллели из тюркских и монгольских языков. Значительное количество слов являются заимствованиями из русского языка. Рассмотренные лексические единицы образованы в результате семантического сдвига, фонетической адаптации русизмов. В области уголовного права многие лексемы представлены эвфемизмами, возникшими в целях выражения табуированных понятий.

Ключевые слова: якутский язык, обычное право, лексика, диалект, говоры.

Dialectal Vocabulary of Yakut Customary Law

A. L. Zhansai

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian
Academy of Sciences*

1 Petrovsky St., 677027, Yakutsk, Russia. E-mail: aman287@mail.ru

The article concentrates on the study of the lexicon of customary law in different subdialects of the Yakut language. Despite the vast area of Yakut language distribution, the language is characterized by its monolithic character and lack of significant dialectal differences. Dialectologists distinguish only the subdialects with some lexical and grammatical peculiarities. In this regard, the considered category of vocabulary is not characterized by great diversity. This phenomenon is connected with the archaization and withdrawal from use of the lexicon of customary law due to the inclusion of Yakut society in the field of Russian legislation. The terms borrowed from the Russian language appeared to replace native terminology. Another reason is the development of mass writing and the transition to common literary norms of the language. The largest amount of dialectal vocabulary is noted in the terminology of kinship and property, which continues to function actively. In addition, individual examples are present in such branches of customary law as criminal law, property relations, social and administrative structure. The identified vocabulary is categorized into groups of colloquialisms and semantic categories in accordance with the branches of Yakut customary law. The article attempts to analyze the etymological analysis. A significant number of words are borrowings from the Russian language. The considered lexical units are formed as a result of semantic shift, phonetic adaptation of Russisms. In the field of criminal law, many lexemes are represented by euphemisms that emerged in order to express taboo concepts.

Key words: Yakut language, customary law, vocabulary, dialect, subdialects.

Обычное право формируется в течение длительного времени в сообществах, объединенных по этническому, религиозному, социальному и др. признакам. В основу норм обычного права заложены правила поведения и традиции, обязательные для всех членов таких объединений. Исследователь обычного права якутов А. А. Борисов выделяет три основные функции норм обычного права: 1) регулирование взаимных связей между человеком и обществом; 2) установление через культурные традиции и обычаи диалога между социумом и природой; 3) создание неписанного кодекса поведенческих норм [Борисов 2002: 37]. Система обычного права якутов регулировала правоотношения, связанные с землепользованием, обменом, дарением, долговыми обязательствами, наймом. Кроме того, из брачных правоотношений проистекали нормы, регулирующие имущественные и наследственные отношения.

В якутском языке нормы обычного права обозначались как *куолу*, *үгэс*, чаще в сочетании *сахэ куолута*, *сахэ үгэнэ*, обозначая юрисдикцию, распространявшуюся на представителей якутского народа. Понятие *куолу* в якутском языке полисеманлично: 'предписание, инструкция, повеление; право, позволение; способ, средство, обыкновение, обычай; обряд, установление, постановление, правило, закон, порядок, сообразность', при этом большая часть значений подверглась архаизации, в том числе в интересующем нас значении 'право, обычай, закон' [Пекарский 1958: 1225]. Когнаты слова *куолу* с похожей семантикой обнаруживаются и в других монгольских и тюркских языках: письменномонгольское ^{ᠬᠤᠣᠯᠤ} [qauli] 'закон', монгольское *хууль*, бурятское *хуули* 'закон, власть', калмыцкое *хууль* 'старинный обычай' [Санжеев 2018: 41], казахское *қаулы* 'постановление', киргизское *коолу* 'решение, постановление'. Этимологию *үгэс* 'навык, привычка, обыкновение, обычай' Э. К. Пекарский возводит к монгольскому ^{ᠦᠭᠦᠭᠡ} [üge] 'слово' [Пекарский 1959: 3103].

Обычное право, как и другие отрасли права, оперировало собственной лексикой, которую можно отнести к терминам. Утверждается, что обычное право каждого народа тесно связано с его социальной организацией, общественными отношениями и, конечно, языком, т. к. в языке народа находит отражение вся его история, культура и менталитет [Хисамитдинова, Мухтаров 2021: 3].

Реконструкция терминологии якутского обычного права возможна на основании этнографических, исторических, фольклорных материалов. В настоящее время специальные исследования, охватывающие лексику всех отраслей обычного права якутов, отсутствуют. Отдельные исследования были посвящены терминам родства и свойства (А. А. Бурыкин, Е. П. Федорова), основной объем данного пласта лексики относится к активной части современного якутского языка.

Несмотря на довольно монолитный характер и отсутствие значительных диалектных различий, в якутском языке присутствуют говоры с присущими им лексическими и грамматическими особенностями. Якутский диалектолог С. А. Иванов, основываясь на исследованиях М. С. Воронкина, выделяет следующие группы говоров: 1) центральная; 2) олекмо-вилуйская; 3) северо-западная; 4) северо-восточная [Иванов 2010: 39, 41, 42, 44]. Образование говоров обусловлено прежде всего взаимодействием с другими языками на разных исторических этапах развития якутского языка, а также географическими и административными факторами, затруднявшими контакты между жителями разных округов, улусов, наслегов. Помимо этого, ощутимые диалектные различия наблюдаются в языке якутов, проживающих за пределами Якутии и в силу этого попавших под влияние иноязычного большинства.

По-другому сложилась ситуация с лексикой обычного права, так как расширению ареала обитания якутов предшествовало их вхождение в состав российского государства и, соответственно, сокращение регулятивных функций норм обычного права. Рассматриваемый пласт лексики в основной своей массе подвергся архаизации, взамен в употребление входили термины, заимствованные из русского языка. Наибольшее диалектное разнообразие наблюдается лишь в терминологии родства и свойства, которая, как уже отмечалось, сохранила функциональность ввиду своей специфики. Архаизации лексики обычного права также способствовали распространение грамотности и переход на общий литературный язык. П. А. Слепцов объясняет это явление следующим образом: «Когда рождаются массовая письменность, литература, начинается стихийная тяга всех пишущих к общезыковой норме, что прежде всего предполагает отбор наиболее точных и общих средств выражения» [Слепцов 1986: 115]. П. П. Барашков также видит в развитии массовой письменности причину исчезновения диалектных различий [Барашков 1985: 38]. То есть переход на общелитературный стандарт воспринимается как массовое и естественное явление, наблюдаемое во всех языках мира, обладающих официальным статусом. Например, Л. Блумфилд отмечает, что на смену территориальным диалектам приходят современные литературные языки, имеющие распространение внутри границ целой нации и которые с течением времени становятся все более и более единообразными [Блумфилд 1999: 530].

Материал для данного исследования обнаружен в двух диалектологических словарях якутского языка, содержащих в себе не только диалектные слова, но и диалектные значения общелитературных слов. Методом сплошной выборки из словарей отобрано более шестидесяти лексем, передающих понятия обычного права якутов. Из них подавляющее большинство относится к терминологии родства и свойства. Обнаруженная лексика равномерно распределена по всем описанным выше группам говоров. В разрезе групп говоров и говоров предстает следующая картина: олекмо-вилуйская группа (бодайбинский (бод.), верхневилуйский (в.-вил.), вилуйский (вил.), олекминский (олекм.), сунтарский (сунт.)); северо-восточная (верхоянский (в.-янск.), индигирский (инд.), среднеколымский (кол.)); северо-западная (булунский (бул.), долганский (долг.), есейский (есс.), оленекский (олен.)); центральная (амгинский (амг.), мегино-кангаласский (м.-канг.), усть-майский (у.-м.)). Кроме того, в состав диалектной лексики включены отдельные слова из Словаря якутского языка Э. К. Пекарского (Пек.), не имеющие маркировки по говорам. Объясняя это, диалектологи отмечают то обстоятельство, что «словарь был создан во время отсутствия якутского литературного языка и составлен исключительно на материале, собранном в различных местах

обширной Якутской области, частично и за ее пределами» [Иванов 2017: 17]. В связи с этим видится, что основным критерием отнесения к диалектной лексике стало их отсутствие в современном литературном языке.

Помимо этого, особенностью диалектологических словарей стало отнесение долганского языка к диалектам якутского языка. В якутском языкознании имеет место дискуссия относительно самостоятельного статуса языка долган. Исследователь языка долган Е. И. Убрятова в своих первых исследованиях (1940 г.) определяет его как диалект якутского языка [Убрятова 2011: 115]. В последствии (1966 г.) она указывает, что «длительное изолированное развитие привело к тому, что он <долганский язык> давно оторвался от общей системы якутского языка и перестал быть его диалектом» [Убрятова 2011: 140]. М. С. Воронкин выражал несогласие с последним утверждением, по его мнению, «современное состояние языка долган (принимая во внимание его структурный, социологический и исторический аспекты) позволяет считать его не самостоятельным языком, а диалектом якутского языка» [Воронкин 1999: 165]. Следуя этой позиции, М. С. Воронкин как составитель обоих диалектологических словарей включает в число диалектной лексики некоторые лексемы из долганского языка.

В настоящей статье рассматриваются около двадцати терминов, относящихся к различным отраслям обычного права якутов.

Лексика уголовного права.

Большинство лексем этой категории относятся к эвфемизмам, возникшим в результате субституции табуированных понятий. В свою очередь табуированию подвергались слова с негативной семантикой, использование которых считалось нежелательным по религиозным, этическим, социальным и другим причинам. По мнению А. А. Скрябиной, эвфемистические выражения в якутском языке обусловлены главным образом менталитетом, традициями, обычаями народа [Скрябина 2017: 67]. В якутской культуре наиболее избегаемым явлением представляется смерть и другие близкие с ней понятия. Таким образом, замена связанных с преступлениями понятий эвфемизмами является закономерным процессом в якутском языке.

В последующих примерах в скобках указываются значение в литературном языке, говор, к которому относится слово, и буквальный перевод.

1) *Идэлээх киһи* ('вор', бод., букв. «человек с дурной привычкой»). Первое значение слова *идэ* – 'основной род занятий, трудовой деятельности человека; профессия', другое значение – 'порок, дурная привычка', от него образовано прилагательное *идэлээх* – 'имеющий дурную привычку' [Большой толковый словарь якутского языка 2006: 559-561]. В данном случае диалектизм передает негативное отношение к воровству и краже, считающимся непристойным занятием.

2) *Кымаайылаах* ('вор', у.-м., букв. «ворующий по мелочи») – производное от *кымаайы*, что, свою очередь, имеет в основе глагол *кып* 'выкрасть, стянуть какую-л. мелочь, которую можно схватить одним движением' [Большой толковый словарь якутского языка 2008: 285]. *хойбот* ('красть', бул., олен.) зафиксировано в форме *сойбот* и в значении 'украсть, утащить' в Большом толковом словаре якутского языка без пометы о принадлежности к диалектной лексике, к нему приведены примеры из художественных произведений: *Соботох да соммун сойботон бардахтарына үөрүмээри олоробун* (букв. «не обрадуюсь, если украдут мое единственное пальто») [Большой толковый словарь якутского языка 2011: 499].

3) Глаголы *кужалаа* и *сайылаа* ('убить', в.-вил., вил.) образованы в качестве эвфемизма для замены табуированного понятия, являются синонимами и обладают первоначальной семантикой 'прибирать, приводить в порядок, собирать в кучу, освобождать место' [Большой толковый словарь якутского языка 2007: 437; 2011: 157]. Рассматриваемые глаголы образованы приемами эвфемистической субституции по аналогии с действиями, совершаемыми при захоронении человеческих останков.

Лексика имущественных отношений.

1) *Буобул* ('запрещение', Пек.). Э. К. Пекарский в качестве иллюстрации приводит выражение *буобул от* с переводом на русский язык 'сено, на которое наложено запрещение' [Пекарский 1958: 551]. Запрещение или, иначе говоря, арест накладывался до разрешения спора относительно принадлежности какого-либо имущества. Чаще всего тяжбы возникали по поводу прав на сенокосные угодья и на заготовленное сено. Так, например, по нормам обычного права якутов половина сена, выкошенного на чужом участке, отбиралась в пользу владельца участка [Павлинов 1929: 13]. В настоящее время данный термин обычного права перешел в современную юридическую терминологию, можем обнаружить его в Русско-якутском, якутско-русском словаре терминов, понятий уголовного права и процесса в значении 'арест (имущества)' [Русско-якутский, якутско-русский словарь терминов, понятий уголовного права и процесса 2023: 187]. Этимология, вероятнее всего, восходит к монгольскому *boyu-* (*халх.*, *бур.*, *калм.* боо-, *мнгр.* бб-) 'обвёртывать, упаковать, завязывать; окружать, преграждать', а также близкому к нему *bojol* (*халх.* боол, *бур.* боол, *калм.* боһл) 'раб невольник' [Этимологический словарь монгольских языков 2015: 94]. И в якутском, и в монгольских языках семантика слов демонстрирует наличие ограничений и запретов.

2) *Өртүбүөй* ('финансы, средства', вил.), ('возмещение, компенсация', *сунт.*). Слово заимствовано из русского языка и является фонетической адаптацией лексемы *рутевой*, обозначающей карточный выигрыш. В основе – устаревший карточный термин *руте* 'счастливое положение в карточной игре, при котором выигрывает несколько раз подряд одна и та же карта; счастливая карта' [Большой академический словарь русского языка 2021: 118]. Таким образом, слово, обозначавшее только карточный выигрыш, в результате семантического расширения стало использоваться для передачи родового понятия в отдельном говоре якутского языка. Семантика слова в сунтарском говоре существенно дистанцирована от семантики самого русского термина и от его интерпретации в вилкойском говоре, в этой связи можем предположить ее вторичность по отношению к последнему.

3) Термины *суопсунас* ('собственность', амг., м.-канг., олекм.) и *нарпылаат* ('зарплата', долг.) являются фонетически адаптированными заимствованиями из русского языка и не претерпели семантического переосмысления. Использование заимствований взамен собственно якутских эквивалентов было довольно распространенным явлением в дореволюционный период, что было вызвано престижностью в глазах у улусного населения русского языка как языка горожан и чиновников. А. Е. Кулаковский, описывая такое явление, отмечал следующее: «Еще удивительнее то, что они <якуты> перенимали наречия, без которых могли бы прекрасно обойтись, и такие слова, которые на своем языке существуют» [Кулаковский 1979: 320].

4) *Урутунан аҕал* ('дать в долг', в.-вил., вил.) можно дословно перевести как 'дать заранее' или 'принести заранее'. Предполагаем, что изначально речь шла о каком-либо товарообмене, когда передача предметов обмена происходила не одновременно и какое-то время одна сторона оставалась в долгу у другой стороны, исполнившей свои обязательства ранее.

Лексика социально-административного устройства.

1) Согласно С. А. Иванову лексема *абыратыы* ('безоленный бедняк', есс.), образована от глагола *абырат-*, мотивированного глаголом *абыраа-* 'спасать, избавлять, выручать, помогать' и соответствующего письменномонгольского *абура-* 'спасать, избавлять; выручать'; возникла в результате метафорического переноса значения имени действия на объект действия [Иванов 2017: 98]. Как поясняли сами жители озера Ессей: «...при исходе съестных запасов голодавшие «спасались» тем, что брали в долг у богатых, оттуда и пошло такое название» [Воронкин, Емельянов 1959: 3].

2) Слово *буу* ('вконец обедневший', кол.) в северо-восточных говорах якутского языка использовалось в значении 'исхудалый, слабый, болезненный' [Диалектологический словарь якутского языка 1976: 73]. Речь могла идти как о людях, так и о животных. В дальнейшем в результате метафорического переноса в среднеколымском говоре слово стало использоваться как показатель социального статуса и приобрело значение 'захудалый, вконец обедневший'. Авторы диалектологического словаря якутского языка возводят этимологию к эвенкийским *бу-ми* 'умереть' и *бунй* 'смерть, покойник' [Диалектологический словарь якутского языка 1976: 73]. Вместе с тем, с учетом географического фактора преобладание диалектных эвенкизмов отмечается в северо-западных говорах, а в северо-восточных – эвенских лексем [Иванов 2017: 45]. Поэтому в первую очередь здесь следует принять во внимание эвенские *бу-* 'умереть' и *бунй* 'покойник, мертвец' [Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков 1975: 98]. Также Е. И. Коркина связывает это слово с халха-монгольским *муу* 'плохой, бедный, жалкий' [Коркина 1992: 79]. Но с учетом того, что в письменномонгольском языке слово имело форму *тауи*, его родство с якутским *буу* маловероятно.

3) В литературном якутском языке *хаамаайы* ('нищий, кумалан', м.-канг.) имеет значение 'человек, ведущий бродячий образ жизни, безработный, бродяга' [Большой толковый словарь якутского языка 2016: 94], что семантически близко к одному из диалектных значений этого слова – *кумалаан* 'человек, находящийся на общественном иждивении' [Большой толковый словарь якутского языка 2007: 474]. Происходит от глагола *хаамп* 'двигаться, идти, ходить, переступая ногами' [Большой толковый словарь якутского языка 2016: 94], что напрямую связано с образом жизни кумаланов, искавших себе пропитание переходя от дома к дому.

4) Устаревшее слово *кабан* ('глава, предводитель, родоначальник', инд.). С. А. Иванов определяет слово как глубокий архаизм, имеющий эквивалент только в древнетюркских, древнемонгольских и некоторых современных языках [Иванов 2017: 20]. Действительно, в древнетюркском языке *қауап* – 'каган, верховный правитель, главный хан' [Древнетюркский словарь 1969: 405]. Присутствие данного архаизма в одном из периферийных говоров свидетельствует о некогда активном его употреблении в якутском языке.

5) Слово *мунньах* ('группа домов, небольшой населенный пункт', бул.) активно применяется в литературном языке в значении 'собрание, совещание, заседание'. В диалектном значении согласуется с семантикой исходного глагола *мус* 'собирать, кого-что-л. в одном месте; складывать в кучу, грудой' [Большой толковый словарь якутского языка 2009: 366].

6) Термин *нэһилиэк* ('фамилия', есс.) произошел от литературного 'наслег – сельское поселение, волость' в результате семантического сдвига. М. С. Воронкин отмечал, что «в жителях Ессея» возможно наблюдаем выходцев из распространенных в Центральной Якутии родов, которые проживают скученно, добравшись до дальней окраины» [Воронкин 2002: 9]. Это подтверждается тем, что фамилии проживающих в Эвенкии ессейских якутов (Ботулу, Эспек, Маймага, Чорду, Уодай, Осогостох) совпадают с названиями наслегов и родов Центральной Якутии и Вилюя. То есть ессейские якуты в качестве фамилий стали использовать названия наслегов и родов, выходцами из которых они являются.

7) Лексема *суруллара* ('фамилия', долг., кол., букв. «написанное») возникла по причине наличия у якутов нескольких имен одновременно. Так, якут имел *сахалы аат* 'якутское имя', *хос аат* 'прозвище', *таптап аат* 'ласковое имя', которые были в повседневном употреблении, а также *нууччалы аат* 'русское имя', *суруллар аат* 'написанное имя', *сүрэхтэммит аат* 'крещеное имя', по которым человек значился в документах [Николаев 2020: 21, 27].

Таким образом, термины обычного права не получили развития в диалектной лексике якутского языка, но и не являются редкостью. Вместе с тем рассмотренная лексическая группа ранее специально не изучалась, отсутствуют четко определенные критерии их отбора. Данная статья является первой попыткой исследования диалектных терминов обычного права якутов, в этой связи не исключаем, что перечень будет расширяться. Дальнейшее изучение позволит выявить и осмыслить расхождения в нормах обычного права, применявшихся в различных территориальных группах населения.

Литература

- Барашков П. П. Фонетические особенности говоров якутского языка: сравнительно-исторический очерк. Якутск, 1985.
- Блумфилд Л. Язык. Благовещенск, 1999.
- Большой академический словарь русского языка. Т. 24. М.; Санкт-Петербург, 2021.
- Большой толковый словарь якутского языка. Т.III. Новосибирск, 2006.
- Большой толковый словарь якутского языка. Т.IV. Новосибирск, 2007.
- Большой толковый словарь якутского языка. Т.V. Новосибирск, 2008.
- Большой толковый словарь якутского языка. Т.VI. Новосибирск, 2009.
- Большой толковый словарь якутского языка. Т.VIII. Новосибирск, 2011.
- Большой толковый словарь якутского языка Т.XIII. Новосибирск, 2016.
- Борисов А. А. Изучение обычного права в якутской историографии / Сибирская заимка. – 2002. – № 3. – С. 37-41.
- Воронкин М. С. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. Новосибирск, 1999.
- Воронкин М. С. Дьэниэй сахалара (ыстатыһа) / Дьэниэй сахаларын фольклора. Дьокуускай, 2002. – С. 5-27.
- Воронкин М. С., Емельянов Н. В. Дьэниэй сахалара / Кыым. – 1959. – № 136. – С. 3.
- Диалектологический атлас якутского языка: (свод. карты). Ч. II: Морфология и лексика / составитель С. А. Иванов. Новосибирск, 2010.
- Диалектологический словарь языка саха: дополнительный том / составители: М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск, 1995.
- Диалектологический словарь якутского языка / составители: П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М., 1976.
- Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л., 1969.
- Иванов С. А. Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск, 2017.
- Иванов С. А. Образование диалектной системы якутского языка. Новосибирск, 2021.
- Коркина Е. И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск, 1992.
- Кулаковский А. Е. Русские слова, перенятые и усвоенные якутами (Кроме собственных имен и названий) / Научные труды. Якутск, 1979. С. 316-377.
- Николаев Е. Р. Личные имена саха в лингвокультурологическом аспекте. Новосибирск, 2020.
- Павлинов Д. М. Об имущественном праве якутов / Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929. С. 1-46.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. I. М., 1958.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т.III. М., 1959.
- Русско-якутский, якутско-русский словарь терминов, понятий уголовного права и процесса. Якутск, 2023.
- Скрябина А. А. Эвфемизмы о болезни и смерти в якутском языке / Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – № 9. – С. 67-73. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32274519_87067391.PDF
- Слепцов П. А. Якутский литературный язык: истоки, становление норм. Новосибирск, 1986.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. I. Л., 1975.
- Убрятова Е. И. О языке долган / Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. Новосибирск, 2011. – С. 115-140.
- Хисамитдинова Ф. Г., Мухтаров Н. Г. Башкирско-русский словарь лексики обычного права. Уфа, 2021.
- Этимологический словарь монгольских языков. Т. I: А-Е / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М., 2015.
- Этимологический словарь монгольских языков. Т. III: Q-Z / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М., 2018.

References

- Ancient Turkic Dictionary (1969). V. M. Nadeliev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak (Ed.). Leningrad (in Russian).
- Barashkov, P. P. (1985). Phonetic peculiarities of the Yakut subdialects: comparative-historical essay. Yakutsk (in Russian).
- Bloomfield, L. (1999). Language. Blagoveshchensk (in Russian).
- Borisov, A. A. (2002). The study of customary law in Yakut historiography. Sibirskaya Zaimka, 3, 37-41 (in Russian).
- Comparative dictionary of Tungus-Manchu languages. Materials to the Etymological Dictionary. Vol. 1. (1975). Leningrad (in Russian).
- Dialectological atlas of the Yakut language: (summary maps). Part II: Morphology and lexicon (2010). S.A. Ivanov (Comp.). Novosibirsk (in Russian, Yakut).
- Dialectological dictionary of the Sakha language: additional volume (1995). M. S. Voronkin, M. P. Alekseev, Y. I. Vasiliev. (Comp.). Novosibirsk (in Yakut, Russian).
- Dialectological dictionary of the Yakut language (1976). P. S. Afanasyev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev (Comp.). Moscow (in Russian, Yakut).
- Etymological Dictionary of Mongolian Languages. Vol. 1: A-E. G. D. Sanzheev (Ed.). Moscow (in Russian).
- Etymological Dictionary of Mongolian Languages. Vol. 3: Q-Z. G. D. Sanzheev (Ed.). Moscow (in Russian).
- Ivanov, S. A. (2017). Lexical peculiarities of Yakut language colloquialisms. Novosibirsk (in Russian).

-
- Ivanov, S. A. (2021). Formation of the dialect system of the Yakut language. Novosibirsk (in Russian).
- Khisamitdinova, F. G., Mukhtarov, N. G. (2021). Bashkir-Russian dictionary of lexicon of customary law. Ufa (in Russian, Bashkir).
- Korkina, E. I. (1992). Northeast dialectal zone of the Yakut language. Novosibirsk (in Russian).
- Kulakovskiy, A. E. (1979). Russian words adopted and assimilated by Yakuts (Except for proper names and titles). Pp. 316-377. Scientific Works. Yakutsk (in Russian).
- Large Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 24. (2021). Moscow, St. Petersburg (in Russian).
- Large explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 3. (2006). Novosibirsk (in Yakut, Russian).
- Large explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 4. (2007). Novosibirsk (in Yakut, Russian).
- Large explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 5. (2008). Novosibirsk (in Yakut, Russian).
- Large explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 6. (2009). Novosibirsk (in Yakut, Russian).
- Large explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 8. (2011). Novosibirsk (in Yakut, Russian).
- Large explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 13. (2016). Novosibirsk (in Yakut, Russian).
- Nikolaev, E. R. (2020). Sakha personal names in linguocultural aspect. Novosibirsk (in Russian).
- Pavlinov, D. M. (1929). About property right of Yakuts. Pp. 1-46. Materials on customary law and social life of Yakuts. Leningrad (in Russian).
- Pekarskiy, E. K. (1958). Dictionary of the Yakut language. Vol. 1. Moscow (in Russian, Yakut).
- Pekarskiy, E. K. (1959). Dictionary of the Yakut language. Vol. 3. Moscow (in Russian, Yakut).
- Russian-Yakut, Yakut-Russian dictionary of terms, concepts of criminal law and process. (2023). Yakutsk (in Russian, Yakut).
- Skryabina, A. A. (2017). Euphemisms about illness and death in the Yakut language. Bulletin of Chelyabinsk State University. 9, 67-73. Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32274519_87067391.PDF (in Russian).
- Sleptsov, P. A. (1986). Yakut literary language: origins, formation of norms. Novosibirsk (in Russian).
- Ubryatova, E. I. (2011). About the Dolgan language. Pp. 115-140. Selected works. Studies on Turkic languages. Novosibirsk (in Russian).
- Voronkin, M. S. (1999). The dialect system of the Sakha language: Formation, interaction with the literary language and characterization. Novosibirsk (in Russian).
- Voronkin, M. S. (2002). The Yakuts of Yessey (article). Pp. 5-27. Folklore of the Yakuts of Yessey. Yakutsk (in Yakut).
- Voronkin, M. S., Emelianov, N. V. (1959). The Yakuts of Yessey. *Kyym*, 136, 3 (in Yakut).
-

Citation:

Жансай А. Л. Диалектная лексика обычного права якутов // Юрислингвистика. – 2025 – 36. – С. 10-15.

Zhansai A. L. (2025) Dialectal Vocabulary of Yakut Customary Law. *Legal Linguistics*, 36, 10-15.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Понимание текстов гражданско-правовых договоров читающими

Л. Д. Цыгульская

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева, 15, 614068, Пермь, Россия. E-mail: tsygulskaya-ld@mail.ru*

Статья посвящена исследованию понимания современных юридических текстов носителями русского языка. Юридические тексты играют огромную роль в современном мире и являются неотъемлемой частью правовой и языковой культуры общества. Актуальность исследования обусловлена возрастающей сложностью правовых отношений в современном обществе и необходимостью доступного изложения юридических норм для широкой аудитории. Предметом исследования является понимание текстов гражданско-правовых договоров, таких как договор купли-продажи и кредитный договор. В статье проанализированы результаты анкетирования 60 информантов, целью которого было выявление уровня их понимания содержания представленных юридических текстов. Анкета включала по 8 вопросов к каждому тексту с четырьмя вариантами ответов. В результате анкетирования получено и проанализировано 960 реакций респондентов. Исследование показало, что, несмотря на наличие значительного количества правильных ответов (от 55% до 93,3% в зависимости от вопроса), существует существенная доля информантов, испытывающих трудности в понимании текстов гражданско-правовых договоров. Наиболее сложными для информантов оказались вопросы, связанные с правами и обязанностями сторон договора, особенно с теми, которые не кажутся очевидными исходя из бытовых представлений. Наиболее легкими вопросами в обоих случаях оказались вопросы относительно времени, когда происходит действие с основным предметом договора. Исследование показывает, что сложность восприятия юридических документов связана с особенностями юридического языка и юридической техники, а также недостаточной правовой грамотностью населения.

Ключевые слова: юридический текст, понимание юридических текстов, гражданско-правовой договор.

Comprehension of Civil Law Contracts by Readers

L. D. Tsygulskaya

*Perm State National Research University
15 Bukireva St., 614068, Perm, Russia. E-mail: tsygulskaya-ld@mail.ru*

The article is concerned with the comprehension of modern legal texts by native Russian speakers. Legal texts play a huge role in the modern world and are an integral part of the law and language culture of society. The relevance of the study is due to the increasing complexity of legal relations in modern society and the need for an accessible statement of legal norms for general readers. The subject of the study is the comprehension of the texts of civil contracts, such as a purchase-sale contract and a credit contract. The article presents an analysis of a survey of 60 informants, the purpose of which was to identify the level of their comprehension of the presented legal texts. The questionnaire included 8 questions for each text with four answer options. As a result, 960 reactions were obtained and analyzed. The study showed that, despite the presence of a significant number of correct answers (from 55% to 93.3% depending on the question), there is a significant proportion of informants who have difficulty comprehending the texts of civil contracts. The most difficult questions for informants were those related to the rights and obligations of the parties to the contract, especially those that do not seem obvious based on common beliefs. The easiest questions in both cases were questions about the time when the action with the main subject of the contract occurs. The study shows that the difficulty in perceiving legal documents is associated with the peculiarities of legal language and legal writing, as well as insufficient legal literacy of the population.

Key words: legal text, comprehension of legal texts, civil contract.

1. Введение

Понимание юридических текстов представляет собой одну из наиболее актуальных проблем в области права и лингвистики текста, особенно в условиях современного общества, где правовые отношения становятся все более

сложными и многообразными. Проблема понимания юридических текстов традиционно рассматривается с двух сторон – с точки зрения языка и права. Лингвисты и правоведы исходят из разных презумпций: для первых текст закона, как и любой другой текст, представляет собой речевое произведение, которое в силу своей природы допускает большое количество интерпретаций [Голев 2015]; вторые считают, что в процессе интерпретации правового текста главной задачей является постижение «духа», а не «буквы» закона, т.е. выяснение воли законодателя [Коркунов 2010]. При этом и юристы, и лингвисты указывают на сложность и противоречивость феномена юридического языка как на основные причины, вызывающие трудности в понимании правовых текстов [Блинова, Тарасов 2023; Martinez, Mollica, Gibson 2022, 2023 и др.]. Понимание юридических текстов последнее время вызывает растущий интерес среди исследователей [Анахина, Вахитова 2019; Белов, Гулида 2019; Вахитова 2016; Глазанова 2021; Пешкова, Вахитова, Ибатуллина 2020; Руднева, Трощенко 2023; Шепелев 2023].

Несмотря на то что обычные люди постоянно являются участниками правовых отношений и, следовательно, любые юридические тексты должны быть написаны понятным и доступным для каждого языком, на практике мы видим противоположную картину. Юридические документы часто содержат формулировки, которые могут быть трудны для восприятия широкой аудиторией, что связано с использованием специфической терминологии и сложностью синтаксических структур. Кроме того, языку закона присуща «синонимическая вариативность многозначность языковых формул, наличие семантических лагун» [Галашина 2020: 148], что создает предпосылки для инотолкования текста.

Юридические тексты отличаются разнообразием видов и языковыми особенностями. В соответствии с делением на отрасли права юридические документы делятся на конституционно-правовые, гражданско-правовые, уголовно-правовые и т.д. [Уздимаева 2020: 45]. В гражданско-правовых отношениях наиболее часто встречаются такие документы, как договоры. Понимание текстов гражданско-правовых договоров и будет рассмотрено в настоящей статье.

2. Материал и методы исследования

Для изучения понимания текстов гражданско-правовых договоров было проведено анкетирование, в котором информанты знакомились с юридическими текстами и отвечали на ряд вопросов относительно этих текстов. В качестве текстов были выбраны отрывки из двух договоров: договора купли-продажи и кредитного договора, которые включают описание предмета договора, субъектов, прав и обязанностей сторон.

Анкета включала вопросы, направленные на выявление понимания содержания текстов – по восемь вопросов к каждому тексту; вопросы были сформулированы на литературном языке без использования юридических терминов.

Приведем изучаемые отрывки текстов и вопросы к ним.

Фрагмент из договора купли-продажи недвижимого имущества:

3.1. *Недвижимое имущество передается Продавцом Покупателю по акту приема-передачи, являющемуся приложением к настоящему Договору, в течение 7 (семи) дней с даты подписания настоящего Договора.*

3.2. *Продавец обязан передать Покупателю, а Покупатель – принять у Продавца Недвижимое имущество по акту приема-передачи в порядке и в сроки, предусмотренные настоящим разделом Договора, в пригодном для проживания состоянии, свободным от прав и претензий третьих лиц, укомплектованным исправным сантехническим, электротехническим и иным оборудованием, без задолженностей на момент передачи Недвижимого имущества по квартплате, коммунальным платежам, оплате электроэнергии, капитальному ремонту.*

3.3. *Риск случайной гибели или повреждения Недвижимого имущества до его передачи по Передаточному акту несет Продавец.*

3.4. *Пошлину за государственную регистрацию перехода права собственности оплачивает Покупатель. Иные расходы стороны могут разделить поровну в порядке, предусмотренном действующим законодательством Российской Федерации.*

3.5. *Продавец гарантирует отсутствие лиц, сохраняющих в соответствии с законодательством Российской Федерации право пользования Недвижимым имуществом после его приобретения Покупателем.*

К данному тексту были заданы следующие вопросы и предложены следующие варианты ответов (указаны в скобках после каждого вопроса):

1. Кто может потерять квартиру из-за аварий или других чрезвычайных ситуаций после передачи товара покупателю? (продавец; покупатель; никто; иные лица).

2. Кто оплачивает государственную пошлину за регистрацию права собственности? (продавец; покупатель; государственная пошлина не оплачивается; продавец и покупатель пополам).

3. Кто может потерять квартиру из-за аварий или других чрезвычайных ситуаций до передачи товара покупателю? (продавец; покупатель; никто; иные лица).

4. Квартира передается покупателю в течение 7 дней начиная с какой даты? (с даты подписания договора; с даты передачи ключей покупателю; с даты оплаты договора; с даты освобождения имущества продавцом).

5. Должен ли продавец погасить задолженность по коммунальным платежам до получения квартиры покупателем? (должен; не должен; в договоре об этом не говорится; это должен сделать покупатель).

6. Кто должен оплатить задолженность по капитальному ремонту до передачи квартиры покупателю? (продавец; покупатель; продавец и покупатель пополам; в договоре об этом не говорится).

7. Кто может оплатить расходы по оформлению документов (выписка из ЕГРН, согласие второго супруга и т.д.), которые необходимы для заключения договора? (продавец; покупатель; продавец и покупатель пополам; в договоре об этом не говорится).

8. Могут ли родственники продавца пользоваться квартирой после его продажи? (могут; могут с согласия покупателя; не могут; в договоре об этом не говорится).

Фрагмент из кредитного договора:

3.1. Начисление процентов за пользование кредитом производится с даты предоставления кредита до дня возврата кредита включительно, исходя из процентной ставки и срока кредита, указанных в настоящем договоре, а в случае несвоевременного погашения задолженности (просрочки) – по дате ее погашения.

3.2. При начислении процентов количество дней в году принимается равным фактическому количеству календарных дней.

3.3. Выплата процентов за пользование кредитом производится Заемщиком ежемесячно, 25 числа каждого календарного месяца. Если день выплаты процентов приходится на нерабочий день, то платеж переносится на следующий за ним рабочий день.

3.4. Выплата процентов за пользование кредитом производится Заемщиком путем перечисления денежных средств на счет Кредитора.

3.5. Датой исполнения обязательств по уплате процентов является дата поступления соответствующей суммы денежных средств в банк, в котором открыт счет.

3.6. В случае досрочного исполнения Заемщиком обязательств по возврату кредита в полном объеме, процентные платежи уплачиваются из расчета времени фактического пользования кредитом до дня возврата включительно.

К данному тексту были заданы следующие вопросы и предложены следующие варианты ответов (указаны в скобках после каждого вопроса):

1. Когда нужно произвести платеж, если день выплаты процентов приходится на нерабочий день? (платеж переносится на следующий за ним рабочий день; платеж переносится на следующий месяц; платеж переносится на предшествующий ему рабочий день; платеж переносится на неделю).

2. С какой даты будут начислены проценты за пользование кредитом? (с даты внесения первого платежа; с даты предоставления кредита; с даты одобрения кредита; с даты, которую определил банк).

3. До какого времени будут начисляться проценты за пользование кредитом? (до дня возврата кредита; до дня, который определил банк; до дня, который определил человек, взявший кредит; до дня, который совместно определили банк и человек, взявший кредит).

4. Как часто нужно выплачивать проценты за пользование кредитом? (ежемесячно; раз в квартал, по соглашению между банком и человеком, взявшим кредит; раз в год).

5. Каким способом выплачиваются проценты за пользование кредитом? (путем внесения наличных денежных средств; путем перечисления денежных средств на счет банка; путем списания денежных средств со счета человека, взявшего кредит; об этом в договоре не говорится).

6. С какой даты обязанность по уплате процентов будет исполнена? (с даты поступления денежных средств в банк, в котором открыт счет; с даты произведения оплаты человеком, взявшим кредит; с даты списания денежных средств со счета человека, взявшего кредит; об этом в договоре не говорится).

7. Как уплачиваются процентные платежи в случае досрочного погашения кредита? (из расчета времени фактического пользования кредитом до дня возврата включительно; со дня предоставления кредита до дня возврата включительно; со дня одобрения кредита до дня возврата включительно; в этом случае процентные платежи не уплачиваются).

8. Как исчисляются сроки в договоре? (в рабочих днях; в календарных днях; и в календарных, и в рабочих днях; об этом в договоре не говорится).

В анкетировании участвовали 60 информантов, из которых 18 мужчин и 42 женщины с разным уровнем образования; возраст информантов варьировал от 22 до 72 лет. В настоящей статье социальные характеристики информантов не анализируются, рассматривается только общая картина понимания представленных юридических текстов. В результате анкетирования было получено и проанализировано 960 ответов информантов на представленные выше вопросы.

3. Анализ ответов на вопросы анкеты

3.1. Договор купли-продажи

Первый вопрос касался субъекта, который может потерять квартиру в случае чрезвычайных ситуаций после ее передачи. На этот вопрос правильный ответ – «покупатель» – дали 50 человек (83,4% информантов). При этом ответ «никто» дали 5 человек (8,3%), ответ «продавец» – 5 человек (8,3%), а ответ «иные лица» не выбрал никто из информантов. Ответ «никто», выбранный информантами, указывает на то, что часть из них не понимает, что описываемый в договоре объект (квартира) в случае «риска случайной гибели» будет утрачен или непоправимо поврежден, т. е. не понимает существенную часть договора. Неправильно ответили на данный вопрос 16,6% информантов.

Второй вопрос касался субъекта, который должен нести расходы по уплате государственной пошлины за регистрацию права собственности. На данный вопрос правильный ответ – «покупатель» – дали 51 человек (85% информантов). Ответ «продавец» дали 6 человек (10%), ответ «продавец и покупатель пополам» – 3 человека (5%). Ответ «государственная пошлина не оплачивается» не выбрал никто из информантов, что говорит об осознании информантами необходимости уплаты государственной пошлины за государственную регистрацию права собственности. В целом неправильно ответили на данный вопрос 15% информантов.

Третий вопрос касался субъекта, который может потерять квартиру в случае чрезвычайных ситуаций до ее передачи. На этот вопрос правильный ответ – «продавец» – дали 52 человека (86,6% информантов). При этом ответ

«никто» дали 4 человека (6,7%), ответ «покупатель» – 4 человека (6,7%), а ответ «иные лица» не выбрал никто из информантов. Так же, как и в первом вопросе, ответ «никто», выбранный информантами, указывает на то, что часть из них не понимает, что описываемый в договоре объект (квартира) в случае «риска случайной гибели» будет утрачен или непоправимо поврежден, т. е. не понимает существенную часть договора. Неправильно ответили на данный вопрос 13,4% информантов.

Четвертый вопрос касался времени, в течение которого квартира передается покупателю. На этот вопрос правильный ответ – «с даты подписания договора» – дали 56 человек (93,3% информантов). При этом ответ «с даты оплаты договора» дали 4 человека (6,7%). Ответы «с даты передачи ключей покупателю» и «с даты освобождения имущества продавцом» не были выбраны информантами, что говорит о том, что большинство респондентов понимает, что юридически значимым моментом является именно подписание договора. Неправильно ответили на данный вопрос 6,7% информантов.

Пятый вопрос касался одного из субъектов договора и его обязанности оплатить задолженность по коммунальным платежам до передачи квартиры. На этот вопрос правильный ответ – «должен» – дали 53 человека (88,3% информантов). При этом ответ «в договоре об этом не говорится» дали 5 человек (8,3%), по 1 человеку выбрали ответы «не должен» (1,7%) и «это должен сделать покупатель» (1,7%). Ответ «в договоре об этом не говорится», выбранный информантами, говорит о том, что часть информантов не понимает, какие обязательства по коммунальным платежам несет стороны договора, т. е. отсутствует понимание прав и обязанностей субъектов договора, что является его существенной частью. Неправильно ответили на данный вопрос 11,7% информантов.

Шестой вопрос касался субъекта договора, который должен нести обязанность по уплате задолженности по капитальному ремонту до передачи квартиры. На этот вопрос правильный ответ – «продавец» – дали 49 человек (81,7% информантов). При этом ответ «в договоре об этом не говорится» дали 11 человек (18,3%), а ответы «покупатель» и «продавец и покупатель пополам» не выбрал никто из информантов. Так же, как и в пятом вопросе, ответ «в договоре об этом не говорится», выбранный информантами, указывает на наличие неопределенности и недостаточное понимание прав и обязанностей сторон, что может привести к непониманию условий договора. Неправильно ответили на данный вопрос 18,3% информантов.

Седьмой вопрос касался субъекта, который может оплатить иные расходы, связанные с заключением договора. На этот вопрос правильный ответ – «продавец и покупатель пополам» – дали 33 человека (55% информантов). При этом ответ «в договоре об этом не говорится» дали 14 человек (23,3%), ответ «покупатель» – 8 человек (13,4%), «продавец» – 5 человек (8,3%). Как и ранее, ответ «в договоре об этом не говорится», выбранный информантами, говорит о том, что часть информантов не понимает права и обязанности субъектов в представленном отрывке договора, т. е. не понимает существенную часть договора. Неправильно ответили на данный вопрос 45% информантов.

Восьмой вопрос касался субъектов, которые могут пользоваться квартирой после продажи. На этот вопрос правильный ответ – «не могут» – дали 46 человек (76,7% информантов). При этом ответ «в договоре об этом не говорится» дали 10 человек (16,6%), ответ «могут с согласия покупателя» – 4 человека (6,7%), а ответ «могут» не выбрал никто из информантов. В очередной раз, ответ «в договоре об этом не говорится», выбранный информантами, говорит о том, что часть информантов не понимает права и обязанности субъектов в представленном отрывке договора, т. е. не понимает существенную часть договора. Неправильно ответили на данный вопрос 23,3% информантов.

Таким образом, на большинство вопросов значительное количество информантов ответило правильно, определив, кто несет ответственность или какие права у сторон возникают в различных ситуациях. Количество правильных ответов варьирует от 55% до 93,3%, т. е. значительная часть информантов понимает основные условия договора купли-продажи недвижимости. В ряде случаев (например, вопросы один, три, пять, шесть и семь) значительная доля респондентов выбрала вариант ответа «в договоре об этом не говорится» или дала неправильные ответы. Это указывает на наличие трудностей в понимании условий договора.

Информантам легче всего было ответить на четвертый вопрос, касающийся момента передачи квартиры (93,3% правильных ответов). Возможно это связано с тем, что для обывателя это важная информация, которая касается самого процесса покупки квартиры. Наибольшую сложность вызвал седьмой вопрос, касающийся субъекта, который может оплатить иные расходы, связанные с заключением договора (всего 55% правильных ответов). Это может быть связано с тем, что большая часть информантов не понимает, что при заключении договора купли-продажи могут возникнуть иные расходы, кроме уплаты государственной пошлины за регистрацию права собственности, кроме того, им непонятно, кто должен их оплачивать.

3.2. Кредитный договор

Первый вопрос касался времени оплаты процентов в случае, если день выплаты процентов приходится на нерабочий день. На этот вопрос правильный ответ – «платеж переносится на следующий за ним рабочий день» – дали 53 человека (83,4% информантов). При этом ответ «платеж переносится на предшествующий ему рабочий день» дали 5 человек (8,3%), ответ «платеж переносится на неделю» – 2 человека (3,3%). Наличие данных ответов может указывать на существующие заблуждения о правилах, касающихся сроков платежей. Ответ «платеж переносится на следующий месяц» не выбрал никто из информантов, что может свидетельствовать о том, что информанты понимают, что перенос на более длительный срок не является практикой в данной ситуации. Неправильно ответили на данный вопрос 16,6% информантов.

Второй вопрос касался времени начала начисления процентов за пользование кредитом. На этот вопрос правильный ответ – «с даты предоставления кредита» – дали 46 человека (76,7% информантов). При этом ответ «с даты внесения первого платежа» дали 9 человек (15%), ответ «с даты, которую определил банк» – 4 человека (6,6%), ответ «с даты одобрения кредита» – 1 человек (1,7%). Ответы «с даты внесения первого платежа» и ответ «с даты, которую определил банк», выбранные информантами, могут указывать на недостаточное понимание процесса кредитования и условий, при которых начинаются проценты. Неправильно ответили на данный вопрос 23,3% информантов.

Третий вопрос касался времени окончания начисления процентов за пользование кредитом. На этот вопрос правильный ответ – «до дня возврата кредита» – дали 54 человека (90% информантов). При этом по 5 человек дали ответы «до дня, который определил банк» (5%) и ответ «до дня, который совместно определили банк и человек, взявший кредит» (5%). Ответ «до дня, который определил человек, взявший кредит» не выбрал никто из информантов, что может свидетельствовать о том, что большинство информантов понимает, что условия кредитования устанавливаются банком и не могут быть изменены на усмотрение заемщика. Неправильно ответили на данный вопрос 10% информантов.

Четвертый вопрос касался периодичности выплаты процентов за пользование кредитом. На этот вопрос правильный ответ – «ежемесячно» – дали 51 человек (85% информантов). При этом ответ «по соглашению между банком и человеком, взявшим кредит» дали 6 человек (10%), ответ «раз в год» – 2 человека (3,3%), ответ «раз в квартал» – 1 человек (1,7%). Ответ «раз в год», выбранный информантами, говорит о том, что часть информантов путает выплату процентов по кредитному договору и выплату процентов по вкладам. Неправильно ответили на данный вопрос 15% информантов.

Пятый вопрос касался способа выплаты процентов за пользование кредитом. На этот вопрос правильный ответ – «путем перечисления денежных средств на счет банка» – дали 44 человека (73,4% информантов). При этом ответ «путем списания денежных средств со счета человека, взявшего кредит» дали 9 человек (15%), ответ «об этом в договоре не говорится» – 5 человек (8,3%), ответ «путем внесения наличных денежных средств» – 2 человека (3,3%). Ответ «в договоре об этом не говорится», выбранный информантами, говорит о том, что часть информантов не осознает, как именно происходит процесс погашения кредита. Кроме того, это может указывать на недостаточную ясность в понимании информантами формулировок кредитного договора. Неправильно ответили на данный вопрос 26,6% информантов.

Шестой вопрос касался момента исполнения обязанности по уплате процентов. На этот вопрос правильный ответ – «с даты поступления денежных средств в банк, в котором открыт счет» – дали 39 человек (65% информантов). При этом ответ «с даты списания денежных средств со счета человека, взявшего кредит» дали 8 человек (13,3%), ответ «об этом в договоре не говорится» – 8 человек (13,3%), ответ «с даты произведения оплаты человеком, взявшим кредит» – 5 человек (8,4%). Ответ «в договоре об этом не говорится», выбранный информантами, говорит о том, что часть информантов не понимает, в какой момент обязанность по уплате процентов считается исполненной, т. е. не понимает существенную часть договора. Неправильно ответили на данный вопрос 35% информантов.

Седьмой вопрос касался расчета времени уплаты процентных платежей в случае досрочного погашения кредита. На этот вопрос правильный ответ – «из расчета времени фактического пользования кредитом до дня возврата включительно» – дали 43 человека (71,7% информантов). При этом ответ «со дня предоставления кредита до дня возврата включительно» дали 12 человек (20%), ответ «со дня одобрения кредита до дня возврата включительно» – 3 человека (5%), ответ «в этом случае процентные платежи не уплачиваются» – 2 человека (3,3%). Ответ «в этом случае процентные платежи не уплачиваются», выбранный информантами, указывает на то, что часть информантов не осознает, что даже при досрочном погашении кредита проценты могут быть начислены за фактический срок пользования кредитом. Это говорит о недостаточной осведомленности о кредитных обязательствах и не понимании сути кредитных отношений. Неправильно ответили на данный вопрос 28,3% информантов.

Восьмой вопрос касался исчисления сроков в договоре. На этот вопрос правильный ответ – «в календарных днях» – дали 41 человек (68,4% информантов). При этом ответ «и в календарных, и в рабочих днях» дали 11 человек (18,3%), ответ «об этом в договоре не говорится» – 5 человек (8,3%), ответ «в рабочих днях» – 3 человека (5%). Ответ «и в календарных, и в рабочих днях», выбранный информантами, может свидетельствовать о том, что у информантов имеется неясность в понимании терминологии. Ответ «в договоре об этом не говорится», выбранный информантами, говорит о том, что часть информантов не понимает, каким образом происходит исчисление сроков, т. е. не понимает существенную информацию, содержащуюся в договоре. Неправильно ответили на данный вопрос 31,6% информантов.

В целом информанты продемонстрировали умеренный уровень осведомленности о правилах и условиях кредитования. Количество правильных ответов варьируется от 65% до 90%, т. е. большая часть информантов понимает основные условия кредитных обязательств, однако достаточно велико количество тех, кто плохо понимает текст договора. Ответы на вопросы о начале и окончании начисления процентов, а также о способах и моментах исполнения обязательств, показывают, что часть информантов не понимает, как именно работает система кредитования.

Наиболее простым для информантов оказался третий вопрос о времени окончания начисления процентов за пользование кредитом. Правильный ответ – «до дня возврата кредита» – был дан 90% информантов. Так, начисление процентов до полного погашения долга является очевидным и интуитивно понятным аспектом кредитования для большинства информантов. Наибольшую сложность вызвал шестой вопрос, касающийся момента исполнения обязанности по уплате процентов (65% правильных ответов). Вероятно, это связано с тем, что многие

информанты редко сталкиваются или не знакомы вовсе с разными способами произведения оплаты задолженности в отношениях с банком.

4. Сопоставление понимания текстов разных договоров

Сопоставление ответов респондентов на вопросы по текстам договора купли-продажи и кредитного договора показывает, что кредитный договор (77,3% правильных ответов) вызвал больше трудностей при восприятии, чем договор купли-продажи недвижимого имущества (81,3% правильных ответов).

Наиболее легкими в обоих случаях оказались вопросы относительно времени, когда происходит действие с основным предметом договора: в первом случае – это время передачи квартиры, во втором – время окончания начисления процентов. Возможно, люди отвечают на эти вопросы, опираясь на жизненный опыт, а не только на текст.

Наиболее сложными для информантов оказались вопросы, связанные с правами и обязанностями сторон договора, особенно с теми, которые не кажутся очевидными исходя из бытовых представлений. По всей видимости, сложность восприятия юридических документов в целом и именно этих вопросов для информантов связана с особенностями юридического языка и юридической техники. Так, например, наиболее сложный для всех информантов вопрос, на который правильно ответили лишь немногим более половины информантов (седьмой вопрос к договору купли-продажи), относился к следующему фрагменту текста: *Иные расходы стороны могут разделить поровну в порядке, предусмотренном действующим законодательством Российской Федерации*. В данном фрагменте текста используется термин *стороны*, объединяющий продавца и покупателя, что, очевидно, не всегда понятно информантам; кроме того, высказывание осложняется традиционной формулировкой *в порядке, предусмотренном действующим законодательством Российской Федерации*, которая в реальности не проясняет содержание текста информантам, не слишком хорошо знакомым с нюансами действующего законодательства.

4. Выводы

Таким образом, несмотря на то что респондентам для ознакомления были предложены наиболее часто встречающиеся в обычной жизни типы документов – договор купли-продажи и кредитный договор, количество неправильных ответов по содержанию текста говорит о слабой степени понимания текстов респондентами.

Сложность восприятия юридических документов связана с особенностями юридического языка и юридической техники. Информанты не могут сопоставить юридические термины и их общелитературные синонимы; не различают разновидности объектов и действий, упомянутых в договоре, если в нем не присутствует их описания; затрудняются в понимании традиционных юридических формулировок; наконец, плохо знакомы с законодательством. Все это приводит к недостаточному пониманию юридических текстов обычными людьми.

Анкетирование показало, что кредитный договор, с которым люди сталкиваются чаще в повседневной жизни, понимается информантами хуже, чем договор купли-продажи, что, очевидно, связано с его юридической сложностью и использованием специфической терминологии: в отличие от более привычного и понятного договора купли-продажи, кредитный договор включает множество условий, связанных с процентными ставками, сроками погашения и правами сторон, что может вызывать трудности в понимании текста договора.

Литература

- Анохина С. З., Вахитова Г. В. Лингвистические характеристики юридического текста как фактор влияния на его восприятие и понимание адресатом-юристом / Вестник Башкирского университета. – 2019. – № 2. – С. 425-429.
- Белов С. А., Гулида В. Б. Язык юридических документов: сложности понимания / Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2019. – № 15. – С. 56-103
- Блинова О. В., Тарасов Н. А. Языковая сложность русских юридических подстилей и жанров / Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2023. – № 2. – Том. 9 – С. 73-96.
- Вахитова Г. В. Исследование особенностей восприятия юридического текста / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9-2 (63). – С. 68-71.
- Галяшина Е. И. Лингвистическая экспертиза нормативных правовых актов как средство профилактики коррупции / Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 2. – С. 147-151.
- Глазанова Е. В. Студентка vs водитель в возрасте, или почему никто не любит читать официальные документы / Социо- и психолингвистические исследования. – 2021. – № 9. – С. 76-85.
- Голев Н. Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования / Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 138-148.
- Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М., 2010.
- Пешкова Н. П., Вахитова Г. В., Ибатуллина Н. С. Восприятие и интерпретация текстов юридического дискурса (на материале поправок к Конституции Российской Федерации и интернет-комментариев) / Вопросы современной лингвистики. – 2020. – № 5. – С. 112-129.
- Руднева Е. А., Троценкова Е. В. Проблема понятности юридических документов в контексте профессиональной идентичности / Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 489. – С. 25-35.
- Уздимаева Н. И. Проблемы классификации юридических документов / Контентус. – 2020. – № 7. – С. 42-50.
- Шепелев А. Н. Критика теории простого юридического языка / ПРАВО: история и современность. – 2023. – № 4. – С. 408-414.

Martinez E., Mollica F., Gibson E. Poor writing, not specialized concepts, drives processing difficulty in legal language / *Cognition*. – 2022. – No. 224. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2022.105070>

Martinez E., Mollica F., Gibson E. Even lawyers do not like legalese / *Psychological and Cognitive Sciences*. – 2023. – Vol. 120. – No. 23. URL: <https://doi.org/10.1073/pnas.2302672120>.

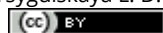
References

- Anokhina, S. Z., Vakhitova, G. V. (2019). Linguistic characteristics of a legal text as a factor influencing its perception and comprehension by the addressee-lawyer. *Bulletin of the Bashkir University*, 2, 425-429 (in Russian).
- Belov, S. A., Gulida, V. B. (2019). The language of legal documents: the complexities of comprehension. *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 15, 56-103 (in Russian).
- Blinova, O. V., Tarasov, N. A. (2023). Language complexity across sub-styles and genres in legal Russian. *Research result. Theoretical and Applied Linguistics*, 9 (2), 73-96 (in English).
- Galyashina, E. I. (2020). Linguistic examination of regulatory legal acts as a means of preventing corruption. *Bulletin of Economic Security*, 2, 147-151 (in Russian).
- Glazanova, E. V. (2021). Student vs older driver, or why no one likes to read official documents. *Socio- and psycholinguistic studies*, 9, 76-85 (in Russian).
- Golev, N. D. (2015). Legal terminology in the context of doctrinal interpretation. *Siberian Philological Journal*, 4, 138-148 (in Russian).
- Korkunov, N. M. (2010) *Lectures on the general theory of law: a monograph*. Moscow (in Russian).
- Martinez, E., Mollica, F., Gibson, E. (2023). Even lawyers do not like legalese. *Psychological and Cognitive Sciences*, 120(23). Available from: <https://doi.org/10.1073/pnas.2302672120> (in English).
- Martinez, E., Mollica, F., Gibson, E. (2022). Poor writing, not specialized concepts, drives processing difficulty in legal language, *Cognition*, 224. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2022.105070> (in English)
- Peshkova, N. P., Vakhitova, G. V., Ibatullina, N. S. (2020). Perception and interpretation of legal discourse texts (based on amendments to the Constitution of the Russian Federation and Internet comments). *Issues of modern linguistics*, 5, 112-129 (in Russian).
- Rudneva, E. A., Troshenkova, E. V. (2023). The problem of clarity of legal documents in the context of professional identity. *Bulletin of Tomsk State University*, 489, 25-35 (in Russian).
- Shepelev, A. N. (2023). Critique of the theory of simple legal language. *LAW: history and modernity*, 4, 408-414 (in Russian).
- Uzdimaeva, N. I. (2020). Problems of classification of legal documents. *Contentus*, 7, 42-50 (in Russian).
- Vakhitova, G. V. (2016). Research of the peculiarities of perception of legal text. *Philological sciences. Theoretical and practical issues*, 9-2 (63), 68-71 (in Russian).

Citation:

Цыгульская Л. Д. Понимание текстов гражданско-правовых договоров читающими // *Юрислингвистика*. – 2025 – 36. – С. 16-22.

Tsygul'skaya L. D. (2025) *Comprehension of Civil Law Contracts by Readers*. *Legal Linguistics*, 36, 16-22.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Категория сложности юридических терминов: сравнительный анализ интерпретации человеком и искусственным интеллектом

В. С. Мельникова¹, Г. В. Напреенко²

Кемеровский государственный университет

ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. E-mail: ¹melnikovavika2017@yandex.ru,

²galina_napreenko@mail.ru

Статья посвящена сравнительному анализу способов интерпретации юридических терминов человеком и искусственным интеллектом в аспекте категории сложности. В качестве материала исследования используются термины, представленные в тексте закона Кемеровской области «Об усилении ответственности за нарушение условий безопасности и охраны труда в организациях угольной промышленности». Цель статьи заключается в исследовании вариативности обыденной интерпретации юридических терминов и их интерпретации искусственным интеллектом, соотношения способов интерпретации (толкования) юридических терминов человеком и искусственным интеллектом. Особое внимание уделяется анализу обыденного понимания юридических терминов, которое исследуется методом опроса студентов-юристов. Такой подход позволяет оценить, насколько естественная человеческая интерпретация соотносится с формализованными алгоритмами машинной обработки языка. В ходе исследования сравнивается, как искусственный интеллект и человек подходят к интерпретации терминов различной степени сложности. Результаты исследования демонстрируют, что искусственный интеллект эффективно обрабатывает стандартизированные термины, однако испытывает трудности при толковании контекстуально зависимых или многозначных понятий. В то же время человек лучше справляется с интерпретацией сложных и абстрактных категорий благодаря способности учитывать внеязыковые факторы. Работа вносит вклад в дискуссию о возможностях и ограничениях применения искусственного интеллекта в юридической сфере, а также поднимает вопросы оптимизации взаимодействия между человеческим и машинным анализом правовых текстов.

Ключевые слова: сложность текста закона, интерпретация, искусственный интеллект, тождество и различие.

Category of Complexity of Legal Terms: Comparative Analysis of Human and Artificial Intelligence Interpretations

V. S. Melnikova¹, G. V. Napreenko²

Kemerovo State University

6 Krasnaya St., 650000, Kemerovo, Russia. E-mail: ¹melnikovavika2017@yandex.ru,

²galina_napreenko@mail.ru

The article covers a comparative analysis of the ways in which humans and artificial intelligence interpret legal terms in respect of the category complexity. The research material is the terms presented in the text of the law of the Kemerovo Oblast "On Strengthening Liability for Violating Occupational Health and Safety Conditions in Coal Industry Organizations". The goal of the work is to identify the key differences in the approaches to interpretation used by humans and AI, as well as to determine how the complexity of terms affects the accuracy and effectiveness of their interpretation. Particular attention is paid to the analysis of the everyday understanding of legal terms, which is studied by surveying law students. This allows us to assess how natural human perception correlates with formalized algorithms for machine language processing. The study compares how AI copes with the interpretation of terms of varying complexity - from basic to highly specialized - in comparison with human analysis. The results of the study demonstrate that artificial intelligence effectively processes standardized and clearly defined terms, but has difficulties in interpreting context-dependent or ambiguous concepts. At the same time, humans are better at interpreting complex and abstract categories due to their ability to take into account extralinguistic factors. The work contributes to the discussion about the possibilities and limitations of using AI in the legal field, and also raises questions about optimizing the interaction between human and machine analysis of legal texts.

Key words: complexity of the text of the law, interpretation, artificial intelligence, identity and difference.

Юридический дискурс «представляет собой один из наиболее своеобразных коммуникативных кодов, традиционно используемых в институциональной среде» [Кожемякин 2011: 135]. Юридические тексты зачастую отличаются высокой степенью сложности, поскольку они имеют специфическую лингвистическую структуру, в которой используются термины с особым правовым значением. Такая сложность может создавать барьеры для понимания не только рядовыми гражданами, но и профессионалами. Юридический язык отличается лексико-семантической неоднозначностью: как отмечают О. В. Блинова и С. А. Белов, один и тот же термин может приобретать разные значения в зависимости от контекста или отрасли права [Блинова, Белов 2020: 783]. Проблема терминологической точности в юридической сфере усугубляется тем, что даже законодательные дефиниции, формально выверенные, на практике нередко порождают разночтения. По словам М. В. Батюшкиной, «выверенная с различных позиций законодательная норма... может оказаться неясно, неточно или неоднозначно интерпретируемой» [Батюшкина 2021: 149]. Можно говорить о том, что одной из значимых категорий юридического дискурса является категория сложности, определяющая возникновение множественной интерпретации юридической терминологии.

Сложность как категория текста рассматривается в разных аспектах: сложность как переводческая категория [Федюченко 2009; Габитов 2023; Мельникова 2025], сложность учебных текстов [Вахрушева и др. 2021]; как объективный параметр текста наряду с читабельностью, понятностью, влияющими на трудность текста [Кисельников 2015]; как юрислингвистическая проблема [Мельникова 2021: 32; Голев 2015]. Сложность текста может рассчитываться на основе количественных и качественных параметров текста, уровня подготовки читателей [Fisher et al., 2012]. Категория сложности юридического текста связана с толкованием, то есть интерпретацией его содержания, пониманием иллокуции законодательного акта рядовыми гражданами.

Языковая неоднозначность юридического текста – «явление, при котором одно слово или фраза может иметь несколько значений, что создает возможность различных интерпретаций» [Тикунова 2024: 61]. Юридический текст и, в частности, юридическая терминология является многоплановым семантическим образованием, обладающим потенциалом множественной интерпретации [Щербак 2023: 84]. Семантическая неопределенность, неоднозначность, сложность, иллокутивная многозначность и синтаксическая громоздкость юридического термина выводит описываемую проблему не только на уровень адекватного содержанию термина лингвистического толкования, но и на уровень правовой неопределенности.

В самом общем смысле под интерпретационной деятельностью понимается «создание нового («своего») текста, отражающего осознание адресатом авторской интенции» [Жеребило 2010: 123]. Ю. Е. Щербак отмечает, что «исследование восприятия юридических терминов (интерпретация лексико-семантического пространства потенциального юридического текста) – это частный случай проявления амбивалентности при интерпретации юридического текста» [Щербак 2023: 84]. В данной работе под интерпретацией юридического термина понимается процесс и результат его толкования, разъяснения, объяснения и комментирования его содержания.

Единого подхода к интерпретации текста закона, как показывает обзор научной литературы, нет, исследователи обращают внимание на разные аспекты интерпретации и соответственно выделяют разные задачи интерпретационной деятельности. Например, Т. П. Агафонова указывает на необходимость выявления интенции, заложенной в тексте закона: интерпретация закона – операция, направленная «на выявление выраженной в тексте воли законодателя через уяснение смысла правовых норм, судебных решений и иных юридических предписаний. Интерпретация толкования носит характер, внутренне присущий любому правовому процессу процедуры, позволяющие выявить заложенную в нормах информацию и, следовательно, эффективно регулировать правоотношения и систему правоотношений» [Агафонова 2011]. Ю. В. Ильин указывает на когнитивную природу интерпретации юридических текстов: «Это когнитивный процесс, который может быть осуществлен двояко: или мысленное погружение в конкретную языковую фразу с целью выяснить, «что данное слово или словосочетание значит», или уточнение более широкого стратегического правового контекста» [Ильин 2005: 119]. Выделяя две стадии толкования права (уяснение и разъяснение), Р. А. Ромашов указывает на необходимость лингвистического толкования смысла норм права, словесного выражения текста соответствующей нормы: «Толкование (интерпретация) норм права – это сложный волевой процесс, направленный на установление лингвистического и юридического смысла предписаний правовых норм и доведение необходимой информации до сведения заинтересованных лиц» [Ромашов 2010: 52].

Интерпретация юридических текстов давно является предметом интереса исследователей и рассматривается в различных направлениях: правовой аспект интерпретации юридических текстов [Дубрава 2024; Тикунова 2024]; правовая герменевтика [Агафонова 2011; Ващенко 2012; Еникеев 2021]; когнитивный и лингвокогнитивный аспект правовой интерпретации [Ильин 2005; Воробьева 2014]; обыденное толкование права [Воробьева 2014; Ким 2022; Щербак 2023]; исследование функционирования правового дискурса в виртуальном пространстве [Скоробогатов, Скоробогатова 2021] и т. п. Л. Г. Ким исследует соотношение текста закона юристами-специалистами и рядовыми гражданами, выделяя субъективные (индивидуальные особенности языковой личности) и объективные («универсальные свойства языка (динамичность, значение языковых единиц, вариативность, асимметрия формы и содержания)» [Ким 2022: 301]) причины вариативности интерпретации.

В рамках «новой вариантологии» (вариантологии, расширение границ которой происходит за счет использования искусственного интеллекта как способа создания неограниченного количества вторичных текстов) [Голев, Напреенко

2025] обращение к искусственному интеллекту (далее – ИИ) позволяет выявить механизмы интерпретации ИИ при толковании терминологии, соотнести их с интерпретацией человеком, иначе – позволяет соотнести тексты естественного и искусственного происхождения, что в современной коммуникативной ситуации приобретает особую значимость ввиду активного внедрения ИИ в создание текстов разных стилей и жанров. Так, использование ИИ для анализа и толкования текстов законов позволяет выявить, как ИИ понимает юридическую терминологию и структуру правовых документов.

Цель статьи заключается в исследовании вариативности обыденной интерпретации юридических терминов и их интерпретации искусственным интеллектом, соотношения способов интерпретации (толкования) юридических терминов человеком и искусственным интеллектом. Исследуются термины, имеющие потенциал вариативности, сложности (ввиду неоднозначности их трактовки).

Оппозиция естественного и искусственного интеллекта соотносится с интерпретацией юридических терминов: студенты представляют пример обыденного (непрофессионального) толкования, тогда как система ИИ демонстрирует формализованный подход, имитирующий логику нормативно-правового анализа. Гипотеза исследования заключается в том, что ИИ демонстрирует большую формальную точность при толковании терминов, но уступает человеческой интерпретации контекстуальных аспектов юридических понятий. В непрофессиональной интерпретации реализуется толкование с опорой на субъективное восприятие термина в зависимости от опыта человека, а ИИ представляет собой определенный синтез толкований, который существует в текстах на исследуемом языке, комплекс субъективных интерпретаций, на основе которых генерируется текст. Материалом исследования явились 1) статья 1 текста закона Кемеровской области «Об усилении ответственности за нарушение условий безопасности и охраны труда в организациях угольной промышленности» [Закон Кемеровской области от 30 мая 2007 г. N 61-ОЗ], 2) результаты толкования юридических терминов из текста указанного закона студентами (в опросе участвовало 52 студента), 3) результаты толкования юридических терминов из текста закона при помощи ИИ.

Интерпретация юридических терминов человеком через призму сложности и понятности исследована путем опроса студентов, получающих высшее образование по направлению «Юриспруденция»; интерпретация ИИ – путем обращения к русскоязычной нейросети Сбер Giga Chat (промпты для работы с нейросетью аналогичны вопросам, адресованным студентам). Представлены результаты интерпретации семи терминов из текста закона: *авария, аудит, вина работника, дисциплина труда, дисциплинарный проступок, инцидент, нарушение*. Толкование, данное студентами, является неофициальным толкованием, которое представляет собой «сложный объект, предполагающий серию исследований в разных аспектах, один из которых – лингвистический» [Голев 2015: 142]. Так, сопоставляется обыденное толкование (интерпретация) лексического значения терминов, представленных в юридическом тексте, и толкование (интерпретация) ИИ.

Анализ ответов студентов на вопрос о юридическом термине позволяет выявить как общие тенденции в понимании этого термина, так и значительные расхождения с определением, данным в тексте закона. Опрос проходил в три этапа: 1) анализ понимания терминов – студенты объяснили значения ключевых понятий закона, привели примеры и интерпретировали их в контексте норм; 2) оценка сложности терминов – респонденты ранжировали термины по шкале от 1 до 7, выделили наиболее трудные и проанализировали причины их сложности (многозначность, специфика отрасли); 3) практическое применение – мы предлагали участникам упростить сложные термины из инструкций, оценить свою уверенность в их использовании (по 5-балльной шкале). Методология включает в себя сочетание открытых вопросов, множественного выбора и ранжирования для объективации данных.

Анализ результатов опроса позволил установить характерные особенности непрофессионального толкования:

– подмена юридического значения бытовыми ассоциациями. Так, *авария* сводится к ДТП (упуская горные удары, пожары), *аудит* отождествляется с бухгалтерией (игнорируется систематичность и нормативные критерии), *инцидент* трактуется как нейтральное событие (вместо угрозы несчастного случая).

– упрощение многоэлементных дефиниций, например, в определении *дисциплинарного проступка* опускаются такие значимые элементы, как противоправность и виновность. Содержание термина *нарушение* сводится к несоблюдению законов (студенты не учитывают локальные/технические нормы). Подобные ответы отражают нормативно-редуктивную модель толкования (выделение 1-2 ключевых признаков вместо комплексного анализа).

– контекстуальные пробелы в определениях, которые были получены в ходе второго опроса (с опорой на текст закона). Разрыв наблюдается в терминах с технической спецификой (*авария, инцидент*): 0 % студентов указали на *горные удары* или *эндогенные пожары*; 50 % трактуют *инцидент* как бытовой конфликт.

– смешение понятий: например, *аудит* = лекция, *инцидент* = преступление.

Иерархия сложности терминов: наибольшие ошибки в толковании – у терминов с технической составляющей (*авария, инцидент*), также респонденты путают эти термины из-за схожести значений. Наиболее тождественно нормативному значению толкуются абстрактные понятия (*нарушение, дисциплина труда*), но с редукцией. Считаем, что проявились критерии семантической диффузности. Толкование студентов демонстрирует различие между нормативными требованиями и обыденным сознанием, что характерно для ранних этапов профессионализации. Ключевая проблема – не столько незнание определений, сколько неумение актуализировать их в специализированных контекстах.

Анализ студенческих определений семи ключевых терминов выявил преобладание описательного и родовидового способов толкования по классификации Д. И. Арбатского [Арбатский 1970], что свидетельствует о стремлении обучающихся к раскрытию содержания понятий через их существенные признаки и классификационные характеристики. Наиболее распространенным оказался описательный способ (80-90 %

определений), демонстрирующий попытки студентов детализировать содержание терминов через указание на их функциональные особенности, последствия или нормативную природу, как в случае с термином *дисциплина труда* (обязательные правила поведения) или термином *авария* (опасное техногенное происшествие). Родо-видовой способ, занимающий второе место по частотности (15–20 % ответов), применялся преимущественно для толкования юридических терминов *вина работника*, *дисциплинарный проступок*, где требовалось указать как родовую принадлежность (действие, отношение, система), так и видовые отличия (умысел/неосторожность, противоправность). Синонимический и перечислительный способы использовались фрагментарно, что часто приводило к смысловым упрощениям (*аудит = ревизия*) или излишней генерализации (*инцидент = происшествие*), тогда как толкование через отрицательные определения (*несоблюдение*, *невыполнение*) хотя и встречались, но редко раскрывали полное содержание терминов. Наибольшие трудности у студентов вызвали дифференциация смежных понятий (*авария vs катастрофа*, *аудит vs аудитория*) и соблюдение точности юридических формулировок, что проявлялось в подмене терминов/неучете ключевых элементов (*виновность*, *противоправность*).

Самым сложным для толкования оказался термин *аудит* (96 %) ввиду незнакомого звучания (редкого употребления в быту), сложной формулировки в законе, абстрактности понятия. Также для 4 % опрошенных термин *дисциплинарный проступок* вызывает трудности из-за длинного определения и необходимости различать смежные понятия, например, *вина работника*. Наиболее простым для понимания среди семи анализируемых терминов оказалось понятие *нарушение*, что обусловлено его лексической прозрачностью, частотностью в языке и конкретностью значения. Для остальных терминов (преимущественно для терминов *аудит* и *дисциплинарный проступок*), напротив, характерны высокий уровень абстракции, узкопрофессиональный контекст и необходимость юридической точности, что и вызвало основные сложности.

Большинству студентов текст закона оказался понятен (57 %), однако термины *аудит* и *дисциплинарный проступок* остаются проблемными даже для тех, кто в целом считает текст понятным.

Студенты указали следующие факторы, которые легли в основу категоризации терминов как сложных: длина и сложность формулировки (63 %), отраслевая специфика (29 %), многозначность (8 %).

Уверенность в использовании терминов у студентов средняя (чаще всего 3-4 балла из 5), а низкая уверенность (1-2 балла) связана также с использованием терминов *аудит* и *дисциплинарный проступок*.

Результаты исследования демонстрируют, что студенты оперируют базовыми юридическими терминами, имеющими прозрачную этимологию и бытовые аналоги (например, *нарушение*), однако узкоспециальные понятия (*аудит*, *дисциплинарный проступок*), требующие знакомства с профессиональным контекстом, вызывают системные трудности интерпретации.

Толкования юридических терминов ИИ отличаются структурированностью (в т. ч. графической). В некотором смысле сгенерированный с помощью ИИ текст по своей структуре аналогичен толкованию в словарях, содержащему разнообразные зоны включения информации о слове. В отличие от толкований студентов, ИИ реализует развернутую систему подачи значений слова, включает наибольшую вариативность.

Основным способом толкования является определение слова через указание более широкого класса и отличительных признаков, позволяющих наиболее полно раскрыть содержание слова: *Авария — это внезапное непредвиденное событие (1), связанное с нарушением нормального ритма работы, механизма, машины, технического устройства или системы, которое может привести к повреждению оборудования, утрате материальных ценностей, нанесению вреда здоровью людей или окружающей среде (2); Инцидент (от латинского *incidentis* — «случающийся») — это непредвиденное событие (1), которое нарушает нормальный ход работы системы, процесса или деятельности (2); Аудит — это предпринимательская деятельность (1) по осуществлению независимых вневедомственных проверок (ревизий), проводимых квалифицированными специалистами (аудиторами), бухгалтерской и финансовой отчетности, платежно-расчетной документации, налоговых деклараций и других финансовых обязательств и требований экономических субъектов, а также по оказанию иных аудиторских услуг (постановка, восстановление и ведение бухгалтерского учета, составление деклараций о доходах, финансовой отчетности, консультирование по вопросам финансового, налогового и других видов законодательства и пр.) (2).*

Под цифрой (1) указано более широкое по значению слово, под цифрой (2) — отличительный признак интерпретируемого предмета.

Анализ толкования исследуемых слов позволил выявить модель толкования слов, которой следует ИИ, интерпретируя вопрос (запрос пользователя) и содержание термина:

– дается общее определение (представляет собой предложение, в котором грамматическая основа выражена существительными в именительном падеже, между подлежащим и сказуемым стоит тире): *Дисциплинарный проступок — это противоправное виновное нарушение ...; Аудит — это предпринимательская деятельность...; Нарушение — это действие или бездействие... и т. п.;*

– затем следует еще одно определение, в котором грамматическая основа выражена существительным и глаголом, в ряде случаев используется союз *также*, указывающий на вторичность данного определения: *Аудит также определяется как ..., Дисциплина труда представляет собой порядок..., Инцидентом называют происшествие...; Аудит также определяется как независимая экспертиза... и т. п.;*

– примеры использования термина или примеры реализации конкретной единицы: *Примеры аварий включают...; Примеры использования термина «инцидент»; Вот несколько примеров нарушений в разных сферах...; Дисциплина труда включает в себя... и т. п.* Данный пункт обычно оформляется в виде перечня, либо в качестве однородных членов предложения в скобках.

– вывод, который может содержать сведения о последствиях (*Каждое нарушение имеет свою степень серьезности и соответствующие меры воздействия; Аварии часто сопровождаются разрушением объектов и могут требовать значительных усилий для ликвидации последствий; За нарушение трудовой дисциплины работодатель вправе применять дисциплинарные взыскания, такие как замечание, выговор или увольнение; Инциденты требуют оперативного реагирования и анализа для предотвращения повторений и минимизации последствий; Важно отметить, что применение дисциплинарного взыскания должно соответствовать тяжести совершенного проступка и обстоятельствам дела*).

Обнаруживается тенденция к дублированию содержания термина при использовании других языковых средств (*Дисциплинарный проступок отличается противоправным характером, то есть таким поведением работника, которое нарушает действующее законодательство, иные нормативные акты о труде. Не является дисциплинарным проступком поведение работника, не имеющее отношения к его трудовым обязанностям* [<https://giga.chat>]), есть эксплицитные показатели переформулирования содержания (например: *то есть*).

Таким образом, создание текста ИИ иллюстрирует контаминацию как процесс развертывания текста [Мурзин, 1982: 25]. Сгенерированный ИИ текст – это текст, который априори является условно вторичным, то есть образованным на основе существующих в языке (базе данных, доступной ИИ) текстов. На примере первого абзаца толкования *инцидент* видно, как второе предложение разворачивает (эксплицитно) первое предложение. В толкованиях студентов такой цепочки не наблюдается. Разворачивание – основная стратегия интерпретирования ИИ в словарной статье.

Наиболее сложным среди описываемых терминов ИИ указывает термин *дисциплинарный проступок*. К причинам сложности термина относит следующие признаки: составной характер (необходимость толкования каждого слова в словосочетании для его понимания), узкая сфера применения (использование слова в юридической и трудовой сфере), «юридическая нагрузка» термина, то есть необходимость знания законодательства для адекватного понимания и употребления термина. К критериям, которые позволили ИИ отнести термин к наиболее сложным, относится «точность формулировки», то есть необходимость «различать *дисциплинарный проступок* от похожих понятий, таких как *инцидент, нарушение или авария*. Например, *инцидент* может означать случайное событие, тогда как *дисциплинарный проступок* подразумевает осознанное нарушение установленных правил [<https://giga.chat>]; ни в толкованиях студентов, ни в тексте закона нет эксплицитных признаков связи этих слов. ИИ указывает, что в отличие от других терминов, которые могут употребляться в повседневной речи, термин *дисциплинарный проступок* чаще используется в официальных документах (например, в трудовых договорах, уставах организаций). Таким образом, сложность данного термина обусловлена его функциональным употреблением, составом, необходимостью знания трудового законодательства.

Обыденное толкование / субъективная интерпретация содержания слова испытуемыми представляет собой толкование, «во многом опирающееся на субъективно-личностный опыт читателя-непрофессионала» [Голев 2015: 140]. Роль ИИ в этом не совсем однозначная. С одной стороны, по способу выражения ИИ наиболее полно разворачивает содержание слова, с другой стороны, природа ИИ подразумевает, что текст – результат репрезентации слова в речевой деятельности людей, то есть это определенный итог речемыслительной деятельности человека, зафиксированный на определенный момент времени на основе имеющегося массива лингвистической информации. Можно полагать, что обыденное толкование является частью толкования ИИ.

Проведенное исследование позволяет констатировать существенное различие между законодательной дефиницией и ее обыденной интерпретацией респондентами. Как показал анализ эмпирического материала, в большинстве случаев (92 %) наблюдается редукция терминологического значения до узкоотраслевого понимания. Лингвоправовой анализ выявил три основных типа проблем: терминологическую редукцию (упрощение юридических конструкций), семантическую диффузию (расширительное толкование специальных понятий), контекстуальную подмену (смещение отраслевых норм). Особого внимания заслуживает выявленная дихотомия между нормативным толкованием, характеризующимся унифицированностью и стабильностью, и обыденной интерпретацией, отличающейся полисемией и контекстуальной вариативностью. Наибольшие трудности у респондентов вызвали: дифференциация терминов *инцидент vs авария*; понимание отраслевой специфики понятий; осознание системных связей между нормативными актами. Исследование выявило существенные различия в способах терминологического толкования между искусственным интеллектом и студенческой аудиторией. ИИ опирается на лексикографические источники, использует системный анализ языковых единиц, применяет формально-логические методы определения понятий, сохраняет нейтрально-академический стиль изложения, демонстрирует высокую степень стандартизации формулировок, а в студенческих толкованиях преобладает бытовая интерпретация терминов, наблюдается тяготение к синонимическим заменам, отмечаются трудности с абстрактными и многосоставными терминами.

Результаты актуализируют необходимость совершенствования методики преподавания юридической терминологии через разработку когнитивно-ориентированных учебных материалов, внедрение обучения с акцентом на отраслевую специфику, использование сравнительного анализа нормативного и обыденного толкований.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении выборки респондентов, углубленном анализе когнитивных механизмов терминологического восприятия.

Литература

- Агафонова Т. П. Рационалистическая интерпретация юридического текста и основы правовой герменевтики / Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 9. – С. 98–102.
- Арбатский Д. И. Основные способы толкования значений слов / Русский язык в школе. – 1970. – № 3.
- Батюшкина М. В. Юридико-лингвистическая неопределенность терминов и норм российских законов / Русистика. – 2021. – № 2. – С. 138–154.
- Блинова О. В., Белов С. А. Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах / Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – № 4. – С. 774–812.
- Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка / Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33(248). – С. 11–16.
- Вахрушева А. Я., Солнышкина М. И., Куприянов Р. В., Гафиятова Э. В., Климагина И. О. Лингвистическая сложность учебных текстов / Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2021. – Т. 40, № 1. – С. 89–99.
- Ващенко Ю. С. Герменевтическая традиция в праве и понимание юридического текста / Государство и право. – 2012. – № 1. – С. 5–13.
- Воробьева М. Е. Оппозиция официального и обыденного толкования права (лингвокогнитивный аспект) / Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 383. – С. 35–41.
- Габитов А. И., Габитова Л. Х., Шаяхметова Л. Х. Оценка сложности англоязычного текста на основе отдельных грамматических элементов с использованием формул удобочитаемости / Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2023. – № 4 (121).
- Сбер Giga Chat. URL: <https://giga.chat/>
- Голев Н. Д., Напреенко Г. В. Звучащая речь и распознанный текст в вариантологической парадигме (на материале научного доклада в устном и письменном форматах) / Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 96–105.
- Голев Н. Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования / Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 138–148.
- Дубрава Н. М. Процесс толкования правовых норм с позиции теории интерпретации и анализа его элементного состава / Юстиция Беларуси. 20. – 2024. – № 6 (267). – С. 49–55.
- Еникеев А. А. Герменевтика юридического текста (социально-гуманитарный аспект) / Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2021. – Т. 10, № 3А. – С. 49–54.
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. – Назрань, 2010.
- Закон об усилении ответственности за нарушение условий безопасности и охраны труда в организациях угольной промышленности. Статья 1. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=171086637&backlink=1&nd=171021954>.
- Ильин Ю. В. Стратегии и тактики интерпретации правового дискурса / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. – 2005. – № 1. – С. 117–122.
- Ким Л. Г. Объективные и субъективные факторы вариативности интерпретаций текста закона / Сибирский филологический журнал. – 2022. – № 2. – С. 298–311.
- Кожемякин Е. А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование / Юрислингвистика. – 2011. – № 11. – С. 131–145.
- Мельникова В. С. Измерение степени сложности текста закона с помощью компьютерных программ: к постановке проблемы / Материалы симпозиума в рамках XVI (XLVIII) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Кемерово. – 2021. – С. 31–33.
- Мельникова В. С. Исследование сложности, понятности и переводимости русского текста традиционными методами и методом обратного машинного перевода / Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2025. – Т. 4, № 1(13). – С. 23–33.
- Пиунов В. Р. Соотношение понятий «ясность», «понятность», «доступность» и «простота» языка и права / Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2023. – № 3. – С. 14–22.
- Ромашов Р. А. Интерпретация права: лингвистический и технико-юридический аспекты / Юрислингвистика. – 2010. – № 10 (10). – С. 52–57.
- Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Виртуальный правовой дискурс в коммуникативной парадигме / Балтийский гуманитарный журнал. 2021. – Т. 10, № 3 (36). – С. 394–398.
- Тикунова Н. Д. Правовые аспекты интерпретации юридических текстов: роль языковой неоднозначности в правосудии / Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 31. – С. 61–63.
- Федюченко Л. Г. Сложность текста – переводческая категория текста / Lingua mobilis. – 2009. – № 2 (16). – С. 182–186.
- Щербак Ю. Е. Обыденная интерпретация юридических высказываний (на материале лингвистического теста) / Юрислингвистика. – 2023. – № 28 (39). – С. 83–88.
- Fisher D., Frey N., Lapp D. Text complexity: raising rigor in reading. – Newark, 2012. – 212 p.

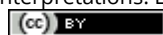
References

- Agafonova, T. P. (2011). Rationalistic interpretation of legal text and foundations of legal hermeneutics. *Current Issues in Humanities and Natural Sciences*, 9, 98-102 (in Russian).
- Arbatsky, D. I. (1970). Basic methods of word meaning interpretation. *Russian Language at School*, 3 (in Russian).
- Batyushkina, M. V. (2021). Legal-linguistic uncertainty of terms and norms in Russian laws. *Russian Linguistics*, 2, 138-154 (in Russian).
- Blinova, O. V., Belov, S. A. (2020). Linguistic ambiguity and uncertainty in Russian legal texts. *St. Petersburg University Bulletin. Law*, 4, 774-812 (in Russian).
- Boldyrev, N. N. (2011). Interpretative function of language. *Chelyabinsk State University Bulletin*, 33(248), 11-16 (in Russian).
- Dubrava, N. M. (2024). The process of interpreting legal norms from the perspective of interpretation theory and analysis of its elements. *Justice of Belarus*, 6(267), 49-55 (in Russian).
- Enikeev, A. A. (2021). Hermeneutics of legal text (socio-humanitarian aspect). *Context and Reflection: Philosophy About the World and Man*, 10(3A), 49-54 (in Russian).
- Fedyuchenko, L. G. (2009). Text complexity as translation category. *Lingua Mobilis*, 2(16), 182-186 (in Russian).
- Fisher, D., Frey, N., & Lapp, D. (2012). *Text complexity: Raising rigor in reading*. Newark.
- Gabitov, A. I., Gabitova, L. Kh., Shayakhmetova, L. Kh. (2023). Assessing complexity of English texts based on grammatical elements using readability formulas. *I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 4(121) (in Russian).
- Golev, N. D. (2015). Legal terminology in the context of doctrinal interpretation. *Siberian Philological Journal*, 4, 138-148 (in Russian).
- Golev, N. D., Napreenko, G. V. (2025). Spoken speech and recognized text in a variant paradigm (based on the material of a scientific report in oral and written formats). *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*, 18 (1), 96-105 (in Russian).
- Ilyin, Yu. V. (2005). Strategies and tactics of legal discourse interpretation. *N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University Bulletin. Philology*, 1, 117-122 (in Russian).
- Kim, L. G. (2022). Objective and subjective factors of variability in law text interpretations. *Siberian Philological Journal*, 2, 298-311 (in Russian).
- Kozhemyakin, E. A. (2011). Legal discourse as cultural phenomenon: structure and meaning formation. *Jurilinguistics*, 11, 131-145 (in Russian).
- Melnikova, V. S. (2021). Measuring complexity of legal texts using computer programs: problem statement. *Proceedings of the Symposium Within the XVI (XLVIII) International Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists, Kemerovo*, 31-33 (in Russian).
- Melnikova, V. S. (2025). Research on the complexity, comprehensibility, and translatability of Russian texts using traditional methods and reverse machine translation. *Virtual Communication and Social Networks*, 4(1), 23-33 (in Russian).
- Piunov, V. R. (2023). Correlation of concepts "clarity", "comprehensibility", "accessibility" and "simplicity" in language and law. *Electronic Supplement to Russian Law Journal*, 3, 14-22 (in Russian).
- Romashov, R. A. (2010). Legal interpretation: linguistic and technical-legal aspects. *Jurilinguistics*, 10(10), 52-57 (in Russian).
- Shcherbak, Yu. E. (2023). Ordinary interpretation of legal statements (based on linguistic test material). *Jurilinguistics*, 28(39), 83-88 (in Russian).
- Skorobogatov, A. V., Skorobogatova, A. I. (2021). Virtual legal discourse in communicative paradigm. *Baltic Humanitarian Journal*, 10(3), 394-398 (in Russian).
- Tikunova, N. D. (2024). Legal aspects of legal texts interpretation: role of linguistic ambiguity in justice. *Bulletin of the Middle Russian University Consortium. Humanities*, 31, 61-63 (in Russian).
- Vakhrusheva, A. Ya., Solnyshkina, M. I., Kupriyanov, R. V., Gafiyatova, E. V., Klimagina, I. O. (2021). Linguistic complexity of educational texts. *Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics*, 40(1), 89-99 (in Russian).
- Vashchenko, Yu. S. (2012). Hermeneutic tradition in law and understanding of legal text. *State and Law*, 1, 5-13 (in Russian).
- Vorobyeva, M. E. (2014). Opposition of official and ordinary interpretation of law (linguocognitive aspect). *Tomsk State University Bulletin*, 383, 35-41 (in Russian).
- Zherebilo, T. V. (2010). *Dictionary of linguistic terms* (5th ed.). Nazran (in Russian).

Citation:

Мельникова В. С., Напреенко Г. В. Категория сложности юридических терминов: сравнительный анализ интерпретации человеком и искусственным интеллектом // Юрислингвистика. – 2025 – 36. – С. 23-29.

Melnikova V. S., Napreenko G. V. (2025) Category of Complexity of Legal Terms: Comparative Analysis of Human and Artificial Intelligence Interpretations. *Legal Linguistics*, 36, 23-29.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Псевдопонятность юридического дизайна

П. И. Петкилёв

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва, Россия. E-mail: petrpetkilev@yandex.ru*

Статья посвящена проблематике упрощения юридического текста для целей понятности его содержания широкому кругу субъектов. Представители юридического дизайна все чаще пишут о необходимости развития понятности юридического языка. При этом часть из них под понятностью понимает доступность такого языка рядовому читателю. В работе последовательно аргументируются негативные эффекты подобного упрощения, главный из которых неизбежная примитивизация права. Такая примитивизация влечет за собой юридические риски, поскольку суд или иной правоприменительный орган в таком случае может не выявить действительную волю сторон. На этом основании «жреческий язык» юристов не есть его недостаток, а есть его неизменная сущность. Настоящая статья является развитием тезисов, озвученных автором на круглом столе «Понятность в юридических процессах — от аксиомы к осмысленной практике» НИУ ВШЭ.

Ключевые слова: понятность, юридическая техника, юридический дизайн.

Pseudo-Clarity of Legal Design

P.I. Petkilev

*RUDN University named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. E-mail: petrpetkilev@yandex.ru*

The article discusses the problem of simplifying the legal text for the purpose of making its content understandable to a wide range of subjects. Representatives of legal design increasingly write about the need to develop the clarity of the legal language. At the same time, some of them understand the accessibility of such a language to an ordinary reader. The paper consistently argues for the negative effects of such simplification, the main of which is the inevitable primitivization of the law. Such primitivization entails legal risks, since a court or other law enforcement agency in this case may fail to reveal the real will of the parties. On this basis, the "priestly language" of lawyers is not its flaw, but rather its unchangeable essence. This article is a development of the theses voiced by the author at the round table "Clarity in Legal Processes — from an Axiom to meaningful Practice" at HSE University.

Key words: clarity, legal technique, legal design.

*Все следует упрощать до тех пор, пока это возможно, но не более того
А. Эйнштейн*

Введение

Значимую часть юридического языка составляет устная форма (например, вербальное взаимодействие участников процесса в судебном заседании или вербальное взаимодействие граждан с должностными лицами правоохранительных органов). Но сложно не согласиться с мыслью о том, что юридический язык прежде всего – писанный текст. Законодательство, деловую переписку, договоры и многое прочее можно с некоторой долей условности объединить термином юридические документы. Такие документы существенно характеризуют особенность юридического языка, поскольку во многом в них этот язык живет.

Вопросы наиболее качественного содержания и формы юридического документа традиционно являлись предметом исследования многих поколений авторов. Причем соответствующие исследования велись и ведутся не только юристами, но и, например, лингвистами. Этот пример подтверждает меткое замечание Вернадского о том, что развитие науки приводит к тому, что «мы специализируемся не по наукам, а по проблемам» [Вернадский 1977: 54].

Термин документ многозначителен [Чвириков 2016: 49], и в настоящей статье под юридическим документом понимается зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее

идентифицировать [Чвилов 2016: 49]. Юридический документ для целей настоящей статьи понимается широко, под ним признается документ, созданный юристом, либо документ, имеющий правовое значение.

Юридическая профессия в значительной степени интересуется проблемными аспектами оформления содержания юридических документов. Как оформить содержание юридического документа таким образом, чтобы он был понятным, ясным, удобным для восприятия, эстетичным и т. д.?

На этот вопрос призвано дать ответ такое направление юридической мысли, как Legal Design. В литературе можно встретить мнение о том, что методология Legal Design должна/может приводить к ясности [Янковский 2019: 83] и понятности [Мищенко 2024]. Существует также позиция М. Дорошенко о том, что «Легал-дизайнер – это “чувствительный юрист”, который может сочувствовать, сопереживать, говорить с пользователем на его языке» [Юристы, лингвисты и журналисты объединились, чтобы сделать закон понятным для всех 2024]. Но что является такой понятностью, где ее границы и должен ли юрист говорить с пользователем на его языке?

Понятность в юридическом дискурсе

Представляется, что при прочтении настоящей статьи строгий читатель уже обратил внимание на важность ответа на вопрос о том, что же понимается под понятностью и ясностью.

Юридическое исследование требует обратиться прежде всего к легальным дефинициям. По причине их отсутствия релевантным видится словарь С. И. Ожегова, который толкует понятный как доступный пониманию [Ожегов 2021: 456], а под ясным подразумевает хорошо видимый, слышимый и понимаемый [Ожегов 2021: 456]. Опираясь на словарное значение, применяя его к документу, можно заключить, что понятность документа – доступность понимания документа, а ясность документа – хорошая видимость и понятность документа.

В бессмертном труде Р. Иеринга «Юридическая техника» автор формулирует мысль о том, что при развитии праве у лица без юридического образования не может быть знания права и умения применения его, поскольку право – не только масса законов, которую можно попробовать зазубрить, но нечто большее, для постижения чего недостаточно здравого смысла, но и способность восприятия юридических текстов, умелость в обращении с юридическими понятиями, что в совокупности является проявлением юридического образования [Иеринг 1905: 7-8]. Хотя в отечественной литературе есть и мнение о том, что «подобный подход следует воспринимать скорее как констатацию сложившегося положения дел, нежели как описание общего принципа, которым следует руководствоваться, особенно сегодня» [Белов, Тарасова 2019: 613]. Подобного подхода вероятно придерживается и П. Мищенко, когда пишет, что юридический дизайн и понятность тождественны друг другу [Мищенко 2024: 7], а понятный договор характеризуется тем, что «целевой читатель может понять договор без сверхусилий» [Мищенко 2024: 10].

Представляется, что идея изложения документа таким образом, чтобы он было понятен всем и каждому без каких-либо сверхусилий, идет рука об руку с неизбежной примитивизацией права. Иностранная практика знает примеры создания иллюстраций текстов административного права для мигрантов [Fioravanti 2024], использования Legal Design для формирования инклюзивной учебной среды [Altajem, Pallas Alvarez, Aydin, Borissova, de Rijk, de Souza, Jachimowicz, Mahsouli, Nikandrou, Oloyede, Tannu 2024], повышения грамотности населения в вопросах здравоохранения [Hartmann 2024]. Вышеназванные примеры показывают, что само по себе доведение информации до широкого круга лиц с помощью пересказа в виде иллюстраций или иное упрощение имеет место быть, и можно предположить, что имеет положительный эффект. Именно функцию пересказа, примитивного упрощения сложных юридических конструкций для лиц, не обладающих юридическими знаниями, как видится, должен выполнять Legal Design без амбиций изменить юридический язык.

Применительно к договору (разновидности документа) данный тезис подтверждается минимум одним чрезвычайно простым примером. Согласно п. 43 постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» условия договора подлежат толкованию в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, другими положениями нормативных правовых актов, содержащих нормы гражданского права. Упрощая и формулируя текст так, чтобы он был понятен любому лицу, неизбежно происходит конфликт между бытовым языком и языком юридическим. Этот конфликт отдельные представители Legal Design предлагают решать в пользу языка бытового. Такое решение, как видится, не позволит установить системную взаимосвязь с основными началами гражданского законодательства и нормами гражданского права. Бытовой язык может именовать договор найма жилого помещения договором аренды, собственника – владельцем, исключительное право – авторским правом. Таких примеров можно приводить много.

Поэтому следует согласиться с позицией о том, что «как пересказ художественного текста в подстрочнике на обычном языке не отражает художественного содержания переводимого текста (он заключен в подтексте, и в этом его суть), так и “переведенный” юридический текст в определенном смысле неизбежно фальсифицируется неспециалистом, не ухватывающим его сути» [Голев 2000]. И идея использования такого языка, который будет понятен всем и каждому, влечет за собой «лишь иллюзию понятности» [Голев 2000]. Следовательно, как минимум, избегание классических юридических конструкций или употребление юридических терминов не в специальном, а в общеупотребительном, бытовом смысле влечет за собой иллюзию понятности и невозможность адекватного толкования текста судом или иным субъектом, обладающим юридическими знаниями.

«Жреческий язык» юристов

Существуют критические комментарии отдельных лингвистов (например, М. Кронгауза) о том, что юристам выгодны непонятные законы, «потому что тогда юристы выступают в качестве особой “жреческой” касты и могут

трактовать, объяснять законы – выступать посредниками между этими “сакральными” текстами и людьми» [Из жрецов в дизайнеры: в ВШЭ обсудили, как сделать юридические тексты понятнее 2024]. Как представляется, нередкая необходимость в посреднике между языком права и читателем юридического текста основывается не на выгоде или корысти юристов, а на особенности правовых текстов, на особенности юридического языка и юридической профессии. Эта особенность основана на том, что юристы действительно исторически являются жрецами.

Для понимания специфики юридического языка и жреческой природы юридической профессии целесообразно принять во внимание важную отправную точку развития права. Под такой отправной точкой следует рассматривать римское право.

Обоснованность этого решения состоит в том, что традиционно значимость римского права для человеческой цивилизации воспринимается наравне с христианством и греческой литературой, искусством, оно признается неотъемлемой чертой человеческой цивилизации [Иеринг 2024: 21]. В европейских странах подобное значение римского права исторически воспринимается без сомнений [Дювернуа 1972; Zimmermann 2007]. По замечанию Е. А. Суханова и Л. Л. Кофанова, на Россию римское право оказало не меньшее влияние, чем на страны Европы [Суханов, Кофанов 1996: 9], это влияние проявилось и на Гражданский кодекс РФ [Суханов, Кофанов 1999]. Именно римляне создали первый учебник права, идеи из которого стали основой множества кодексов, законов и иных актов Австрии, Германии, Нидерландов, России, Франции и ряда стран [Дождев 2020: 6].

Современный юридический язык – потомок римского юридического языка, о чем свидетельствует использование римской терминологии в современном праве. Например, сервитут (*servitus, servitutis*), *accessio* (акцессорное обязательство), *usufructus* (*usus fructus*) и многое прочее.

Но кем были первые юристы? Кто формировал юридический язык?

Серьезные юридические исследования о периоде становления юриспруденции Древнего Рима подтверждают тот факт, что первые юристы были жрецами, «знактоками права», «мудрецами права», юрисконсультантами Аполлона [Кофанов 2016]. Не случайно в первой книге «Институций» закреплена следующая мысль Ульпиана: «По заслугам нас называли жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, воздвигаем понятия доброго и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого, отличая дозволенное от недозволенного, желая, чтобы добрые совершенствовались не только путем страха наказания, но и путем поощрения наградами, стремясь к истинной, если я не заблуждаюсь, философии, а не к мнимой» [Кофанов 2008: 83]. Из чего следует, что «жреческий» характер языка юристов не является ни недостатком, ни следствием какого-либо умысла представителей юридической профессии, а выступает естественной исторической чертой юридического языка.

Ясность и понятность юридического языка

Нельзя не отметить, что «язык – это посредник, посредством которого право действует» [Брайан 2024: 15]. Поэтому очевидно – чем яснее и понятнее сформулирован юридический документ (будь то закон или корпоративный договор), тем яснее и понятнее само право. Поэтому было бы опрометчиво считать, что вопросы ясности и понятности документов до появления Legal Design не рассматривались в литературе и практике, а стали исследоваться недавно.

В качестве одного из многих примеров можно привести известную работу Я. В. Толмачева, который еще в начале XIX века обращал внимание на то, что официальный документ должен быть чистым и ясным, без ошибок, только с необходимыми сокращениями и рядом иных правил [Толмачев 1825: 119-120]. Но даже вышеназванный пример – все еще недавнее прошлое. Если углубиться в историю простоты и ясности документов, то нельзя не обратить внимание на древнеримские идеи о том, что простота – подруга закона (*Simplicitas est legibus amica*) и о том, что в законах простота предпочтительнее сложности (*In legibus magis simplicitas quam difficultas placet*) [Заблоцка 2016]. Несмотря на то, что эти идеи относятся в большей степени к правотворческой деятельности, как видится, они явились важным ориентиром при составлении юридических документов в целом.

Не случайно В. Б. Исаков анализирует правотворческую деятельность, но дает характеристику всему юридическому языку. Он исходит из того, что имманентные свойства юридического языка – это простота, надежность грамматических конструкций, эмоциональная нейтральность и высокая степень абстрактности, конкретность, системность категорий юридического языка [Исаков 2000: 64-65]. Как представляется, это не значит, что в том или ином случае юридический текст может быть в меньшей степени прост или эмоционально нейтрален. Это означает, что по общему правилу эти характеристики в большей степени относятся к юридическому языку.

В связи с чем, как представляется, понятность и ясность текста именно для юриста – есть одна из важнейших черт документа. Использование устойчивых конструкций, принятых в юридическом дискурсе, обеспечивает стабильность понимания и ясности текста, имеющего юридическое значение, понимания юридического текста юристом.

В литературе о правовом сопровождении коммерческих проектов отмечается, что «риск в юриспруденции бывает не так легко идентифицировать, еще сложнее бывает предсказать его последствия» [Фонотова 2024: 45]. Увеличивать вероятность возникновения риска путем составления документов, понятных всем и каждому в ущерб специальному юридическому пониманию, следует отнести к разновидности юридической небрежности, поскольку увеличивает юридические риски.

Субъективная характеристика понятности и ясности документа в значительной мере зависит от непосредственного адресата юридического документа. Как понятна физическая формула физика и непонятна обывателю, так и юридический документ интерпретируется юристом и не всегда адекватно воспринимается обывателем.

Отличие юридического текста от физической формулы состоит в том, что часто непосредственным адресатом юридического текста выступает лицо, не обладающее специальными знаниями. Однако этот факт не должен

приводить к порочному выводу о том, что тот или иной документ должен быть подготовлен на языке, который понятен любому адресату, понятен каждому в ущерб его конкретно юридическому содержанию.

Что отличает юридический документ – суд в качестве возможного адресата, хотя в Legal Design литературе встречается аргумент о том, что суд может и не стать читателем конкретного документа, поскольку никакого спора может и не возникнуть [Мищенко 2024: 5]. Как представляется, такой аргумент в чем-то схож с игрой в русскую рулетку: заключать договор и надеяться и/или не ожидать возможного спора в будущем видится в некоторой степени беспечным отношением лица к договорной работе в целом. При этом изучать договор в будущем может не только суд, но и иные государственные органы при проверках, юристы контрагентов, аудиторы нового руководства организации и т. д.

Заключение

Юридический текст не «страницы нежные романа», а конструирующие социальную реальность нити, определяющие поведение людей. Эти нити должны быть изготовлены из «юридических материалов» для того, чтобы обеспечивать устойчивость и стабильность социальной реальности.

На основании вышеизложенного можно привести следующие выводы:

1. Упрощение юридического текста до того, чтобы любое лицо могло его изучить и понять, приводит к примитивизации юридического текста.

2. «Жреческий» характер языка юристов – есть исторически обусловленная неизменная сущность юридического языка.

Суд и/или иной правоприменительный орган может анализировать юридические документы вне зависимости от того, что изначально инициатор текста не подразумевал подобную перспективу. Примитивизация текста в таком случае влечет за собой правовые риски, которые относятся к самым непредсказуемым рискам.

Литература

- Белов С. А., Тарасова К. В. Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? / Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 610-625.
- Брайан Б. Право, язык, правовая определенность. М., 2024.
- Вернадский В. И. Размышления натуралиста. М., 1977.
- Голев Н. Д. Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрислингвистики. Ялта, 2003. – URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z09.html#top/>
- Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. Ред. Л. Л. Кофанов. Т. 1. М., 2008.
- Дювернуа Н. Значение римского права для русских юристов. Ярославль, 1872.
- Zimmermann R. Roman Law and European Culture / New Zealand Law Review. Vol. 2007 – № 2. – Pp. 341-372.
- Заблоцка М. Римские истоки законодательной техники / Древнее право. – 2016. – № 2. – С. 86-98.
- Иеринг Р. Избранные труды: в 3 т. / Т. 2 Дух римского права. Борьба за право. СПб., 2024.
- Иеринг Р. Юридическая техника. СПб. 1905.
- Из жрецов в дизайнеры: в ВШЭ обсудили, как сделать юридические тексты понятнее. URL: <https://licensingrussia.ru/article/14275-iz-zhretsov-v-dizainery-v-vshe-obsudili-kak-sdelat-iuridicheskie-teksty-poniatnee/>
- Институции Гая = Gai Institutionum commentarii quattuor: текст, пер. с лат., коммент. / Под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. М., 2020.
- Исаков В. Б. Язык права / Юрислингвистика. – 2000. – № 2. – С. 64-79.
- Кофанов Л. Л. Iuris peritus Apollo: к вопросу о происхождении римской юриспруденции / Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. – 2016. – Т. 5. – С. 307-344.
- Мищенко П. Юридический дизайн: как делать понятные договоры. М., 2024.
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М., 2021.
- Суханов Е. А., Кофанов Л. Л. Влияние римского права на новый Гражданский кодекс Российской Федерации / Древнее право. – 1999. – № 1. – С. 7-17.
- Суханов Е. А., Кофанов Л. Л. Роль и значение изучения римского права в современной России / IVS ANTIQVVM. Древнее право. – 1996. – № 1. – С. 9-16.
- Толмачев Я. Военное красноречие, основанное на общих началах словесности. Ч. 2. 1825.
- Фонотова О. В. Правовое сопровождение коммерческих проектов: учебник для вузов. М., 2024.
- Чвириков В. В. Судебное делопроизводство: Учебное пособие. М., 2016.
- Юристы, лингвисты и журналисты объединились, чтобы сделать закон понятным для всех. URL: <https://pravo.hse.ru/legaldesign/news/978403319.html>
- Янковский Р. М. Legal Design: новые вызовы и новые возможности / Закон. – 2019. – № 5. – С. 76-86.
- Altajem D., Pallas Alvarez A., Aydın S., Borissova G., de Rijk A., de Souza S. P., Jachimowicz A., Mahsouli F., Nikandrou E., Oloyede R., & Tannu A. A Legal Design Classroom: Reflections on Learning Through Legal Education / Legal Design Journal. – 2024. – № 1. URL: <https://legaldesign-journal.scholasticahq.com/article/122595-a-legal-design-classroom-reflections-on-learning-through-legal-education/>

- Fioravanti C. Legal Design and Easy Language: Creating a Set of Images to Illustrate Administrative Texts Aimed at Migrants / *Legal Design Journal*. – 2024. – № 1. URL: <https://legaldesign-journal.scholasticahq.com/article/122596-legal-design-and-easy-language-creating-a-set-of-images-to-illustrate-administrative-texts-aimed-at-migrants/>
- Hartmann L. Creating Gladys: How Legal Design Can Support Person-Centred Care in Public Health / *Legal Design Journal*. – 2024. – № 1. URL: <https://legaldesign-journal.scholasticahq.com/article/122333-creating-gladys-how-legal-design-can-support-person-centred-care-in-public-health/>.

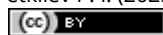
References

- Altajem, D., Pallas Alvarez, A., Aydin, S., Borisova, G., de Reip, A., de Souza, S. P., Yakhimovich, A., Mahsuli, F., Nicandru, E., Oloyede, R. and Tannu, A. (2024). Class of legal design: reflections on learning through legal education. *Journal of Legal Design*, 1. Available from: <https://legaldesign-journal.scholasticahq.com/article/122595-a-legal-design-classroom-reflections-on-learning-through-legal-education/>
- Belov, S. A., Tarasova, K. V. (2019). Clarity of texts of legal documents: fiction or presumption? *Bulletin of St. Petersburg University. Pravo*, 10, 4, 610-625 (in Russian).
- Brian, B. (2024). Law, Language, and Legal Certainty. Moscow (in Russian).
- Chvirov, V. V. (2016). Judicial record keeping: Textbook. Moscow (in Russian).
- Duvernois, N. (1872). The importance of Roman law for Russian lawyers. Yaroslavl (in Russian).
- Fioravanti, S. (2024). Legal design and simple language: creating a set of images to illustrate administrative texts addressed to migrants. *Journal of Legal Design*, 1. Available from: <https://legaldesign-journal.scholasticahq.com/article/122596-legal-design-and-easy-language-creating-a-set-of-images-to-illustrate-administrative-texts-aimed-at-migrants/>
- Fonotova, O. V. (2024). Legal support of commercial projects: textbook for universities. Moscow (in Russian).
- From priests to designers: the HSE discussed how to make legal texts clearer. Available from: <https://licensingrussia.ru/article/14275-iz-zhretsov-v-dizainery-v-vshe-obsudili-kak-sdelat-iuridicheskie-teksty-poniatnee/> (in Russian).
- Golev, N. D. (2003). The interaction of natural and legal language as a basic problem of legal linguistics. Yalta. Available from: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z09.html#top/> (in Russian).
- Guy Institute = Institute of Comments of the Traffic Police author: text, translated from English from Latin, comment. (2020). D.V. Dozhdev (ed.). Moscow (in Russian).
- Hartmann, L. (2024). The Creation of Gladys: How Legal Design can promote personality-oriented care in Public Health. *Journal of Legal Design*, 1. URL: <https://legaldesign-journal.scholasticahq.com/article/122333-creating-gladys-how-legal-design-can-support-person-centred-care-in-public-health/>.
- Iering, R. (1905). *Legal technology*. St. Petersburg (in Russian).
- Iering, R. (2024). *Selected Works: in 3 Volumes. Vol. 2 The Spirit of Roman Law. The struggle for the right*. St. Petersburg (in Russian).
- Isakov, V. B. (2000) The language of law. *Legal Linguistics*, 2, 64-79 (in Russian).
- Koganov, L. L. (2016). Chris peritus Apollo: on the question of the Origin of the Roman Empire. *Scripta antiqua. Questions of ancient history, philology, art and material culture. The almanac*, 5, 307-344 (in Russian).
- Lawyers, linguists, and journalists have teamed up to make the law understandable to everyone. Available from: <https://pravo.hse.ru/legaldesign/news/978403319.html> (in Russian).
- Mishchenko, P. (2024). Legal design: how to make clear contracts. Moscow (in Russian).
- Ozhegov, S. I. (2021). *Explanatory dictionary of the Russian language: About 100,000 words, terms and phraseological expressions*. Moscow (in Russian).
- Sukhanov, E. A., Kofanov, L. L. (1999). The influence of Roman law on the new Civil Code of the Russian Federation. *Ancient law*, 1, 7-17 (in Russian).
- Sukhanov, E. A., Koganov, L. L. (1996). The role and significance of Roman law in modern Russia. *IVS ANTIKVVM. Ancient law*, 1, 9-16 (in Russian).
- The Digests of Justinian. Translated from Latin. (2008). L. L. Kofanov (ed.). Vol. 1, Moscow (in Russian).
- Tolmachev, Ya. (1825). *Military eloquence based on the general principles of literature. Part 2* (in Russian).
- Vernadsky, V. I. (1977). *Reflections of a Naturalist*. Moscow (in Russian).
- Yankovsky, R. M. (2019) Legal registration: new ideas and new opportunities. *The Law*, 5, 76-86 (in Russian).
- Zablotska, M. (2016). The Roman origins of legislative technology. *Ancient Law*, 2016, 2, 86-98 (in Russian).
- Zimmerman, R. (2007). Roman law and European culture / *New Zealand Law Review*, 2, 341-372 (in Russian).

Citation:

Петкилёв П. И. Псевдопонятность юридического дизайна // Юрислингвистика. – 2025 – 36. – С. 30-34.

Petkilev P. I. (2025) Pseudo-Clarity of Legal Design. *Legal Linguistics*, 36, 30-34

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Банкротство vs несостоятельность через призму семантики конца 19 – начала 20 вв.

А. Ю. Рябова

*Якутский экономико-правовой институт (филиал) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»
ул. Дежнева, 16, 677000, Якутск, Россия. E-mail: a.ria_1@mail.ru*

В статье рассмотрены значения понятий «банкротство» и «несостоятельность», существовавшие на рубеже конца 19 – начала 20 веков. За основу исследования взяты фундаментальные словари и энциклопедии. В статье аргументируется актуальность обращения к прошлому и значение такого анализа для современного времени. По итогам проведенного исследования автором сформулированы определенные выводы.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, право, толкование, семантика.

Bankruptcy vs Insolvency through the Semantics Prism of Late 19th and Early 20th Centuries

A. Yu. Ryabova

*Yakutsk Institute of Economics and Law (branch) Educational institution of trade unions of higher education
«Academy of Labor and Social Relations»
16 Dezneva st., 677000, Yakutsk, Russia. E-mail: a.ria_1@mailru*

The article considers the meanings of the concepts of bankruptcy and insolvency that existed at the turn of the late 19th and early 20th centuries. The research is based on fundamental dictionaries and encyclopedias. The article argues the relevance of referring to the past and the importance of such an analysis for modern times. Based on the results of the research certain conclusions are developed.

Key words: bankruptcy, insolvency, law, interpretation, semantics.

В настоящее время проблема содержания понятий «несостоятельность (банкротство)», «несостоятельность», «банкротство» является довольно актуальной и популярной. С одной стороны, законодателем запущен механизм несостоятельности (банкротства) (прим. авт. – используется законодательная конструкция), который активно реализуется как в отношении физических, так и в отношении юридических лиц. С другой стороны, необходимо констатировать не совсем корректное употребление законодателем понятия «несостоятельность (банкротство)».

Действующее понятие «несостоятельность (банкротство)» определено Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ № 127-ФЗ); ему, как указал сам законодатель, равнозначно также понятие «банкротство».

Таким образом, в основном законе понятия несостоятельности и банкротства признаны равнозначными.

При этом исследуемое понятие является сложным и многогранным, оно субсидиарно регламентируется нормами иных актов.

В частности, субсидиарным выступает Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ). КоАП РФ установил ответственность, например, за фиктивное или преднамеренное банкротство (ст. 14.12) и неправомерные действия при банкротстве (ст. 14.13), которая коррелирует с нормами уголовного права (ст. 195, 196, 197 УК РФ).

Необходимо обратить внимание, что законодатель, раскрывая преднамеренное банкротство в КоАП РФ, не оперирует понятием преднамеренная несостоятельность (банкротство), а использует только банкротство, раскрывая его через неспособность удовлетворять требованиям кредиторов. То же самое имеет место в УК РФ. А для

их дифференциации законодатель установил криминообразующий признак крупного ущерба. Тем самым проведена грань между административным правонарушением и преступлением.

Предпосылками такого действия законодателя по уравниванию понятий несостоятельности и банкротства являются предшествующие нормативно-правовые акты, которые использовали конструкцию «несостоятельность (банкротство)». В частности, это утратившие силу Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» и Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Соответственно, можно предположить, что исторически в Российской Федерации сложилось такое оперирование понятием и законодатель не стал оптимизировать его, переосмысливать и вносить коррективы в его содержание. Но это предположение, тогда как нормы права должны характеризоваться определенностью и исключать двусмысленное понимание.

Более того, если законодатель не может четко разграничить понятия, т. е. внести ясность в малом, то как может механизм эффективно работать в более масштабных размерах?

Ложку дегтя в данную ситуацию вносят иные нормы, которые, как правило, в научной среде не освещаются. Так, действует Приказ Минэкономразвития России от 04.08.2020 № 497 «Об утверждении формы, порядка заполнения и подачи заявления о признании гражданина банкротом во внесудебном порядке». Приложением № 1 данного приказа утверждена форма заявления о признании гражданина банкротом во внесудебном порядке. Минэкономразвития России в форме использует понятие банкрота без несостоятельности.

Таким образом, приведенные некоторые примеры из всего массива нормативных актов показывают, что в терминологии существует неопределенность, которая актуальна как в прошлом, так и в настоящее время.

Как пишут Н. Д. Голев, К. А. Лоншакова, истинная первородная причина возникновения проблем на стыке языка и права естественна [Голев, Лоншакова 2023: 87]. Поэтому при принятии нормативных актов особое внимание следует уделять качеству подбора слов для описания и характеристики того или иного явления.

В отношении понятия «несостоятельность (банкротство)» необходимо констатировать такое упущение. Для устранения имеющей место неопределенности, как полагает В. Ф. Попондопуло, следует опираться именно на законодательный подход, и понимать «несостоятельность» как синоним «банкротства» [Попондопуло 2015].

Не все согласны с данным подходом. Более того, предлагается не только разграничивать понятия, но и изменить название закона, переименовав его в закон «О банкротстве» [Дердященко URL].

К. Ю. Сасыкин считает, что категории «несостоятельность» и «банкротство» будучи правовыми в современном российском гражданском, уголовном праве требуют своей дифференциации [Сасыкин 2023: 74].

Предлагается также двухуровневый подход к понятию несостоятельности и банкротства. А. А. Коренная видит возможность употребления термина «несостоятельность» со стадии введения соответствующей процедуры, используемой в деле о несостоятельности (банкротстве), до момента введения конкурсного производства, а после – речь может идти о банкротстве [Коренная 2021: 30]. Схожая позиция у С. А. Карелиной: она пишет, что несостоятельный должник при определенных условиях сможет расплатиться с долгами и вернуться к нормальной хозяйственной деятельности. Для должника, признанного банкротом, такой возможности уже не существует [Карелина 2008: 251].

Таким образом, дискуссии в науке активно ведутся.

Для того чтобы разобраться в содержании понятий «несостоятельность», «банкротство», «несостоятельность (банкротство)», требуется пояснить, что явление, которое раскрывает законодатель, не является новым ни для права, ни для языка. Более ста лет назад российский законодатель применял данное понятие. Это обусловлено уровнем развития российского государства. К началу XX века в России быстрыми темпами происходило экономическое развитие, что позволило ученым и экономистам в разных странах мира говорить о «русском экономическом чуде» [Коречков 2016: 1500; Рынок ценных бумаг 1997: 167]. Учитывая, что существующее сегодня уже было не только известно ранее, но и изучено, необходимо обратиться к этим фундаментальным знаниям. Принимая во внимание, что язык является первичным, в первую очередь необходимо начинать именно с семантики.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

Данный энциклопедический словарь не дает понятие «несостоятельность», а отсылает к иным понятиям. Это *банкротство, конкурс, свойство несостоятельности* [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXА (40) URL].

Банкротство определяется как юридический термин торгового права, означающий «неоплатность лица, производящего торговлю, происшедшую от его вины» [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том III (5) URL].

Банкротство характеризуется в данном источнике следующими признаками.

Во-первых, это состояние должника. Соответственно, правовое значение имеет то, что это не действие (бездействие), а именно состояние. Действующий ФЗ № 127-ФЗ раскрывает банкротство через неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, тогда как правильно говорить, что это есть не способность или отсутствие таковой, а именно состояние, характеризующее эту способность удовлетворять требования кредиторов или, напротив, неспособность их удовлетворять.

Во-вторых, субъектный состав. Банкротом является только лицо, производящее торговлю. В соответствии с ФЗ № 127-ФЗ банкротом может быть признано любое лицо без привязки к роду занятий и виду деятельности.

В-третьих, неоплатность должна происходить от вины должника. Именно наличие вины отличает его от несчастной торговой несостоятельности, при которой невозможность платить долги происходит

от непредвиденных бедственных обстоятельств. Необходимо сказать, что действующее законодательство такой дифференциации понятий не проводит.

Конкурс включает в себя стечение денежных требований нескольких кредиторов к несостоятельному должнику, особый порядок их удовлетворения и совокупность органов, производящих это удовлетворение [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XVI (31) URL].

Таким образом, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона раскрывает несостоятельность через банкротство и конкурс, характеризующиеся своими признаками. Тем самым данный источник выделял дифференцированный подход к лицам, которые не могли удовлетворять требования кредиторов в зависимости от их рода деятельности и причин такой неспособности. Думается, такой подход обоснован, имеет право на существование и в настоящее время. Более того, такой подход представляет практическую значимость и может быть использован законодателем при изложении понятий несостоятельности и банкротства.

Большая Энциклопедия.

Данный источник раскрывает банкротство в двух значениях [Большая Энциклопедия. Второй том URL].

В широком смысле банкротство употребляется в обыденном языке как синоним конкурсу, несостоятельности, неоплатности, т. е. понимается как публично объявленная неплатежеспособность лица, преимущественно торгового и промыслового звания.

В узком смысле банкротство означает наказуемую несостоятельность должника, происшедшую по его вине и влекущую за собой уголовную кару. В узком смысле банкротство сопряжено с законодательной интерпретацией, является одним из видов несостоятельности.

Достоинством такого подхода является то, что ясно и определенно раскрываются понятия несостоятельности и банкротства, чем не может отличаться современное действующее законодательство.

Если бы современный законодатель пошел по такому пути, выделяя банкротство как уголовную и, принимая во внимание существование КоАП РФ, административную категорию, отделив тем самым от несостоятельности, наука могла бы сосредоточиться не на понятиях, которые до сих пор не разграничены, а шагнуть вперед в развитии, исследуя глобальные проблемы.

Несостоятельность, в свою очередь, может быть неторговая и торговая [Большая Энциклопедия. Четырнадцатый том URL].

Торговая несостоятельность означает официально признанное такое состояние лица, при котором в силу недостатка материальных средств и превышения их суммой долгов, оно не может выполнять свои обязательства и удовлетворить кредиторов.

Выделяется три вида несостоятельности.

Первая – это несчастная, произошедшая без вины должника.

Вторая – неосторожная или простое банкротство, являющееся результатом вины должника, хотя ненамеренной и без совершения подлогов.

Третья – злонамеренная, когда неоплатность умышленная или учинена через подлог.

Преимуществом является как дифференцированный подход к содержанию несостоятельности, так и определенное понятное понимание несостоятельности и банкротства, которое безболезненно может быть применено в XXI веке.

Дело в том, что в настоящее время не потеряла актуальности указанная классификация несостоятельности. Законодатель также может использовать ее, например, при изложении понятия несостоятельности в ФЗ № 127-ФЗ и понятия банкротства в КоАП РФ и УК РФ. Тем самым могут быть сформированы большие группы явлений, характеризующиеся определенными свойствами, отличающиеся установленными признаками. В действующем ФЗ № 127-ФЗ законодатель уравнил понятия несостоятельность и банкротство, при этом законодатель, устанавливая ответственность за фиктивное банкротство в КоАП РФ и УК РФ, раскрывает это явление как заведомо ложное публичное объявление лица именно о своей несостоятельности, а не объявление лица о своем банкротстве. Тем самым ставится под сомнение тождественность этих понятий и возможность их использования в качестве синонимов.

Тем самым законодатель, с одной стороны, говорит, что эти понятия синонимичны, с другой – через такие мелочи в формулировках при изложении норм права опровергает их синонимичность. Поэтому вряд ли можно согласиться с имеющейся в науке точкой зрения о том, что понятия «несостоятельность» и «банкротство» равнозначны.

Толковый словарь живого великорусского языка.

Данный источник раскрывает несостоятельность через *неустойку*, *банкротство* [Даль 1881 URL].

Неустойка представляет собой неисполнение обещания, условия, обязательства.

Банкротство определяется через понятия *несостоятельный торговец*, *лопнувший*, *неплательщик* [Даль 1880 URL].

Лопнувший – рваться от натуги, трескаться.

Неплательщик – неплатящий долгов, неисправный в платежах, несостоятельный купец [Даль 1881 URL].

Несостоятельный торговец – должник, подрядчик, у которого долги превышают капитал [Даль 1881 URL].

Получается, банкротство сопряжено с торговой деятельностью и характеризует наличие обязательств именно из торговой сферы, тогда как несостоятельность охватывает также понятие неустойки.

Таким образом, между несостоятельностью и банкротством Толковый словарь живого великорусского языка проводит различие.

Однако некоторые ученые пишут, что содержащиеся в Толковом словаре определения выражают особенность лингвистического подхода к вопросу соотношения понятий «банкротство» и «несостоятельность»: традиционно принято отождествлять эти понятия [Несостоятельность (банкротство): Учебный курс 2019: 40].

При анализе языка важна каждая деталь. Поэтому следует не согласиться с мнением, что несостоятельность и банкротство являются синонимами.

Более того, в качестве аргумента также можно привести раскрытие в данном словаре понятия «несостоятельный» как должник, подрядчик, у которого долги превышают источник.

Должник раскрывается через долг как все должное, что должно исполнить, обязанность [Даль 1880 URL].

Подрядчик – тот, кто подрядился на что-либо, снял подряд. Подряд – это сделка, договор, обязательство, уговор на доставку, работу, срочную продажу [Даль 1882 URL].

Таким образом, понятие «несостоятельный» охватывает наличие долга, вытекающего в том числе из договора, сделки.

Соответственно, по Толковому словарю живого великорусского языка понятие «несостоятельность» является гиперонимом по отношению к понятию «банкротство», которое приходится гипонимом по отношению к понятию «несостоятельность».

Проведенный анализ фундаментальных трудов лингвистики для юриспруденции показал, что понятия «несостоятельность» и «банкротство» конца 19 – начала 20 вв. не признавались синонимами, существовал дифференцированный подход к пониманию их содержания.

Таким образом, в настоящее время законодателю необходимо обратить внимание на положения, существовавшие в исследуемом периоде времени, для оптимизации действующего законодательства, что приведет к правовой определенности, ясности изложения законов и корректному толкованию норм.

Литература

Большая Энциклопедия. Второй том. Арбуа де Жюбанвиль - Беллингсгаузен. СПб., 1900. URL: <https://runivers.ru/lib/book9796/483234/>

Большая Энциклопедия. Четырнадцатый том. Нерчинский округ - Пёнч. СПб., 1904. URL: <https://runivers.ru/lib/book9796/483811/>

Голев Н. Д., Лоншакова К. А. Юрислингвистика как вузовская учебная дисциплина (на материале учебников и магистерских программ в вузах Российской Федерации): аспектуализированный обзор / Юрислингвистика. - 2023. - № 29. - С. 86-97.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том первый. А - З. СПб.-М., 1880. URL: <https://runivers.ru/lib/book3178/10117/>

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том второй. И - О. СПб.-М., 1881. URL: <https://runivers.ru/lib/book3178/10118/>

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том третий. П. СПб.-М., 1882. URL: <https://runivers.ru/lib/book3178/10119/>

Дердященко И. Н. Соотношение понятий «несостоятельность» и «банкротство» в современном российском законодательстве. URL: <https://conf.siblu.ru/sootnoshenie-ponyatiy-nesostoyatelnost-i-bankrotstvo-v-sovremennom-rossiyskom-zakonodatelstve>

Карелина С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М., 2008.

Коренная А. А. Терминологический анализ категорий «несостоятельность» и «банкротство»: уголовно-правовой аспект / Юрислингвистика. - 2021. - № 22. - С. 28-32.

Коречков Ю. В. Экономика России в начале XX века / Экономика и социум. - 2016. - № 12 (31). - С. 1500-1503.

Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. С. А. Карелиной. Т. 1. - М., 2019.

Попондопуло В. Ф. Коммерческое (предпринимательское) право: учебник. М., 2015.

Рынок ценных бумаг / Под. ред. Н. Т. Клещева. М., 1997.

Сасыкин К. Ю. О понятиях несостоятельности и банкротстве в российском праве / Юрислингвистика. - 2023. - № 28. - С. 73-76.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том III (5). Банки - Бергер. СПб., 1891. URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/10136/>

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XVI (31). Конкорд - Коялович. СПб., 1895. URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/10162/>

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXА (40). Наказный атаман - Неясыти. СПб., 1897. URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/10171/>

References

Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: Volume III (5). Banks - Berger. (1891). St. Petersburg. Available from: <https://runivers.ru/lib/book3182/10136/> (in Russian).

Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: Volume XVI (31). Concord - Koyalovich. (1895). St. Petersburg. Available from:

<https://runivers.ru/lib/book3182/10162/> (in Russian).

Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: Volume XXA (40). Nakazny Ataman - Neyasyti. (1897). St. Petersburg. Available from: <https://runivers.ru/lib/book3182/10171/> (in Russian).

Dal, V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Volume One. A - Z. (1880). St. Petersburg-Moscow. Available from: <https://runivers.ru/lib/book3178/10117/> (in Russian).

Dal, V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Volume Two. I - O. (1881). St. Petersburg- Moscow. Available from: <https://runivers.ru/lib/book3178/10118/> (in Russian).

Dal, V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Volume Three. P. (1882). St. Petersburg- Moscow. Available from: <https://runivers.ru/lib/book3178/10119/> (in Russian).

Derdiyaschenko, I. N. The relationship between the concepts of "insolvency" and "bankruptcy" in modern Russian legislation. Available from: <https://conf.siblu.ru/sootnoshenie-ponyatiy-nesostoyatel'nost-i-bankrotstvo-v-sovremennom-rossiyskom-zakonodatel'stve> (in Russian).

Golev, N. D., Lonshakova, K. A. (2023). Legal linguistics as a university academic discipline (based on textbooks and master's programs in universities of the Russian Federation): an aspectualized review. *Legal linguistics*, 29, 86-97 (in Russian).

Insolvency (bankruptcy): Study course (2019). P. 40. In 2 volumes. S. A. Karelina (Ed.). Vol. 1. Moscow, 2019 (in Russian).

Karelina, S. A. (2008). The mechanism of legal regulation of insolvency relations. Moscow (in Russian).

Korechkov, Yu. V. (2016). The economy of Russia at the beginning of the twentieth century. *Economy and society*, 12 (31), 1500 - 1503 (in Russian).

Korennaya, A. A. (2021). Terminological analysis of the categories "insolvency" and "bankruptcy": criminal-legal aspect. *Jurislinguistics*, 22, 28-32 (in Russian).

Popondopulo, V. F. (2015). Commercial (entrepreneurial) law: textbook. Moscow (in Russian).

Sasykin, K. Yu. (2023). On the concepts of insolvency and bankruptcy in Russian law. *Jurislinguistics*, 28, 73-76 (in Russian).

Securities market (1997). N. T. Kleshchev (Ed.). Moscow (in Russian).

The Great Encyclopedia. Volume Fourteen. Nerchinsk District - Pench. (1904). St. Petersburg. Available from: <https://runivers.ru/lib/book9796/483811/> (in Russian).

The Great Encyclopedia. Volume Two. Arbois de Jubanville - Bellingshausen. (1900). St. Petersburg. Available from: <https://runivers.ru/lib/book9796/483234/> (in Russian).

Citation:

Рябова А. Ю. Банкротство vs несостоятельность через призму семантики конца 19 – начала 20 вв. // Юрислингвистика. – 2025 – 36. – С. 35-39.

Ryabova A. Yu. (2025) Bankruptcy vs Insolvency through the Semantics Prism of Late 19th and Early 20th Centuries. *Legal Linguistics*, 36, 35-39.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Семантико-когнитивное исследование словарных дефиниций английских законодательных текстов в условиях информационно-технологического развития мира

А. С. Габдрахманова

*ЧОУ ВО «Казанский Инновационный Университет» им. В. Г. Тимирязова
ул. Московская, 42, 420111, г. Казань, Россия. E-mail: gabdrahmanova@ieml.ru*

В статье рассматриваются семантические и когнитивные аспекты словарных дефиниций в законодательных текстах с целью выявления их особенностей в контексте информационно-технологического развития общества. Отмечается, что неясности и многозначности в законодательных определениях могут приводить к юридическим спорам и неопределенности в правоприменительной практике. Автор исследует законодательные и правовые документы США и стран ЕС, уделяя особое внимание темам «информационные технологии» и «искусственный интеллект». Обсуждается наличие гибридных терминов как многокомпонентных терминологических сочетаний, содержащих инициальные сокращения, таких как AI programming и HTN planning.

Для анализа мы выбрали нормативные акты и директивы по тематике «информационные технологии» и «искусственный интеллект»: H.R.5356 – To establish the National Security Commission on Artificial Intelligence; The National Strategy to Secure Cyberspace; Executive Order USA; National Strategy in Cyberspace (USA); The Comprehensive National Cybersecurity Initiative.

В статье подробно анализируются синтаксические связи внутри терминологических конструкций. Особое внимание уделяется так называемым фразовым сочетаниям, которые представляют собой специфическую разновидность терминов. Эти конструкции по своей структуре напоминают фразы, а синтаксические отношения в них выражаются с помощью союзов и предлогов.

Проведенное исследование акцентирует внимание на необходимости детального анализа ядерных терминов с точки зрения их семантико-когнитивных особенностей. Это позволит глубже понять, как именно формируются и функционируют терминологические конструкции в научном и профессиональном контексте.

В результате анализа выявлено, что наиболее продуктивным способом образования дефиниций является создание двухкомпонентных сочетаний, что позволяет передавать информацию более точно и мотивированно. Работа может быть использована для дальнейших исследований в области юридической лексикографии и терминологии.

Ключевые слова: семантико-когнитивное исследование, дефиниция, законодательный текст, информационные технологии, информационно-технологическое развитие.

Semantic and Cognitive Study of Dictionary Definitions of English Legislative Texts in the Context of World Information Technology Development

A. S. Gabdrakhmanova

*Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)
42 Moskovskaya street, 420111, Kazan, Russia. E-mail: gabdrahmanova@ieml.ru*

The article examines the semantic and cognitive aspects of dictionary definitions in legislative texts in order to identify their features in the context of information technology development of society. It is noted that ambiguity and polysemanticity in legislative definitions can lead to legal disputes and obscurity in law enforcement practice. The author explores US and EU legislative and legal documents, focusing on the topics of "information technology" and "artificial intelligence." Hybrid terms

are discussed as multicomponent terminological combinations containing initial abbreviations, such as AI programming and HTN planning.

For the analysis, we have chosen regulations and prescriptions concerning "information technology" and "artificial intelligence": H.R.5356 – To establish the National Security Commission on Artificial Intelligence; The National Strategy to Secure Cyberspace; Executive Order USIA; National Strategy in Cyberspace (USA); The Comprehensive National Cybersecurity Initiative.

The article examines syntactic relationships within terminological combinations, with particular emphasis on phrasal combinations, which are a separate type of terminology. Phrasal combinations are characterized by structural similarity to phrases, and syntactic relationships in them are expressed through conjunctions and prepositions.

The study focuses on the need for a detailed analysis of nuclear terms with regard to their semantic and cognitive features. This will allow a deeper understanding of exactly how terminological constructions are formed and function in a scientific and professional context.

As a result of the analysis, it was found that the most productive way to form definitions is to create two-component combinations, which allows you to transmit information more accurately and reasonably. The work can be used for further research in legal lexicography and terminology.

Key words: semantic and cognitive research, definition, legislative text, information technology, information technology development.

В нынешнюю эпоху стремительного прогресса в области информационных технологий и искусственного интеллекта мир переживает настоящую революцию в сфере обработки данных. Изменения затрагивают все аспекты нашей жизни, включая методы анализа и понимания текстовых материалов. В условиях постоянного появления новых форматов информации и каналов коммуникации важно исследовать, как юридический язык адаптируется к этим новым условиям. Анализ семантики и когнитивного восприятия определений в законодательных текстах позволяет углубиться в понимание изменений значений терминов и понятий, а также их влияние на правоприменение и правосознание.

Такого рода исследования помогают выявить потенциальные неясности и многозначности, которые могут стать причиной юридических споров и неопределенности в правоприменительной практике.

Семантико-когнитивный подход к анализу словарных определений как инструмента познания требует тщательной проработки категорий «дефиниция» и «термин». В рамках когнитивного терминоведения «дефиниция» рассматривается как уникальное логическое и языковое явление, в котором взаимодействуют язык и мышление, улучшая друг друга [Шапочкин 2013: 101]. Эта концепция может быть охарактеризована как своеобразный «мост взаимопонимания», связывающий устоявшиеся знания с новыми, обеспечивая передачу опыта от одного поколения к другому, облегчая коммуникацию между специалистами различных областей и повышая эффективность когнитивной деятельности индивидов.

Понятие «термин» рассматривается как слово или словосочетание, наделенное специальным значением и используемое для точного и однозначного обмена информацией в определенной отрасли производства, деятельности или знания. Термины формируют особый сектор лексики, требующий специальных знаний для понимания и корректного применения.

Некоторые авторы, например Е. И. Голованова, отметили, что слово или словосочетание, применяемое для обмена информацией и имеющее специфическое значение в отрасли производства, деятельности или знания, можно отнести к термину. При этом данная категория относится к особому сектору лексики, требующему специальных знаний.

Термин как элемент языка — это особое слово или словосочетание, которое определяет специфический предмет или научное понятие. Дефиниция термина позволяет отразить концентрированную информацию о его ключевых характеристиках и месте в определенной системе терминов. Это определение термина не вызывает споров среди отечественных ученых.

Другие авторы определяют, что в терминах как языковых знаках определены уровни знаний [Свойкин 2008: 159]:

- 1) декларативное знание (factual knowledge);
- 2) процедурное знание (procedural knowledge);
- 3) концептуальное знание (conceptual knowledge).

В современном научном дискурсе терминология перестала рассматриваться как просто набор слов для обозначения явлений. Вместо этого терминологические единицы и системы анализируются как органичная часть научных теорий и отражение специфики предметных и понятийных областей. Такой подход позволяет проникнуть глубже в природу терминов, понять их роль в научном познании и, как следствие, совершенствовать процесс коммуникации и развития науки.

На наш взгляд, анализ терминологических систем в контексте соответствующих предметных и понятийных областей также позволяет выявить лакуны и противоречия в научном знании. Обнаружение неточностей в определении термина или неоднозначность его употребления может сигнализировать о необходимости пересмотра теоретических положений и проведения дополнительных исследований.

В наше время, когда существует множество трактовок разных областей знаний и профессий, корпоративные и специализированные взгляды на мир приводят к появлению большого количества искусственно созданных терминов в профессиональном общении [Лейчик 2002: 63].

В процессе создания терминов важно связывать характеристики понятия с помощью различных аналогий.

В рамках нашего исследования мы отразим семантико-когнитивные особенности словарных дефиниций на примере законодательных и правовых документов США и стран ЕС.

Для анализа мы выбрали нормативные акты и директивы по тематике «информационные технологии» и «искусственный интеллект»:

1. H.R.5356 – To establish the National Security Commission on Artificial Intelligence.
2. The National Strategy to Secure Cyberspace.
3. Executive Order USA.
4. National Strategy in Cyberspace (USA).
5. The Comprehensive National Cybersecurity Initiative.

Согласимся с мнением некоторых авторов, что термины, как правило, не существуют изолированно, а образуют терминологические сочетания, которые, в свою очередь, можно разделить на две основные группы [Лейчик 2002: 63]:

I. Устойчивые терминологические сочетания. К этой группе относятся термины, которые функционируют как единое целое. Замена одного или нескольких компонентов в таком сочетании либо полностью искажает его смысл, либо приводит к образованию некорректного термина.

II. Свободные терминологические сочетания. Данная группа терминов характеризуется большей гибкостью и возможностью замены одного или нескольких компонентов без критического изменения смысла. В таких сочетаниях компоненты сохраняют свою относительную самостоятельность и могут комбинироваться в различных конфигурациях.

Чтобы проиллюстрировать это явление, можно привести примеры свободных терминологических словосочетаний и их словарных определений:

- persistent function (устойчивая функция);
- time-independent function (независящая от времени функция);
- enduring function (долговечная функция).

В отличие от свободных словосочетаний, где значение каждого элемента сохраняет свою независимость, в фразовом сочетании компоненты тесно связаны между собой, образуя единое смысловое целое. Например, в выражении «критическая точка» слово «критическая» не просто описывает качество «точки», а вместе они обозначают специфическое понятие в физике или математике. Эта смысловая интеграция – важнейшая характеристика фразовых сочетаний. Особенностью фразовых сочетаний является их устойчивость. Они воспроизводятся в речи в фиксированной форме, без существенных вариаций. Они похожи на обычные фразы, но их синтаксические связи выражены через союзы или предлоги. Среди общего количества терминов таких групп насчитывается около 260, что соответствует примерно 9%.

В качестве примера можно привести следующие фразовые термины:

- Algorithm scaling linearly (линейное увеличение времени выполнения);
- Underlying truth (скрытая, лежащая в основе истина);
- Aleatory game (игра в кости);
- Inferential reasoning (based on analogy) (выводы на основе аналогии).

В каждой фразовой единице можно выделить основу – ядерный термин, подобно ядру атома, вокруг которого вращаются электроны, является смысловым центром терминологической конструкции. Он несет основную смысловую нагрузку и определяет суть понятия, которое обозначается всей терминологической конструкцией. Именно ядерный термин является отправной точкой для понимания значения сложного термина и его связей с другими терминами. Нам представляется необходимым тщательно изучить ряд ядерных терминов, принимая во внимание их семантические и когнитивные аспекты.

Понятие algorithm стало основой для формирования множества специфических терминов в области информационных технологий.

LDOCE определяет термин так: A defined process or method followed to achieve a desired outcome. Example: "The council employs a traffic management algorithm to reduce congestion."

Изначально слово algorismus (производное от Algorithmi) использовалось для обозначения именно десятичной системы счисления и правил арифметических вычислений, выполняемых с ее помощью (то есть операций сложения, вычитания, умножения и деления) [The Oxford Dictionary of English Etymology, 1960: 44]. Со временем значение слова algorithm стало более широким. В средние века оно продолжало ассоциироваться с арифметическими процедурами. Однако позже, с развитием математики и особенно вычислительной техники, термин "алгоритм" стал обозначать любую четкую, конечную последовательность инструкций (правил), необходимую для решения определенной задачи.

Окончательный вид рассматриваемое определение получило в конце 19 века и до сих пор не изменилось. The term "algorithm" originated in the 17th century, having its roots in French. It was reshaped (mistakenly associated with Greek "arithmos" which means "number") from the Old French "algorisme", which denoted the Arabic numeral system in the Middle Ages. The Latin equivalent, "algorismus", was a distorted transliteration of the Arabic name "al-Khwarizmi".

Следующий термин – «уравнение» (equation), который представляет собой выражение, утверждающее равенство между двумя значениями или выражениями. Оно может быть записано с использованием математических операторов, переменных и констант. Целью часто является найти значения переменных, которые делают уравнение истинным.

Основное значение рассматриваемого термина представлено в Английском словаре Cobuild: In the era before digital computers, when calculations were done manually or with mechanical computing devices, mathematical equations played a central role. Calculation people have already used the term "equation" in their work. With the development of programming, computers began to be used not only for computing, but also for modeling real processes and systems. Many of these systems were described by mathematical equations. For example, equations describing motion, thermodynamics, or economic models. When programming such models, it became natural to use the term "equation" to represent these mathematical relationships in code [Cobuild English Dictionary for Advanced Learners 2001: 574].

В процессе становления термина из общеупотребительного понятия он постепенно обрел строго математический смысл и стал обозначать закон, устанавливающий зависимость одной величины от другой: a mathematical value that varies depending on the changes in another mathematical value. С развитием информационных технологий и программирования понятие «уравнение» обрело новое значение в сфере ИИ.

Вот несколько примеров терминов с этой единицей:

- regression equation (уравнение регрессии);
- optimization equation (уравнение оптимизации);
- state equation (уравнение состояния);
- quadratic equation (квадратное уравнение)
- differential equation (дифференциальное уравнение).

Понятие network (сеть) включает в себя представление о системе взаимосвязанных объектов:

- A structure consisting of a series of interconnected elements, similar to a network [Longman, 1995: 912];
- The concept of such an arrangement originated from the notion of a net-like product, which dates back to the 16th century. It combines the words "net" and "work". In the expanded sense, denoting any intricate system of connections, it appeared in 1839 [The Shorter Oxford English dictionary on historical principles 1973: 893].

Приведем примеры использования network в разных смысловых значениях:

1. Wireless network: (Беспроводная сеть) - A network that uses radio waves to connect devices.
2. Network security: (Сетевая безопасность) - Measures taken to protect a network and its data from unauthorized access.
3. Network administrator: (Сетевой администратор) - A person responsible for maintaining and managing a computer network.
4. Network protocol: (Сетевой протокол) - A set of rules that govern how data is transmitted over a network.
5. Network topology: (Топология сети) - The physical or logical arrangement of a network.

Эти термины показывают, что единица network может иметь разные значения в зависимости от сферы применения.

В области искусственного интеллекта, согласно английским источникам, используется 70 аббревиатур, что составляет примерно 3% от общего числа терминов. Из них примерно 1,5% — инициальные аббревиатуры. Вот несколько примеров:

- ML - Machine Learning (машинное обучение);
- NLP - Natural Language Processing (обработка естественного языка);
- HMM - Hidden Markov Model (статистическая модель Маркова).

В дефинициях искусственного интеллекта на английском языке встречаются гибридные термины, которые представляют собой сложные конструкции из нескольких элементов, где один или несколько компонентов — это инициальные аббревиатуры.

В нашем исследовании мы анализируем такие гибриды как комплексные терминологические структуры. Их доля в общем объеме терминов искусственного интеллекта составляет всего 1%, то есть из всей выборки таких конструкций насчитывается 27 единиц. Вот некоторые примеры:

- ИИ-программирование (AI programming);
- HTN-планирование (HTN planning);
- Логический ИИ (logic based AI).

В результате исследования с использованием метода семантико-когнитивного анализа определений в юридических словарях английского языка выяснилось, что при образовании терминов особенно эффективно применяются двухэлементные конструкции. Они создаются по моделям AN и NN. Многосоставные термины, в отличие от однословных, позволяют более точно описать понятие. При этом они обладают большей ясностью и понятностью.

Литература

Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. М., 2011.

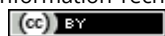
- Ивина Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). М., 2003.
- Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М., 2012.
- Лейчик В. М. Элементы терминоведческой теории текста / Стереотипность и творчество в тексте / отв. ред. М. П. Котюрова. Пермь, 2002. – С. 63-77.
- Свойкин К. Б. Дискретные характеристики речевого смысла / Вестник Мордовского университета. – 2008. – № 3. – С. 159–162.
- Ткачева Л. Б. Гибридное образование – путь к интернационализации терминологии / Взаимодействие языков на разных уровнях и научно-технический перевод : тез. докл. и сообщений. Орел, 1987. – С. 24-29
- Шапочкин Д. В. Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике / Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 10(301). – С. 101–107.
- Cobuild English dictionary for advanced learners. – 6th ed. – Great Britain, 2001.
- Longman dictionary of contemporary English: the compl. guide to written a spoken English: over 80 000 words and phrases. – 3. ed. – Harlow (Essex), 1995.
- The Oxford dictionary of English etymology / C. T. Onions. Oxford, 1960.
- The Shorter Oxford English dictionary on historical principles / Prep. by W. Little et al. ; Rev. and ed. by C. T. Onions. – 3rd ed., compl. reset with etymologies rev. Oxford, 1973.

References

- Cobuild English dictionary for advanced learners, 6th ed. Great Britain (2001).
- Golovanova, E. I. (2011). Introduction to cognitive terminology: study manual. Moscow (in Russian).
- Ivina, L. V. (2003) Lingvo-cognitive foundations of the analysis of industry thermosystems (using the example of English-language terminology of venture financing). Moscow (in Russian).
- Kubryakova, E. S. (2012) In search of the essence of language. Cognitive research. Moscow (in Russian).
- Leichik, V. M. (2002) Elements of the terminal theory of text. Stereotyping and creativity in the text/rev. ed. M. P. Kotyurova, Perm, 63-77 (in Russian).
- Longman dictionary of contemporary English: the compl. guide to written a spoken English: over 80 000 words and phrases, 3. ed, Harlow (1995).
- Shapochkin, D. V. (2013). Method of cognitive analysis of discourse in linguistics. Bulletin of Chelyabinsk State University, 10(301), 101-107 (in Russian).
- Svovkin, K. B. (2008) Discrete characteristics of speech sense. Bulletin of Mordovia University, 3, 159-162 (in Russian).
- The Oxford dictionary of English etymology / C. T. Onions, Oxford (1960).
- The Shorter Oxford English dictionary on historical principles / Prep. by W. Little et al. ; Rev. and ed. by C. T. Onions, 3rd ed., compl. reset with etymologies rev. Oxford (1973).
- Tkacheva, L. B. (1987) Hybrid education is the path to internationalization of terminology. Interaction of languages at different levels and scientific and technical translation: tez. doc. and messages. Orel, 24-29 (in Russian).

Citation:

- Габдрахманова А. С. Семантико-когнитивное исследование словарных дефиниций английских законодательных текстов в условиях информационно-технологического развития мира // Юрислингвистика. – 2025 – 36. – С. 40-44.
- Gabdrakhmanova A. S. (2025) Semantic and Cognitive Study of Dictionary Definitions of English Legislative Texts in the Context of World Information Technology Development. Legal Linguistics, 36, 40-44.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Понятие культурных ценностей народов в Российской Федерации

А. Ф. Манапова

Челябинский государственный университет

ул. Братьев Кашириных, 129, 454001, Челябинск, Россия. E-mail: anna961512@mail.ru

Статья посвящена исследованию понятия «культурные ценности» с точки зрения лексического, историко-юридического, доктринального, международного и национального законодательных подходов. Автор разбирает понятие на две части, отдельно анализирует понятие «культурный» и «ценность», проводит обзор доктринального понимания термина, исследует исторический путь понятия, проводит анализ законодательных актов национального и международного уровней, выводит свое собственное понятие культурных ценностей. Тематика статьи актуальна ввиду отсутствия единого понимания термина «культурные ценности», что в свою очередь влияет на формирование и реализацию эффективных мер противодействия преступлениям, предметом которых выступают культурные ценности. Цель исследования заключается в детальном и всестороннем рассмотрении вопроса об уголовно-правовой охране культурных ценностей народов как такового. Автор приходит к выводу о необходимости унификации понятия «культурные ценности», определении четкого, полного и единого понятия, а также закреплению «культурных ценностей» в качестве предмета преступлений, предусмотренных статьями 164, 190, 226, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3, 243.4 Уголовного кодекса Российской Федерации. Законодательное закрепление понятия способствует эффективному противодействию, профилактике и предотвращению преступлений в сфере охраны культурных ценностей народов. Охрана культурного наследия является одним из приоритетных направлений, поскольку культурные ценности представляют собой неповторимую историю, традиции и уникальную идентичность каждой нации. Эти ценности помогают понять и уважительно относиться к культурному наследию других народов. Кроме того, меры охраны культурных ценностей способствуют сохранению и передаче объектов охраны будущим поколениям, укреплению национальной самоидентификации и сплоченности общества.

Ключевые слова: культурные ценности, лексический подход к пониманию понятия, охрана культурных ценностей, преступления против культурных ценностей, предмет преступления против культурных ценностей.

The Concept of Cultural Values of Peoples in the Russian Federation

A. F. Manapova

Chelyabinsk State University

129 Brothers Kashirin St., 454001, Chelyabinsk, Russia. E-mail: anna961512@mail.ru

The article considers the concept of "cultural values" from the point of view of lexical, historical, legal, doctrinal, international and national legislative approaches. The author divides the concept into two parts, analyzes the concept of "cultural" and "value" separately, reviews the doctrinal understanding of the term, explores the historical development of the concept, analyzes legislative acts at the national and international levels, and deduces her own concept of cultural values. The topic of the article is relevant due to the lack of uniform understanding of the term "cultural values", which in turn affects the development and implementation of effective measures to counter crimes involving cultural values. The purpose of the study is to examine in detail and comprehensively the issue of the criminal protection of cultural values of peoples as such. The author comes to the conclusion that it is necessary to introduce a uniform concept of cultural values, to give a clear, complete consistent definition of the concept, as well as consolidate "cultural values" as the subject of crimes provided for in articles 164, 190, 226, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3, 243.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. The legislative consolidation of the concept contributes to the effective counteraction, prevention and deterring of crimes in the field of protection of cultural values of peoples. The protection of cultural heritage is one of the priorities, since cultural values represent the distinct history, traditions and unique identity of each nation. These values help to understand and respect

the cultural heritage of other nations. In addition, measures to protect cultural values contribute to the preservation and passing over the protected values to future generations, strengthen national identity and social cohesion.

Key words: cultural values, lexical approach to understanding the concept, protection of cultural values, crimes against cultural values, the subject of crimes against cultural values.

Введение

Уголовно-правовая охрана культурных ценностей народов представляет собой обширное понятие, которое включает в себя перечень мер уголовно-правового характера. Объектом такой охраны и объектом направленности таких мер являются «культурные ценности». Анализ этимологии понятия дает возможность разработать более эффективные меры по их защите и поспособствует снижению преступности в данной области.

Материалы и методы исследования

В работе использованы доктринальные подходы ученых-юристов, филологов к пониманию понятия «культурные ценности». С помощью общенаучных и частнонаучных методов рассмотрены законодательные акты международного уровня и Российской Федерации, которые позволили определить проблемы и найти соответствующие пути решения.

Описание исследования

Лексическая оценка понятия.

Проводя лексический анализ понятия «культурные ценности», необходимо обратиться к самостоятельным понятиям «культурный» и «ценность».

В Толковом словаре С. И. Ожегова и Т. Ю. Шведовой термин «ценность» имеет несколько значений:

- 1) цена, стоимость;
- 2) важность, значение;
- 3) ценный предмет, явление.

Термин «культурный» означает:

- 1) находящийся на высоком уровне культуры, соответствующий ему;
- 2) относящийся к просветительной, интеллектуальной деятельности;
- 3) обработанный, возделанный, выращенный человеком, не дикий [Ожегов 1983: 801].

Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля не дает самостоятельного определения понятия «культурный», но характеризует «культуру» как образование, умственное и нравственное, а термин «ценность» – как тождественное термину «цена», характеризуя оба понятия как достоинство, стоимость, плата, во что ставят вещь или труд, чего что-либо стоит, во что ценится в продаже или покупке, мера на деньги.

В терминологическом словаре-справочнике по безопасности культурных ценностей под «культурными ценностями» понимаются «движимые памятники истории и культуры, входящие в государственные и негосударственные архивные, библиотечные, музейные фонды или собрания, а также недвижимые памятники истории и культуры, здания, сооружения, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты» [Душкина 2000: 100].

Таким образом, лексическое значение термина «культурные ценности» заключается в важности и исключительности объектов просветительной и интеллектуальной деятельности человека.

Историко-юридическая оценка понятия.

Уголовно-правовая охрана культурных ценностей, исследуя позиции зарубежных ученых-юристов, осуществлялась во времена Средневековья и представляла собой ответственность за преступления против церковных ценностей. В законодательстве отдельный термин используется с середины 20 века.

Впервые словосочетание «культурные ценности» появилось в Конвенции «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта», подписанной в Гааге 14 мая 1954 года. Согласно Конвенции, культурные ценности – это движимые и недвижимые ценности, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, независимо от их происхождения и владельца [Конвенция «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» URL].

Далее термин «культурные ценности» использовался в других международных документах, например:

1. Рекомендация о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности, принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО 19 ноября 1964 года [Рекомендация о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности URL].

2. Рекомендация о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ, принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО 19 ноября 1968 года [Рекомендация о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ URL].

3. Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, принятая 14 ноября 1970 года [Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности URL].

Анализируя понятия, данные в вышеуказанных документах, автор приходит к выводу, что в определение понятия «культурные ценности» включается большое количество характеристик объекта правового регулирования, при этом само определение не использует дальше большую часть таких характеристик.

Понятие «культурные ценности» в российском законодательстве.

В Основах законодательства Российской Федерации о культуре термин определяется как нормы эстетики и этики, а также идеалы, эталоны поведения, традиции и обычаи некоторых наций, языки и диалекты, а также ценности культурного, художественного, ремесленного, научного характера, здания, постройки и сооружения, объекты, территории, которые являются уникальными в своем роде [Основы законодательства Российской Федерации о культуре URL].

Кардинально противоположное понятие содержится в статье 5 Закона Российской Федерации «О ввозе и вывозе культурных ценностей», культурные ценности определяют как движимые объекты, обретшие материальный облик независимо от эпохи и века, когда они создавались, отличающиеся особой ценностью в искусстве, науке и культуре [Закон Российской Федерации «О ввозе и вывозе культурных ценностей» URL]. Аналогичным образом определяется данное понятие в федеральном законе «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» URL].

Таким образом, единый подход к определению понятия «культурные ценности» в Российской Федерации отсутствует. Кроме того, понятие, представленное в Законе Российской Федерации «О ввозе и вывозе культурных ценностей», не отражает всей полноты и сути термина, в связи с чем предлагается внести в законодательство Российской Федерации полное и емкое определение понятия «культурные ценности» с учетом современных реалий.

Доктринальный подход к определению понятия.

После ратификации вышеуказанных конвенций и подписания законов на территории Российской Федерации ученые-правоведы вели дискуссии относительно полноты определения понятия «культурные ценности» с теоретической точки зрения.

Е. Александров и А. И. Чудинов определяют термин как «любые произведения, которые представляют собой квинтэссенцию творческой мысли человека на любом отрезке времени независимо от области изысканий, которые позволяют обрести понимание культуры этого времени и дающие возможность улучшить ее в дальнейшем» [Чудинов 1990: 28].

В. С. Ласковский, И. Г. Абалян и В. С. Касторский делают акцент на общественном следе истории человечества [Ласковский, Абалян, Касторский 1994: 3].

Р. Р. Булатов отмечает, что это материальные итоги деятельности человека, которые являются единственными в своем роде [Булатов 1995: 45].

А. В. Гайдашов указывает на высокую потребительскую стоимость [Гайдашов 1997: 43]. Данную позицию поддерживают О. В. Давлетшина [Давлетшина 2003: 30], Е. В. Медведев [Медведев 2003: 144] и В. В. Лисаускайте [Лисаускайте 2010: 130]. В своих трудах С. А. Фомичев делает акцент на опору культурных ценностей для последующих поколений [Фомичев 2005: 26].

Особую ценность подчеркивает также А. В. Наумов, А. Г. Кибальник [Наумов, Кибальник 2014: 320].

А. С. Джавадова обращает внимание на уникальность объектов материального мира [Джавадова 2022: 368].

Е. Ф. Абдуллина обращает внимание на статус культурных ценностей как имущества. Несмотря на такое свойство, этот признак не может считаться их содержательной характеристикой. Он является производным из-за повышенной общественной значимости, уникальности в истории, искусстве, архитектуре [Абдуллина 2012: 357].

Термин «культурные ценности» является чем-то динамическим, потому что постоянно находится в развитии и его содержание меняется. Кроме того, на подходы к пониманию понятия данного термина оказывают влияние различия между национальным и международным образом мышления.

Заключение

Проанализировав лексический, историко-юридический, доктринальный подходы, предлагается внести в российское законодательство единый, полный термин, отражающий все признаки данного понятия, определив его как движимые и недвижимые ценности, которые являются достижениями человечества в области науки, культуры, искусства, имеющие большое значение для культурного достояния страны и последующих поколений, отражающие духовное состояние, развитие и наследие народов.

Кроме того, предметом преступления, предусмотренного статьей 243-243.4 Уголовного кодекса Российской Федерации [Уголовный кодекс Российской Федерации URL] (далее – УК РФ) являются объекты культурного наследия; статья 164 УК РФ – предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность; статьи 190, 226, 226.1 УК РФ – культурные ценности.

Предлагается, рассматривая составы преступлений (ст. 164, 190, 226, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3, 243.4 УК РФ), предметом выделять те культурные ценности, которые соотносятся с вышеуказанным понятием. Благодаря полной и единой дефиниции такого понятия законодатель избежит неправильной квалификации и устранил значительно важный пробел в праве.

При этом предполагается признать тождественными понятия «культурные ценности», «предметы, имеющие историческую и культурную ценность», «культурное наследие» и ввести единое понятие «культурные ценности» для всех составов преступлений. Следует отметить, что проблема необходимости формулировки дефиниции «культурные ценности» и некоторых связанных с ним понятий является актуальной, и ей посвящено достаточно

большое количество трудов как зарубежных, так и отечественных авторов. Большинство отечественных работ описывает с юридических, правовых позиций называемую борьбу понятий [Бельская 2012: 4]: культурное наследие (cultural heritage) и/или культурные ценности (cultural property или cultural values) [Манлио 2004: 68].

Таким образом, понятие культурных ценностей играет огромную роль в формировании и сохранении национальной и общественной идентичности, является основой для развития мира искусства, науки, культуры и многих других сфер. Понимание и уважение культурных ценностей других народов способствует укреплению межкультурного взаимодействия, а также минимизации преступлений в данной области.

Литература

- Абдуллина Е. Ф. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: особенности регулирования и направления совершенствования / Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях : Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 31 мая 2019 года / Том Выпуск 2. – Ханты-Мансийск, 2019. – С. 357-362.
- Бельская С. А. К проблеме определения понятия «культурная ценность» / Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 3-1. – С. 4-7.
- Булатов Р. Б. Культурные ценности: правовая регламентация и юридическая защита: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1995. С. 200.
- Гайдашов А. В. Уголовная ответственность за хищения предметов, имеющих особую историческую, научную или культурную ценность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 167.
- Давлетшина О. В. Уголовно - правовая охрана культурных ценностей в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2003. С. 512.
- Джавадова А. С. К вопросу об охране культурных ценностей / Инновации. Наука. Образование. – 2022. – № 51. – С. 368-372.
- Душкина Л. И. Терминологический словарь-справочник по безопасности культурных ценностей. М., 2000.
- Конвенция «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» 14 мая 1954 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900810>
- Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900836>
- Ласкавый В. С., Абалян И. Г., Касторский В. С. Сохранность и защита культурных ценностей. СПб., 1994. С. 3.
- Лисаускайте В. В. Курс Международного права: курс лекций. Иркутск, 2010.
- Манлио Ф. Культурные ценности и культурное наследие: «борьба понятий» в международном праве / Международный журнал Красного креста. - 2004. - № 854. - С. 67-80.
- Медведев Е. В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003.
- Наумов А. В., Кибальник А. Г. Орлов В.Н., Волосюк Л.В. Международное уголовное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. - 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.
- О вывозе и ввозе культурных ценностей: Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1. URL: <https://base.garant.ru/10101361/>
- О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/
- Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 14-е изд., стереотип. М., 1983.
- Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/
- Рекомендация о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901756974>
- Рекомендация ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1900836>
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
- Фомичев С. А. Борьба с контрабандой культурных ценностей / отв. ред. А. И. Чучаев. Калуга, 2005. С. 26.
- Чудинов А. И. Защита культурных ценностей от незаконного ввоза, вывоза за пределы государств и передачи права собственности на них: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1990.

References

- Abdullina, E. F. (2019). Criminal law protection of cultural property: regulatory features and areas for improvement. Strategic directions for combating crime at the national and transnational levels : A collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference, Khanty-Mansiysk, May 31, 2019 / Volume Issue 2. Khanty-Mansiysk, 357-362 (in Russian).
- About the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation: Federal Law No. 54-FZ dated 05.26.1996. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ (in Russian).

- Belskaya, S. A. (2012). On the problem of defining the concept of "cultural value". Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts, 3-1, 4-7 (in Russian).
- Bulatov, R. B. (1995). Cultural values: legal regulation and legal protection: dissertation of the cand. jurid. St. Petersburg (in Russian).
- Chudinov, A. I. (1990). Protection of cultural property from illegal import, export outside the borders of states and transfer of ownership to them: dissertation of the Candidate of Law. Leningrad (in Russian).
- Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict, May 14, 1954. Available from: <https://docs.cntd.ru/document/1900810> (in Russian).
- Convention on Measures Aimed at Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/1900836> (in Russian).
- Davletshina, O. V. (2003). Criminal and legal protection of cultural values in the Russian Federation: dissertation of the cand. jurid. sciences. Rostov-on-Don (in Russian).
- Dushkina, L. I. (2000). Terminological dictionary-handbook on the safety of cultural values. Moscow (in Russian).
- Fomichev, S. A. (2005). The fight against the smuggling of cultural property / ed. by A.I. Chuchayev. Kaluga (in Russian).
- Fundamentals of legislation of the Russian Federation on culture (approved by the Supreme Council of the Russian Federation on 09.10.1992 № 3612-1). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (in Russian).
- Gaidashov, A. V. (1997). Criminal liability for theft of objects of special historical, scientific or cultural value: dissertation of the cand. jurid. sciences. Moscow (in Russian).
- Javadova, A. S. (2022). On the issue of the protection of cultural values. Innovations. Science. Education, 51, 368-372 (in Russian).
- Laskavy, V. S., Abalyan, I. G., Kastorsky, V. S. (1994). Preservation and protection of cultural values. St. Petersburg, 3 (in Russian).
- Lisauskaite, V. V. (2010). Course of International law: a course of lectures. Irkutsk (in Russian).
- Manlio, F. (2004). Cultural values and cultural heritage: the «struggle of concepts» in international law. International Journal of the Red Cross, 854, 67-80 (in Russian).
- Medvedev, E. V. (2003). Criminal and legal protection of cultural values: dissertation of the cand. jurid. sciences. Kazan (in Russian).
- Naumov, A. V., Kibalnik, A. G., Orlov, V.N., Volosyuk, L.V. (2014). International criminal law: textbook for undergraduate and graduate studies. Moscow (in Russian).
- On the export and import of cultural property: The Law of the Russian Federation of April 15, 1993. Available from: <https://base.garant.ru/10101361/> (in Russian).
- Ozhegov, S. I. (1983). Dictionary of the Russian language / edited by N. Y. Shvedova. 14th ed., stereotype. Moscow (in Russian).
- Recommendation on the preservation of cultural property endangered by public or private works. Available from: <https://docs.cntd.ru/document/901756974> (in Russian).
- The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 N 63- FZ (as amended on 28.02.2025). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_d oc_LAW_10699/ (in Russian).
- UNESCO Recommendation on measures aimed at prohibiting and preventing the illegal export, import and Transfer of ownership of cultural property. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/1900836>

Citation:

Манапова А. Ф. Понятие культурных ценностей народов в Российской Федерации // Юрислингвистика. – 2025 – 36. – С. 45-49.
Manapova A. F. (2025) The Concept of Cultural Values of Peoples in the Russian Federation. Legal Linguistics, 36, 45-49.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Машиночитаемые юридические документы: понятие и виды

А. А. Перевозкин

Тюменский государственный университет

ул. Ленина, 38, 625000, Тюмень, Россия. E-mail: mail@perevozkin.com

В настоящее время все чаще можно встретиться с применением, в том числе в сфере права, электронных документов в машиночитаемом формате (машиночитаемых документов). К ним можно отнести, в частности, машиночитаемые декларации, машиночитаемые доверенности, смарт-контракты. Дальнейшее развитие технологий может привести к созданию машиночитаемых источников права, в том числе машиночитаемых нормативных правовых актов. Теоретико-правовой статус таких документов все еще остается недостаточно изученным, существует ощутимая терминологическая путаница в данном вопросе. Указанное затрудняет дальнейшее внедрение машиночитаемых документов в деловую практику. В целях решения данных проблем в настоящей статье исследуются машиночитаемые юридические документы с точки зрения их теоретико-правового статуса. Автором рассматриваются понятия «машиночитаемый документ», «документ в электронном виде», «электронный документ», «электронный образ документа», «юридический документ» в контексте истории их развития, нормативного регулирования и научной дискуссии вокруг данных понятий. Используя формально-юридический и формально-логические методы, даются авторские определения машиночитаемого документа и машиночитаемого юридического документа. Для целей более глубокого осмысления нового явления и последующего дифференцированного регулирования предлагается классификация машиночитаемых юридических документов по нескольким основаниям: по содержанию, по типу информации, по возможности автоматического исполнения, по используемому формальному языку и по наличию аналога на естественном языке. Исследуются особенности теоретико-правового статуса машиночитаемых источников права. Полученные результаты могут представлять интерес в свете дальнейшего теоретико-правового осмысления таких явлений, как машиночитаемые документы и машиночитаемое право.

Ключевые слова: машиночитаемый документ, электронный документ, юридический документ, машиночитаемая доверенность, машиночитаемый источник права.

Machine-Readable Legal Documents: Concept and Types

A. A. Perevozkin

Tyumen State University

38 Lenin St., 625000, Tyumen, Russia. E-mail: mail@perevozkin.com

Nowadays, it is increasingly possible to encounter the use, including in the field of law, of electronic documents in machine-readable format (machine-readable documents). These include, in particular, machine-readable declarations, machine-readable powers of attorney, smart contracts. Further development of technologies can lead to the creation of machine-readable sources of law, including machine-readable normative legal acts. The theoretical and legal status of such documents still remains insufficiently studied. There is a noticeable terminological confusion on this issue. This complicates the further implementation of machine-readable documents in business practice. In order to solve these problems, this article examines machine-readable legal documents from the point of view of their theoretical and legal status. The author considers the concepts of "machine-readable document", "document in electronic form", "electronic document", "electronic image of a document", "legal document" in the context of the history of their development, regulatory framework and scientific discussion around these concepts. The author gives definitions of a machine-readable document and a machine-readable legal document using formal-legal and formal-logical methods. For the purposes of a deeper understanding of the new phenomenon and subsequent differentiated regulation, a classification of machine-readable legal documents is proposed on several scores: by content, by type of information, by the possibility of automatic execution, by the formal language used, and by the presence of an analogue in natural language. The features of the theoretical and legal status of machine-readable

sources of law are studied. The results obtained may be of interest in the light of further theoretical and legal understanding of such phenomena as machine-readable documents and machine-readable law.

Key words: machine-readable document, electronic document, legal document, machine-readable power of attorney, machine-readable source of law.

Введение

В последние годы в связи с активным развитием информационных технологий все чаще можно услышать не просто об использовании на практике электронных документов и электронного документооборота, но и о внедрении в деловую жизнь документов в машиночитаемом формате (машиночитаемых документов), призванных автоматизировать процессы информационного взаимодействия и правоприменения.

Так, сдача налоговой отчетности с использованием машиночитаемых форматов уже становится обыденностью. Несколько лет назад для взаимодействия с органами публичной власти начали активно применяться машиночитаемые доверенности. В связи с развитием криптовалют в научных юридических кругах все чаще обсуждается правовой статус смарт-контрактов [Матвеева 2024]. Кроме того, в 2021 году комиссией при Правительстве Российской Федерации утверждена «Концепция развития технологий машиночитаемого права», где подчеркивается актуальность работы по созданию машиночитаемого права [Концепция 2021].

Представляется, что развитие данных технологий может способствовать повышению правовой определенности, сократить информационное взаимодействие с государством, сократить трудозатраты при правоприменении.

На данный момент активному внедрению машиночитаемых форматов в России и в мире препятствует, в частности, недостаточный уровень теоретико-правовой разработки данного явления. В целях комплексного теоретико-правового осмысления указанного явления в настоящей статье будут сформулированы понятия «машиночитаемый документ» и «машиночитаемый юридический документ», предложена классификация машиночитаемых юридических документов по нескольким специфичным для них основаниям. Кроме того, будет рассмотрен вопрос о машиночитаемых документах как источниках права.

Понятие машиночитаемого юридического документа

В различные периоды нашей истории для обозначения документов, предназначенных в том или ином виде для обработки с использованием вычислительной техники, на государственном уровне использовались разные термины: машинно-ориентированный документ, машиночитаемый документ, документ на машинном носителе, электронный документ, документ в электронном виде и др. [Юмашева 2017].

В СССР в 80-е годы XX века активно использовался термин «машиночитаемый документ», под которым понимался документ, пригодный для автоматического считывания содержащейся в нем информации [ГСДОУ 1988]. Это определение содержит меньше всего требований к документам по сравнению с определениями, которые появятся позже. Так, например, любые современные документы в текстовом формате, хранящиеся на электронных устройствах, подпадают под данное определение. Стоит отметить, что в настоящий момент данный термин в таком значении больше не используется, а обозначает совершенно другое явление, о котором речь пойдет далее.

Со временем термин «машиночитаемый документ» и сходные с ним термины ушли в прошлое, уступив место понятию «электронный документ» [Филенко 2008: 270-271]. В юридической науке относительно понятия «электронный документ» еще ведутся некоторые терминологические споры [Бородин 2015]. Тем не менее, можно констатировать, что в настоящий момент в данной сфере активно используются только три термина, разграничение которых можно найти в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященном электронным документам [Постановление Пленума Верховного Суда РФ 2017].

Так, вводится родовое понятие «документ в электронном виде», у которого есть две разновидности: «электронный образ документа» и «электронный документ».

Электронный образ документа (электронная копия документа, изготовленного на бумажном носителе) – переведенная в электронную форму с помощью средств сканирования копия документа, изготовленного на бумажном носителе, заверенная электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Электронный документ – документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Более расширенное определение электронного документа можно найти в п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где под электронным документом понимается документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [Федеральный закон 2006].

Однако развитие информационных технологий не стоит на месте. В последние годы в деловую практику постепенно начал проникать целый ряд новых явлений, упомянутых ранее: декларации и заявления в машиночитаемом формате, машиночитаемые доверенности, смарт-контракты (автоматически исполняемые договоры, составленные на языке программирования). Рассматривается вопрос о переводе нормативных актов в машиночитаемый вид.

Данные явления, в сущности, представляют собой особую разновидность электронного документа. В обычном электронном документе его содержание чаще всего представляет собой простой текст, записанный на естественном языке, из которого обычно невозможно автоматически выделить какие-то сущности и связи, кроме тела документа, электронной подписи и метаданных (дата создания и т. п.). Такой текст лишь передается и хранится в электронном виде, обрабатывается же он в основном людьми. Ключевой же особенностью новой разновидности электронных документов является использование формального языка, позволяющего информационной системе однозначно распознавать записанные в таком документе данные или алгоритмы, а значит, и автоматически их обрабатывать или исполнять.

В России общепринятого термина для обозначения рассматриваемой разновидности электронных документов пока не сложилось. Для того чтобы не использовать термин «машиночитаемый документ», который активно использовался в СССР на заре развития электронных вычислительных машин и обозначал другое явление, сегодня чаще применяется понятие «электронный документ в машиночитаемом виде» или «электронный документ в машиночитаемом формате» [Постановление Правительства РФ 2016]. Встречаются и более длинные названия, например: «обращение в суд в форме электронного документа в машиночитаемом виде» [Порядок 2016], «доверенность в форме электронного документа в машиночитаемом виде» [Постановление Правительства РФ 2024] или «доверенность в электронной форме в машиночитаемом виде» [Постановлением Правительства РФ 2022]. Поскольку использовать такие длинные термины крайне неудобно, в тех же нормативных правовых актах их часто сокращают до «машиночитаемый документ», «машиночитаемая доверенность» и т. п. Далее в настоящей статье для краткости преимущественно будет использоваться термин «машиночитаемый документ», обозначающий именно это новое явление.

Общепризнанного определения для данного понятия также пока не сложилось. В России большинство органов государственной власти используют данный термин, не раскрывая его содержание. Здесь можно отметить лишь определение, содержащееся в одном из документов, утвержденных приказом Председателя Верховного Суда Российской Федерации [Порядок 2016]. Так, под электронным документом в машиночитаемом виде понимается электронный документ, созданный в автоматизированном режиме в информационной системе по установленной форме и в установленном формате, обеспечивающем его автоматическую обработку средствами электронно-вычислительной техники и визуализацию для восприятия человеком.

Данное определение исходит из узкого понимания машиночитаемого документа, рассматривая лишь документы, содержащие размеченные данные (машиночитаемые декларации, заявления, доверенности и т. п.), но не алгоритмы (смарт-контракты, машиночитаемые нормативные акты).

Представляется, что лучше дать следующее определение: машиночитаемый документ (электронный документ в машиночитаемом виде) – электронный документ, информация в котором изложена с использованием формального языка, обеспечивающего однозначность распознавания внутреннего (смыслового) содержания такого документа информационной системой.

Под однозначным распознаванием внутреннего содержания здесь подразумевается:

1) для данных в машиночитаемом виде: однозначность распознавания структуры данных (список, массив, словарь и т. д.) и схемы данных (распознавание конкретных, заранее известных полей и связей между ними, например: «наименование доверителя», «наименование представителя» в доверенности);

2) для алгоритмов в машиночитаемом виде: однозначность распознавания последовательности действий (включая условия, циклы и пр.), однозначность распознавания объектов и связей между ними при объектно-ориентированном программировании.

Такая однозначность может быть достигнута при использовании одного из формальных языков: языка разметки (XML, JSON и др.), языка программирования (Python, Solidity и др.), языка описания онтологий (OWL и др.).

Кроме стандартных реквизитов, свойственных электронным документам, у машиночитаемых документов может появиться новый реквизит: наименование и версии использованного формального языка. Так, в языке разметки XML, активно используемом сегодня, в частности, для формирования машиночитаемых доверенностей [Приказ Минцифры России 2021], информация о языке и его версии указывается в первой строке тела документа, например: «<?xml version="1.1" encoding="UTF-8" ?>». Помимо версии самого языка для конкретных видов документов может быть важно знать версию конкретного формата (схемы) представления данных (набора заранее установленных полей, которые принимающая сторона ожидает увидеть в документе).

Стоит отметить, что электронный документ может обладать разной степенью машиночитаемости. В юридической науке можно найти несколько классификаций документов по степени их машиночитаемости. Так, С. Е. Лахтин, В. А. Цимбал, А. А. Амелёнков рассматривают классификацию из 4 уровней [Лахтин, Цимбал, Амелёнков 2023] (используя рассмотренную выше терминологию, предложенные уровни кратко можно описать как: электронный образ документа; электронный документ; машиночитаемый документ на основе языка разметки, машиночитаемый документ на основе языка программирования). М. В. Вонг определил 7 уровней, которые нужно пройти обществу и законодателям, чтобы перейти от нормативных актов на бумажных носителях к полностью машиночитаемому праву [Wong 2020].

В настоящее время машиночитаемый формат уже достаточно широко применяется не только государством, но и частными лицами. Значительную часть машиночитаемых документов, существующих сегодня, можно назвать машиночитаемыми юридическими документами. Термин «юридический документ» в данный момент не имеет нормативного закрепления в России. Могут существовать разные подходы к определению данного понятия

[Уздимаева 2020: 126-129]. Иногда к юридическим документам относят лишь нормативные правовые акты. Существует спор о том, должен ли юридический документ обладать юридической силой или достаточно быть юридически значимым [Смирнова 2015]. Для целей настоящей статьи понятие «юридический документ» используется в широком значении, как документ, обладающий юридически значимым содержанием.

Таким образом, машиночитаемый юридический документ – электронный юридический документ, информация в котором изложена с использованием формального языка, обеспечивающего однозначность распознавания внутреннего (смыслового) содержания такого документа информационной системой.

Виды машиночитаемых юридических документов

В юридической науке достаточно хорошо изучены как виды юридических документов в целом, так и виды электронных юридических документов в частности. Так, электронные юридические документы делят по: субъекту, объекту, стадии изготовления, сроку действия и другим, классическим для документов основаниям [Овсянников 2010]. Изучению особенностей машиночитаемых документов посвящено намного меньше научных работ. Представляется необходимым подробнее рассмотреть наиболее значимые виды машиночитаемых юридических документов, выделяемые исходя из различных оснований, в первую очередь специфичных именно для таких документов.

1. По содержанию: содержащие нормы права (машиночитаемые источники права) и содержащие иную юридически значимую информацию.

Сегодня по рассматриваемым далее причинам активное распространение получили лишь машиночитаемые документы, не содержащие правовых норм. Наиболее заметными представителями данной группы являются машиночитаемые: декларации, доверенности, заявления, договоры, обращения и жалобы, паспорта, а также смарт-контракты [Березина 2024]. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Машиночитаемые налоговые декларации и иные машиночитаемые документы, содержащие налоговую и финансовую отчетность, стали применяться в России с начала 2000-х годов. Сегодня Федеральной налоговой службой России утверждены машиночитаемые форматы на основе языка разметки XML для целого перечня документов, включая: налоговые декларации, заявления, уведомления, жалобы, книги покупок, запросы о предоставлении мотивированного мнения и др. Рассмотренный опыт показывает, что к машиночитаемому формату может быть приведено достаточно разнообразное юридически значимое содержание. Стоит отметить, что Федеральная налоговая служба обычно не использует термин «машиночитаемый документ» применительно к указанным документам, ограничиваясь словами «в электронной форме», хотя, в сущности, данные документы являются именно машиночитаемыми.

В последние годы в России на государственном уровне начали активно внедрять машиночитаемые доверенности. Часть 1 статьи 17.5 Федерального закона от 06.04.2011 N 63-ФЗ «Об электронной подписи» [Федеральный закон 2011] предоставляет право операторам государственных и муниципальных информационных систем, Центральному банку Российской Федерации и Федеральной нотариальной палате устанавливать свои форматы машиночитаемых доверенностей. Общие требования к машиночитаемым доверенностям установлены приказом Минцифры России [Приказ Минцифры России 2021], где указывается, что такие доверенности основаны на формате XML, должны содержать сведения о доверителе и представителе (включая уникальные ИНН, СНИЛС, ОГРН и др.), дату совершения и срок действия доверенности, перечень полномочий (преимущественно описывается с помощью уникального кода из классификатора полномочий), сведения о возможности передоверия и др.

Особое место среди машиночитаемых документов, не содержащих правовых норм, занимают смарт-контракты. Концепция смарт-контракта (или «умного контракта») была предложена Ником Сабо в 1994 [Szabo 1994] и получила свою полноценную реализацию лишь через 20 лет с появлением криптовалюты Ethereum. Смарт-контракт, в сущности, является машиноисполняемым договором, записанным с помощью программного кода. Такой код одновременно является и способом фиксации юридического содержания такого договора, и исполняемой программой. Смарт-контракты используются сегодня преимущественно в сфере криптовалют, позволяя реализовать широкий спектр автоматически исполняемых договоров: от простых договоров купли-продажи или займа с обеспечением до договоров участия в децентрализованных автономных организациях.

Успешное применение рассмотренных машиночитаемых документов, в особенности смарт-контрактов, привело к возникновению идеи о переводе нормативных правовых актов и других источников права в машиночитаемый вид. Исследования по данному вопросу активно ведутся во многих странах мира, включая Австралию, Данию, Францию, Новую Зеландию [Zalnierute, Crawford, Boughy, Moses, Logan 2021: 256-257]. В России принята Концепция развития технологий машиночитаемого права [Концепция 2021]. В данный момент машиночитаемые нормативные акты, машиночитаемые нормативные договоры, машиночитаемые судебные акты можно рассматривать как теоретически возможные виды машиночитаемых документов, которые могут появиться в ближайшие годы. Содержание таких документов в случае их появления можно будет назвать машиночитаемым правом [Перевозкин 2024].

Представляется, что с теоретико-правовой точки зрения лучше всего рассматривать машиночитаемые источники права как потенциальные подвиды существующих источников права. Такая позиция может быть обоснована тем, что, с одной стороны, машиночитаемые источники права имеют ряд существенных сходств с их классическими аналогами, не позволяя таким образом считать их совершенно самостоятельными видами источников права. С другой стороны, машиночитаемые источники права значительно отличаются от классических источников права, не позволяя расценить их исключительно как простой формат записи последних.

Стоит отметить, что из всех источников права, известных юридической науке, в машиночитаемый вид проще всего привести именно нормативные правовые акты, поэтому в научной литературе в первую очередь обсуждается возможность создания машиночитаемого законодательства. В. А. Шаршун определяет машиночитаемое законодательство как совокупность преобразованных в машиночитаемый вид нормативных правовых актов, предназначенных для реализации содержащихся в них правовых норм посредством программно-технических комплексов (искусственного интеллекта) [Шаршун 2022: 89]. А. М. Вашкевич говорит о смарт-законах как об источниках машиночитаемых правовых норм [Вашкевич 2019: 20].

2. По типу информации машиночитаемые документы можно разделить на: содержащие данные; содержащие алгоритмы; содержащие и данные, и алгоритмы.

Информацию, содержащуюся в различных машиночитаемых документах, несколько условно можно разделить на данные и алгоритмы. Примерами машиночитаемых документов, содержащих различные юридически значимые данные, могут являться машиночитаемые заявления, машиночитаемые декларации, машиночитаемые доверенности. К машиночитаемым документам, содержащим алгоритмы, в том числе алгоритмы действия субъектов права, можно отнести смарт-контракты и машиночитаемые нормативные акты. Кроме того, могут существовать машиночитаемые документы, содержащие и данные, и алгоритмы. Например, договор может содержать и алгоритм действий сторон договора, и реквизиты таких сторон.

Как показывает практика, внедрить в юридическую сферу, в том числе на государственном уровне, машиночитаемые документы с данными намного проще, чем машиночитаемые документы с алгоритмами. Во-первых, это связано с тем, что машиночитаемые данные намного проще перевести обратно в человекочитаемый формат, что может быть важно в контексте принципа гласности. Во-вторых, данные проще поддаются формализации, например путем создания уникальных идентификаторов (ИНН, СНИЛС, кадастровый номер и т. п.), которые однозначно указывают на некоторый объект, вместо использования записей о нем в произвольном виде. Юридические алгоритмы, содержащиеся в нормативных правовых актах и договорах, наоборот, достаточно сложно привести к машиночитаемому виду, поскольку часто невозможно отказаться от позитивной правовой неопределенности, то есть исключить оценочные категории, нормы-принципы и положения, нуждающиеся в конкретизации на этапе правоприменения или исполнения договора.

3. По возможности автоматического исполнения: простые машиночитаемые документы, машиноисполняемые документы.

Данная характеристика применима в первую очередь к машиночитаемым документам с алгоритмами. Если в машиночитаемом документе алгоритмы действий, в том числе правовые нормы или условия договоров, записаны так, что их можно лишь однозначно распознать, истолковать, сделать логический вывод, но невозможно автоматически исполнить, то такие документы можно назвать лишь машиночитаемыми. Если же алгоритмы записаны таким образом, что они могут непосредственно влиять на объекты гражданских прав, права и свободы граждан, то документы, содержащие такие алгоритмы, можно назвать машиноисполняемыми.

Среди документов с алгоритмами наибольшее распространение сегодня получили именно машиноисполняемые документы. В первую очередь речь идет о смарт-контрактах. Так, например, смарт-контракты, лежащие в основе так называемых «лендинг-протоколов», позволяют оформить подобие кредита: получить один криптовалютный актив под залог другого криптовалютного актива, уплачивая процент за пользование средствами. Все операции по такому договору полностью автоматизированы, смарт-контракт работает непосредственно с имуществом пользователей.

Документы с данными сложнее делить на машиночитаемые и машиноисполняемые, поскольку данные невозможно исполнить. Скорее лучше говорить о документах с данными, пригодными для машиноисполняемых алгоритмов, и данными, которые невозможно использовать в таких алгоритмах. Такая пригодность напрямую зависит от степени формализации данных. Например, если поле «заявитель» заполняется пользователем произвольно, без использования каких-либо ограничений, фильтров, уникальных идентификаторов (ИНН, СНИЛС и т. п.), то, скорее всего, такое поле не подойдет для машиноисполняемых задач.

Большинство современных машиночитаемых юридических документов с данными пригодны для машиноисполняемых задач. Например, машиночитаемые налоговые декларации на стороне федеральной налоговой службы во многом могут обрабатываться информационной системой автоматически, без необходимости вмешательства человека.

4. По используемому формальному языку: машиночитаемые документы на основе: языка разметки, языка программирования, языка описания онтологии.

Алгоритмы и данные можно записать с использованием различных формальных языков. Для записи данных обычно используются языки разметки, для записи алгоритмов – языки программирования. В России для машиночитаемых документов с данными обычно используется язык разметки XML. Например, он применяется для машиночитаемых доверенностей [Приказ Минцифры России 2021], машиночитаемых деклараций [Приказ ФНС России 2024]. Примером языка программирования, используемого для записи алгоритмов, может являться язык Solidity, применяемый в смарт-контрактах на базе криптовалюты Ethereum.

Кроме того, знания о некоторой предметной области могут быть записаны в форме онтологии, с использованием некоторого специального, созданного для этих целей формального языка, например языка из семейства OWL, основанного на дескрипционной логике. Онтологию в информатике можно определить как систему, состоящую из понятий, отношений между ними и аксиом для формализации понятий и отношений [Казекин 2008: 4].

В России использование онтологий для фиксации юридической информации пока не получило своего

распространения. Однако данный подход рассматривается как одно из наиболее перспективных направлений как в Концепции развития технологий машиночитаемого права [Концепция 2021: 5-6], так и в научной среде [Вашкевич 2019: 121-123]. В качестве примера использования онтологий в праве можно привести Legal Knowledge Interchange Format (LKIF, формат обмена юридическими знаниями), разработанный в университете Амстердама на основе языка OWL и опубликованный в 2007 [Hoekstra, Breuker, Bello, Boer 2007].

5. По наличию аналога на естественном языке: машиночитаемые документы, существующие без аналога на естественном языке, и машиночитаемые документы, существующие параллельно с текстом на естественном языке.

Данное деление актуально в свете правового принципа гласности в его широком понимании. Так, ожидается, что простой человек, не обладающий специальными знаниями в области информационных технологий, должен иметь возможность понимать содержание юридических документов, включая договоры, нормативные акты и пр. Несоблюдение данного правила может привести, в частности, к невозможности использования презумпции знания закона.

Как показывает практика, поскольку машиночитаемые документы с данными в большинстве случаев могут быть легко переведены в человекочитаемый формат и обратно, обычно они существуют только в форме машиночитаемого документа, без их аналога на естественном языке, имеющего ту же юридическую силу. Так, сегодня в России при взаимодействии с налоговыми органами налогоплательщик обычно отправляет в налоговые органы лишь документы в формате XML, подписанные электронной подписью. Такие документы могут быть легко визуализированы с использованием специализированного программного обеспечения, поэтому они не нуждаются в дополнительном человекочитаемом экземпляре.

Намного сложнее обстоит вопрос с машиночитаемыми документами, содержащими алгоритмы. Алгоритмы существенно сложнее визуализировать или иным образом отобразить в форме, понятной человеку, не обладающему специальными знаниями. В России данную проблему можно наблюдать уже сегодня, даже не прибегая к машиночитаемому формату, обратив внимание на перегруженность Налогового кодекса Российской Федерации [Налоговый кодекс 1998]. Дополнительная степень формализации таких документов еще сильнее усложнит их непосредственное восприятие человеком.

В случае со смарт-контрактами данный вопрос не представляет такой проблемы, поскольку предполагается, что участники таких контрактов обладают соответствующими знаниями и действуют на свой страх и риск. Поэтому часто смарт-контракты существуют только на формальном языке и могут сопровождаться лишь некоторым описанием их функциональных возможностей на естественном языке. Например, согласно п. 5.3 Декрета Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» в рамках правового эксперимента признаётся, что «лицо, совершившее сделку с использованием смарт-контракта, считается надлежащим образом осведомленным о ее условиях, в том числе выраженных программным кодом, пока не доказано иное» [Декрет 2017]. Стоит отметить, что могут существовать ситуации, когда по желанию сторон условия смарт-контракта дополняются или дублируются соглашением на естественном языке [Егорова, Пономарева, Кожевина 2022: 179-180].

Особенно остро вопрос обеспечения гласности возникает именно при рассуждении о переводе нормативных правовых актов в машиночитаемый вид. Одним из вариантов обеспечения гласности в данном случае может являться подход, предусматривающий опубликование сразу двух версий нормативного акта: на естественном и на формальном языках (человекочитаемого и машиночитаемого варианта). Аналогичный подход применяется в странах и регионах с несколькими государственными или официальными языками. В России опыт опубликования нормативных правовых актов сразу на нескольких государственных языках имеется у нескольких субъектов Российской Федерации [Васильева 2008]. Официальное опубликование на нескольких языках можно встретить в Канаде, Швейцарии, Ирландии, Республике Кипр и в других странах с несколькими государственными или официальными языками [Червяковский 2016: 472-473].

Заключение

Таким образом, машиночитаемые документы уже сегодня получили широкое распространение в юридической сфере. Они успешно применяются как для взаимодействия с государственными органами, так и в гражданском обороте.

Одновременно с этим существует ощутимая терминологическая путаница, связанная с машиночитаемыми документами, отсутствует единый подход к правовому статусу таких документов. В целях решения указанных проблем в статье был предложен подход к определению понятий «машиночитаемый документ» и «машиночитаемый юридический документ», основанный на существенных признаках данных явлений. Кроме того, в статье предложена классификация машиночитаемых юридических документов, способствующая более глубокому осмыслению данного явления и необходимая для дифференцированного правового регулирования таких документов.

На данный момент существует еще значительный объем правовых и технологических вопросов, связанных с машиночитаемыми документами, которые нуждаются в изучении. Представляется, что с учетом общего тренда на цифровизацию и автоматизацию различных сторон общественной жизни исследование рассмотренных вопросов не потеряет своей актуальности еще многие годы.

Литература

- Березина Е. А.* Опыт внедрения машиночитаемого формата юридических документов в Российской Федерации / Правовое государство: теория и практика. – 2024. – №3 (77). – С. 62-73.
- Бородин М. В.* К проблеме терминологии и принципов оборота документов в электронном виде / Вестник ЧелГУ. – 2015. – №13 (368). – С. 22-28.
- Васильева Л. Н.* Двухязычие нормативных правовых актов в Российской Федерации: совершенствование правовой основы / Журнал российского права. – 2008. – №8 (140). – С. 24-32.
- Вашкевич А. М.* Автоматизация права: право как электричество. М., 2019.
- Государственная система документационного обеспечения управления. Основные положения. Общие требования к документам и службам документационного обеспечения (одобрено коллегией Главархива СССР 27.04.1988, Приказ Главархива СССР от 25.05.1988 № 33) / СПС «Консультант Плюс».
- Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» / Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь.
- Егорова М. А., Пономарева Д. В., Кожевина О. В.* Особенности правового статуса смарт-контракта в контексте цифровизации / Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2022. – №4 (92) – С. 177-185.
- Козекин М. М.* История языков представления онтологий / Компьютерные инструменты в образовании. – 2008. – №4. – С. 3-11.
- Концепция развития технологий машиночитаемого права (утверждена Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31) / СПС «Консультант Плюс».
- Лахтин С. Е., Цимбал В. А., Амелёнков А. А.* Классификация форматов данных электронных документов для сериализации правовых актов в машиночитаемой форме / Правовая информатика. – 2023. – №3. – С. 75-88.
- Матвеева Е. Ю.* Правовая природа смарт-контракта / Имущественные отношения в РФ. – 2024. – №6 (273). – С. 97-104.
- Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ / Российская газета, N 148-149, 06.08.1998.
- Овсянников Д. В.* Классификация юридически значимых электронных документов / Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2010. – №38 (214). – С. 53-56.
- Перевозкин А. А.* Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права / Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19. – № 8. – С. 22–37.
- Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа (с изменениями на 20 марта 2023 г.) (утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 46-П) / СПС «Консультант Плюс».
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» / Российская газета, N 297, 29.12.2017.
- Постановление Правительства РФ от 26.03.2016 N 236 «О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг» / Российская газета, N 75, 08.04.2016.
- Постановление Правительства РФ от 21.02.2022 N 224 «Об утверждении требований к соглашениям и нормативным правовым актам федеральных органов исполнительной власти, устанавливающим порядок представления доверенности в предусмотренных пунктом 2 части 1 и пунктом 2 части 3 статьи 17.2 Федерального закона «Об электронной подписи» случаях, и требований к порядку представления доверенности в предусмотренном пунктом 2 статьи 17.3 Федерального закона «Об электронной подписи» случае» / Собрание законодательства РФ, 28.02.2022, N 9 (часть I), ст. 1340.
- Постановление Правительства РФ от 28.05.2024 N 693 «Об утверждении Правил организации и проведения конкурса на право заключения договора пользования рыболовным участком» / Собрание законодательства РФ, 03.06.2024, N 23 (часть I), ст. 3174.
- Приказ Минцифры России от 18.08.2021 № 857 «Об утверждении единых требований к формам доверенностей, необходимых для использования квалифицированной электронной подписи» / Официальный интернет-портал правовой информации.
- Приказ ФНС России от 19.09.2024 N ЕД-7-11/757@ «Об утверждении формы налоговой декларации по налогу на доходы физических лиц (форма 3-НДФЛ), порядка ее заполнения, а также формата представления налоговой декларации по налогу на доходы физических лиц в электронной форме» / Официальный интернет-портал правовой информации.
- Смирнова Д. Г.* Юридические документы: юридическая сила или юридическое значение? / Российское право: образование, практика, наука. – 2015. – №1 (85). – С. 46-47.
- Уздимаева Н. И.* Понятие, особенности и значение юридических документов / Контентус. – 2020. – №4. – С. 125-133.
- Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» / Российская газета, N 165, 29.07.2006.
- Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ «Об электронной подписи» / Российская газета, N 75, 08.04.2011.
- Филенко Е. Н.* Развитие понятия «Документ» с внедрением новых информационных технологий / История и архивы. – 2008. – №8. – С. 269-280.
- Червяковский А. В.* Вопросы официального опубликования нормативных правовых актов на нескольких языках

- (юридико-культурологический аспект) / Юридическая техника. – 2016. – №10. – С. 471-478.
- Шаршун В. А. Машинночитаемое законодательство: понятие, специфика, перспективы развития. / Право.by. – 2022. – № 1 (75). – С. 88–94.
- Юмашева Ю. Ю. От машинно-ориентированных к электронным документам: эволюция объектов и терминов / Документ. Архив. История. Современность. – 2017. – № 17. – С. 417-445.
- Hoekstra R., Breuker J., Bello M. D., Boer. A. The LKIF Core Ontology of Basic Legal Concepts. / LOAIT 321, 2007. Pp. 43-63.
- Szabo N. (1994). Smart Contracts. URL: <https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart.contracts.html>
- Wong M. W. Rules as code: Seven levels of digitisation. / Singapore Management University, Research Collection Yong Pung How School Of Law, 2020. Pp. 1-24.
- Zalnieriute M., Crawford L. B., Boughey J., Moses L. B., Logan S. From Rule of Law to Statute Drafting Legal Issues for Algorithms in Government Decision-Making / Barfield W. The Cambridge Handbook of the Law of Algorithms. Cambridge, 2021. Pp. 251–372.

References

- Berezina, E. A. (2024). The experience of implementing a machine-readable format of legal documents in the Russian Federation. *The rule of law: theory and practice*, 3 (77), 62-73 (in Russian).
- Borodin, M. V. (2015). On the problem of terminology and principles of electronic document flow. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 13 (368), 22-28 (in Russian).
- Chervyakovskiy, A. V. (2016). Issues of official publication of normative legal acts in several languages (legal and cultural aspect). *Legal technology*, 10, 471-478 (in Russian).
- Decree of the President of the Republic of Belarus dated 21.12.2017 No. 8 "On the development of the digital economy". The official Internet portal of the President of the Republic of Belarus.
- Egorova, M. A., Ponomareva, D. V., Kozhevina, O. V. (2022). Features of the Legal Status of a Smart Contract in the Context of Digitalization. *Courier of Kutafin Moscow State Law University*, 4 (92), 177-185 (in Russian).
- Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 "On Information, Information Technologies and Information Protection". Russian newspaper, No. 165, 29.07.2006.
- Federal Law No. 63-FZ dated 06.04.2011 "On Electronic Signatures". Russian newspaper, No. 75, 08.04.2011.
- Fileenko, E. N. (2008). The development of the concept of "Document" with the introduction of new information technologies. *History and archives*, 8, 269-280 (in Russian).
- Hoekstra R., Breuker J., Bello M. D., Boer. A. (2007). The LKIF Core Ontology of Basic Legal Concepts. *LOAIT 321*, 43-63.
- Kazekin, M. M. (2008). The history of languages representing ontologies. *Computer tools in education*, 4, 3-11 (in Russian).
- Lakhtin, S. E., Tsimbal, V. A., Amelenkov, A. A. (2023). Classification of data formats for electronic documents for serialization of legal regulations in machine-readable form. *Legal informatics*, 3, 75-88 (in Russian).
- Matveeva, E. Yu. (2024). The legal nature of a smart contract. *Property relations in the Russian Federation*, 6 (273), 97-104 (in Russian).
- Order of the Federal Tax Service of Russia dated 19.09.2024 N ED-7-11/757@ "On approval of the Personal Income Tax Return Form (Form 3-Personal income tax), the procedure for filling it out, as well as the format for submitting a personal income tax return in electronic form". Official Internet portal of Legal Information.
- Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 18.08.2021 No. 857 "On Approval of uniform Requirements for forms of powers of attorney required for the use of a qualified electronic signature". Official Internet Portal of Legal Information.
- Ovsyannikov, D. V. (2010). Classification of legally significant electronic documents. *Bulletin of South Ural State University, Series "Law"*, 38 (214), 53-56 (in Russian).
- Perevozkin, A. A. (2024). Theoretical and legal characteristics of machine-readable law. *Actual Problems of Russian Law*, 19 (8), 22–37 (in Russian).
- Resolution of the Government of the Russian Federation No. 224 dated 21.02.2022 "On Approval of the Requirements for Agreements and Regulatory Legal Acts of Federal Executive Authorities Establishing the Procedure for Submitting a Power of Attorney in the Cases Provided for in Paragraph 2 of Part 1 and Paragraph 2 of Part 3 of Article 17.2 of the Federal Law "On Electronic Signatures" and the Requirements for the Procedure for Submitting a Power of attorney in accordance with paragraph 2 of Article 17.3 Federal Law "On Electronic Signature" case". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 28.02.2022, No. 9 (Part I), art. 1340.
- Resolution of the Government of the Russian Federation No. 236 dated 26.03.2016 "On the Requirements for the provision of State and municipal services in electronic form". Russian newspaper, No. 75, 08.04.2016.
- Resolution of the Government of the Russian Federation No. 693 dated 28.05.2024 "On Approval of the Rules for Organizing and Conducting a Tender for the right to conclude a contract for the use of a fishing area". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 03.06.2024, No. 23 (Part I), art. 3174.
- Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 26, 2017 No. 57 "On some issues of the application of legislation regulating the use of documents in electronic form in the activities of courts of general Jurisdiction and arbitration courts". Russian newspaper, No. 297, 26.12.2017.

- Sharshun, V. A. (2022). Machine-readable legislation: concept, specificity, prospects of development. *Pravo.by*, 1 (75), 88–94 (in Russian).
- Smirnova, D. G. (2015). Legal documents: legal force or legal significance? *Russian law: education, practice, science*, 1 (85), 46–47 (in Russian).
- Szabo, N. (1994). Smart Contracts. Available from: <https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart.contracts.html>
- The concept of development of machine-readable law technologies (approved by the Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to Improve the Quality of Life and Business Conditions, Protocol No. 31 dated 15.09.2021).
- The procedure for submitting documents to the Supreme Court of the Russian Federation in electronic form, including in the form of an electronic document (as amended on March 20, 2023) (approved by Order of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29.11.2016 N 46-P).
- The state system of documentation management support. The main provisions. General requirements for documents and documentation support services (approved by the Board of the Glavarchiv of the USSR on 27.04.1988, Order of the Glavarchiv of the USSR dated 25.05.1988 No. 33).
- The Tax Code of the Russian Federation (part one) dated 31.07.1998 N 146-FZ. *Russian newspaper*, N 148-149, 06.08.1998.
- Uzdimaeva, N. I. (2020). The concept, features and meaning of legal documents. *Contentus*, 4, 125-133 (in Russian).
- Vashkevich, A. M. (2019). Automation of law: law as electricity. Moscow (in Russian).
- Vasilyeva, L. N. (2008). Bilingualism of regulatory legal acts in the Russian Federation: improving the legal framework. *Journal of Russian Law*, 8 (140), 24-32 (in Russian).
- Wong, M. W. (2020). Rules as code: Seven levels of digitisation. Singapore Management University, Research Collection Yong Pung How School Of Law, 1-24.
- Yumasheva, Ju. Ju. (2017). The evolution of objects and terms from machine-oriented to electronic documents. *Document. Archive. History. Modernity*, 17, 417-445 (in Russian).
- Zalnieriute, M., Crawford, L. B., Boughhey, J., Moses, L. B., Logan, S. (2021). From Rule of Law to Statute Drafting Legal Issues for Algorithms in Government Decision-Making. Barfield W. *The Cambridge Handbook of the Law of Algorithms*. Cambridge, 251–372.

Citation:

Перевозкин А. А. Машиночитаемые юридические документы: понятие и виды // Юрислингвистика. – 2025 – 36. – С. 50-58.

Perevozkin A. A. (2025) Machine-Readable Legal Documents: Concept and Types. *Legal Linguistics*, 36, 50-58.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

О проблеме понимания видового объекта половых преступлений

Н. В. Тыдыкова

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: academnauka@rambler.ru

В статье исследуется видовой объект половых преступлений. Отмечается, что законодатель не использует традиционный способ закрепления видового объекта этих преступлений, который заключается в отражении его в наименовании соответствующей главы УК РФ. Это обстоятельство обуславливает необходимость научного осмысления исследуемой категории. Доказывается, что принятый в науке подход, признающий видовым объектом половых преступлений сложившийся в обществе уклад половых отношений, нельзя признать удачным, так как сложно описать нормативно отношения, которые не могут быть оформлены в виде предписаний и правил. Видовым объектом половых преступлений предлагается понимать половые отношения, которые представляют собой взаимодействие между людьми с целью удовлетворения половой потребности. По мнению автора, такие отношения включают множество компонентов личного свойства, которые носят общественный характер только в той части, в которой затрагивают права и законные интересы других лиц. При этом составлять предмет уголовно-правовой охраны могут только те, нарушение которых может влечь наступление вреда той степени общественной опасности, которая достаточна для криминализации деяния, а необходимый уровень защиты не может быть достигнут другими мерами и при соблюдении допустимого уровня вмешательства государства. В таком понимании половые отношения как видовой объект половых преступлений имеет более узкое содержание, чем половые отношения вообще, что обуславливает рациональность перечисления в наименовании главы 18 УК РФ наиболее важных принципов половых отношений: половой свободы, половой неприкосновенности, нравственного и полового развития несовершеннолетних.

Ключевые слова: половая свобода, половая неприкосновенность, уклад половых отношений, нравственность, половое развитие несовершеннолетних.

On the Problem of Understanding the Subsumee of Sexual Offences

N. V. Tydykova

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: academnauka@rambler.ru

The article studies the subsumee of sexual offences. It is noted that the legislator does not use the traditional way of formalizing the subsume of these crimes as enshrined in the relevant chapter of the Criminal Code of the Russian Federation. This circumstance determines the need for scientific understanding of the category under study. It is proved that the approach adopted in science, which recognizes the pattern of sexual relations established in society as the subsumee of sexual offences, cannot be considered successful, as it is difficult to describe within the legal norm the relations that cannot be formalized as prescriptions and rules. It is proposed to understand sexual relations, which represent interaction between people for the purpose of satisfying sexual needs, as the specific object of sexual offences. In the author's opinion, such relations include many components of private nature, which have public character only in the part where they affect the rights and legitimate interests of other persons. At the same time, the subject of criminal law protection can be only those interests, the violation of which may entail the occurrence of harm to the degree of public danger, which is sufficient to criminalize the act, and the necessary level of protection cannot be achieved by other measures and with the observance of the permissible level of state intervention. In this understanding, sexual relations as a subsumee of sexual offences has a narrower scope of content than sexual relations in general, which determines the rationality of listing in the title of Chapter 18 of the Criminal Code of the RF the most important principles of sexual relations: sexual freedom, sexual inviolability, moral and sexual development of juveniles.

Key words: sexual freedom, sexual inviolability, sexual relations, morality, sexual development of juveniles.

В доктрине уголовного права принято считать, что содержание видового объекта любого преступления находит отражение в наименовании главы УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за его совершение. В соответствии с этой идеей видовым объектом половых преступлений следует признавать половую свободу и половую неприкосновенность личности. Однако в теории уголовного права устоялась позиция о том, что половая свобода и половая неприкосновенность составляют содержание непосредственного объекта преступлений, предусмотренных ст. 131-135 УК РФ [см., например, Тыдыкова 2022: 33-39], а видовым объектом рассматриваемой группы преступлений является сложившийся нормальный уклад половых отношений, определяемый моралью общества [см., например, Яковлев 1969: 11]. При таком подходе указание в наименовании главы 18 УК РФ на половую свободу и половую неприкосновенность можно объяснить желанием законодателя обозначить наиболее значимые компоненты такого уклада, посягательства на которые несут в себе заряд достаточной для криминализации степени общественной опасности. Кроме того, термин «уклад половых отношений» не имеет ни легального, ни устоявшегося в праве содержания, что делает его непригодным для использования в тексте уголовного закона.

В литературе была высказана позиция о том, что порядок (уклад) сексуальной (половой) жизни как объект половых преступлений можно определить как установленную в государстве нормативно-правовую модель сексуальных действий и отношений, которая в конкретный исторический период развития соответствует интересам личности, общества и государства в их приоритетном значении [Стетюха 2015: 184]. Сложно согласиться с таким подходом, так как он связан с попыткой представить в нормативной форме отношения, которые не могут быть оформлены в виде предписаний и правил. Они допускают минимальный уровень вмешательства государства, который может заключаться в установлении ответственности за наиболее опасные посягательства в этой сфере. Поэтому традиционно используемый для определения видового объекта исследуемых преступлений термин «уклад», предполагающий высокую степень определенности, также видится неудачным. Возможно, он терминологически и подчеркивает, что порядки в этой сфере складываются самим обществом, а не устанавливаются извне, но разрозненность представлений об исследуемой сфере в обществе, что вполне допустимо, ставит вопрос о возможности выявить аспекты, разделяемые всеми членами общества, которые формируют такой уклад.

С учетом того, что объектом любого преступления являются общественные отношения, а идея определения видового объекта в том, чтобы выявить совокупность максимально сходных общественных отношений, взятых под охрану отдельной группой норм [Подройкина 2023: 151], видовым объектом рассматриваемой группы преступлений можно определить половые отношения. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» использует данный термин, но не раскрывает его содержание. Исходя из контекста его использования, такие отношения можно определить как взаимодействие между людьми с целью удовлетворения половой потребности. Так как способы удовлетворения половой потребности разнообразны, то и содержание таких отношений вариативно и может включать как взаимодействие, связанное с непосредственным физическим контактом (например, половой акт, мануальные сексуальные действия), так и не связанное (например, демонстрация мастурбации). Следует оговориться, что удовлетворение половой потребности может достигаться и вне отношений с другим человеком (например, путем мастурбации), однако это обстоятельство само по себе не исключает такие действия из сферы половых отношений, так как они могут затрагивать права и интересы других лиц в рассматриваемой сфере. Особенности взаимодействия в рамках удовлетворения половой потребности определяются, в первую очередь, традициями и личными предпочтениями. Такие отношения включают множество компонентов личного характера, не требующих (и не терпящих) ни правового регулирования, ни уголовно-правовой охраны. Общественный характер они могут носить только тогда, когда затрагивают права и законные интересы других лиц. Закон, особенно уголовный, может вмешиваться в такие отношения в минимальных объемах, так как все, что не нарушает прав и законных интересов третьих лиц, может и не признаваться нормой с позиции общества или его большей части, но при этом не требует нормативного регулирования или ограничений. Справедливо отмечал П. И. Люблинский, что уголовный закон непригоден для проповеди моральных воззрений, но способен помешать социально-опасным действиям в половой области причинить вред более важным ценностям [Люблинский 1925: 8]. Уголовный закон должен охранять только наиболее значимые принципы таких отношений, нарушение которых может приводить к причинению конкретной личности существенного вреда или создавать опасность причинения такого вреда. Принципиально важным видится необходимость включения в круг последствий, подлежащих оценке, только вреда, который может быть причинен конкретному человеку, что связано с глубоко личным характером рассматриваемых отношений. Включение в объем таких последствий и вреда государству или обществу в целом неосновательно расширяло бы рассматриваемый объект, включая в него и, например, компоненты общественной нравственности, морали, искажая суть принципов возникновения и реализации рассматриваемых отношений. Поэтому нельзя согласиться с высказываемой в науке уголовного права идеей включения ст. 2401 УК РФ в гл. 18 УК РФ [Гусарова 2017: 95-96], как и с идеей о переносе всех статей об ответственности за принуждение к проституции в главу 18 УК РФ [Пантюхина 2019: 125]. О необходимости учета различий этих преступлений при их криминализации говорят и другие исследователи [см., например, Пертянина 2018: 393]. То обстоятельство, что примечание к ст. 73 УК РФ для целей этой статьи, а также статей 79, 80, 82 и 97 УК РФ к преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, относит преступления, предусмотренные не только ст. 131-135, но и ст. 240, 241, 242, 2421 и 2422 УК РФ,

совершенные в отношении лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, отнюдь не означает, что объектом этих преступлений является половая неприкосновенность. С учетом того, что ни одно из преступлений, предусмотренных ст. 240, 241, 242, 2421 и 2422 УК РФ, совершенных в отношении лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, не может быть совершено вне совокупности с одним или несколькими преступлениями, предусмотренными ст. 131–135 УК РФ, предложенная «фикция» обоснована тем, что было бы нелогично неприменение указанных институтов Общей части УК РФ к одному преступлению с сохранением такой возможности применительно к неразрывно связанным с ним преступлениям. Хотя некоторыми авторами высказана и критика такого решения законодателя [Антонова 2018: 85].

Анализ норм главы 18 УК РФ показывает, что они также направлены и на охрану нравственности в той части, в которой охраняют нравственное и половое развитие несовершеннолетних, традиционно признаваемые дополнительным непосредственным объектом половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних потерпевших. Однако нравственность, охраняемая главой 18 УК РФ, включает только личностный срез, но никак не общественный, который охраняется нормами главы 25 УК РФ, как и следует из ее наименования.

Определения объектов таких посягательств и их влияния на криминализацию и дифференциацию ответственности за них не может формироваться произвольно или вне фактора социальной обусловленности. При ином решении вопроса уголовно-правовой запрет не будет воспринят обществом, что приведет к его латентным нарушениям, а также поиску способов иного толкования признаков для коррекции правоприменения. Однако соответствующие представления, господствующие в обществе, нигде не зафиксированы, изменчивы и даже могут быть неоднородны. Изменчивость представлений в этой сфере обусловлена динамикой общественных отношений и их постоянными трансформациями под влиянием социальных, экономических, технологических и иных процессов [Кон 2004: 82-84]. А неоднородность связана с тем, что представления о процессах и явлениях частного характера не могут быть одинаковыми у большого числа людей. Тем более что эти представления имеют не только и даже не столько социальную обусловленность, сколько биологическую и эмоциональную, и формируются, а также трансформируются на протяжении всей жизни под влиянием большого числа факторов, в том числе личного опыта, как положительного, так и отрицательного. Поэтому необходимо определить только те принципы половых отношений, нарушение которых может влечь наступление вреда той степени общественной опасности, которая достаточна для криминализации деяния, а необходимый уровень защиты не может быть достигнут другими мерами и при соблюдении допустимого уровня вмешательства государства. Поскольку представления об оценке различных отношений, как и способы причинения им вреда, меняются с течением времени, то необходим мониторинг таких изменений в целях своевременного изменения закона.

Значение верного определения объекта, требующего уголовно-правовой охраны, является определяющим для построения всей системы половых преступлений. Верная оценка объекта также позволит определить возможности воздействия на соответствующие нарушения иными отраслями права. Например, недопустимыми во все времена считались сексуальные отношения между родственниками (инцест), однако УК РФ не содержит соответствующего состава преступления. Проект УК РСФСР 1922 г. содержал статью об ответственности за половое сношение между мужчиной и женщиной, состоящих между собой в тех степенях родства, при которых запрещено вступление в брак. Следует согласиться с теми авторами, которые в качестве причины отказа в признании этого деяния составом преступления указывают на то, что недопустимость подобного деяния массово воспринята обществом в качестве морального запрета [Паршин 2013: 103]. Кроме того, такой запрет транслируется и положениями большинства религий. В настоящее время ст. 14 Семейного кодекса РФ не допускает заключение брака между близкими родственниками (родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами). Видится, что в настоящее время данная норма является достаточной, хотя и не фиксирует запрета на половые отношения между указанными лицами. В уголовном законодательстве некоторых стран соответствующие составы преступлений имеются, например в законодательстве Албании, Австралии, Норвегии, Австрии, Пакистана, Швеции, Англии, Канады, Чехии, Дании, Эстонии, Нигерии, Тайвани, Замбии, Уганды [Бимбинов 2021: 38]. Чтобы говорить о необходимости аналогичного состава преступления в УК РФ, нужно провести анализ оснований криминализации. Так как иного вреда, кроме нарушения морального запрета, при добровольном совершении таких действий не наступает, подобные действия не являются распространенными, а норма семейного законодательства является достаточной, оснований для криминализации в данный момент времени не усматривается. При обосновании соответствующего уголовно-правового запрета отдельными авторами указывается на угрозу генетических отклонений у детей, рожденных в результате кровосмесительных связей в первом поколении, и риск накопления рецессивных наследственных дефектов у последующих поколений [Бобджонова 2020: 6-10; Дьяченко 2014: 27]. Однако рождение детей с патологиями возможно и у родителей, страдающих различными заболеваниями, а также и у здоровых родителей. Неубедительность доводов с позиции евгеники также была одной из причин, по которой такое деяние было исключено из проекта УК РСФСР 1922 г. [Жижиленко 1927: 9].

Данное обстоятельство следует рассмотреть в качестве квалифицирующего в нормах об ответственности за половые преступления. Но нельзя исключать появление необходимости криминализации таких действий при возникновении соответствующих оснований в будущем. Хотя и сегодня высказываются идеи о необходимости закрепления соответствующего состава преступления в главе 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних» [Каменева 2016: 19].

В определенный исторический период половым преступлением признавались и сексуальные контакты с животными. Например, Артикул Воинский 1715 г. предусматривал за такое деяние телесные наказания, Уложение 1845 г. – лишение всех прав и преимуществ и исправительные работы [Чепуров 2015: 218-219]. В настоящее время такое деяние не может рассматриваться как преступление против половой свободы или половой неприкосновенности личности, так как при его совершении никакому аспекту половых отношений между людьми не причиняется общественно опасного вреда. Только нравственные характеристики деяния не могут быть основанием криминализации. Такое деяние при наличии соответствующих признаков может быть квалифицировано по ст. 245 УК РФ. Действия сексуального характера, совершаемые при использовании животных, могут подпадать под признаки норм, предусмотренных главой 18 УК РФ, если причиняют вред половой свободе или неприкосновенности личности, но животное в таком случае является средством совершения преступления.

Уголовное право может устанавливать ответственность за нарушение наиболее важных принципов таких отношений от общественно опасных посягательств: гарантированность половой свободы, обеспечение половой неприкосновенности, нравственного и полового развития несовершеннолетних. Необходимость уголовно-правовой охраны названных принципов обусловлена, в том числе, их конституционной значимостью (ст. 22, 41 Конституции РФ), а также возможностью наступления общественно опасных последствий (существенного вреда) в результате их нарушения.

Таким образом, видовым объектом рассматриваемой группы преступлений следует признать отношения по поводу обеспечения наиболее важных принципов половых отношений, нарушение которых может причинить существенный вред личности или создать угрозу причинения такого вреда. Такой подход позволит адекватно определить группу таких преступлений, не допуская неосновательного ее расширения за счет включения тех, что могут быть связаны с взаимодействием людей, на которое так или иначе оказывает влияние половая принадлежность и даже прямо или косвенно связанные с удовлетворением половой потребности, но посягающие на иной объект (например, связанные с незаконным изготовлением и оборотом порнографии, вовлечением в занятие проституцией). В таком понимании половые отношения как видовой объект половых преступлений имеет более узкое содержание, чем половые отношения вообще, что делает невозможным традиционный подход закрепления видového объекта в названии главы УК РФ [Кругликов 2018: 6] и обуславливает рациональность перечисления в наименовании главы 18 УК РФ наиболее важных принципов половых отношений.

Литература

- Антонова Е. Ю., Кириллов М. А. Дифференциация уголовной ответственности за преступления сексуальной направленности в отношении малолетних и несовершеннолетних лиц: анализ законодательных новелл / Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44). – С. 82-89.
- Бимбинов А. А. Перспективы установления уголовной ответственности за инцест / Вестник Российской правовой академии. – 2021. – № 4. – С. 35-40.
- Бобджонова О. Б., Абдурахманова Ф. М., Шарипова М. Б. Родственный брак: современное состояние проблемы / Проблемы репродукции. – 2020. – № 26 (3). – С. 6-10.
- Гусарова М. В. Несовершеннолетние как особый объект преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности / Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 3 (29). – С. 93-97.
- Дьяченко А. П., Цымбал Е. И. Инцест и его уголовно-правовая оценка / Уголовное право. – 2014. – № 4. – С. 27-32.
- Жижиленко А. А., Оршанский Л. Г. Половые преступления. Л., 1927.
- Каменева А. Н. Инцест: уголовно-правовой аспект / Российский следователь. – 2016. – № 15. – С. 16-19.
- Кон И. С. Сексология: учебное пособие. М., 2004.
- Кругликов Л. Л., Санташов А. Л., Патрахина К. Б. Дифференциация ответственности за половые преступления с участием несовершеннолетних / Пенитенциарная наука. – 2018. – № 42. – С. 4-11.
- Люблинский П. И. Преступления в области половых отношений. М., 1925.
- Пантюхина И. В. Принуждение к занятию проституцией как особый вид понуждения к действиям сексуального характера / Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1. – С. 118-128.
- Паршин Н. М. Проблемы уголовной ответственности за инцест: история и современность / Общество и право. – 2013. – № 2 (44). – С. 102-106.
- Пертянина О. А., Куликов Р. С. Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 2401 УК РФ): особенности юридической оценки / Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – № 3. – С. 390-394.
- Стетюха М. П. Правовой порядок (уклад) сексуальной жизни как объект половых преступлений (некоторые аспекты) / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11 (61). – С. 181-185.
- Тыдыкова Н. В. О понятии и содержании половой свободы и половой неприкосновенности как объектах половых преступлений / Юрислингвистика. – 2022. – № 26 (37). – С. 33-39.
- Уголовное право. Общая часть. Семестр 1: учебник для вузов / И. А. Подройкина [и др.]. М., 2023.
- Чепуров В. В. Построение санкций за половые преступления в российском уголовном законодательстве XVII-XIX вв. / Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 1. – С. 217-219.
- Яковлев Я. М. Половые преступления. Душанбе, 1969.

References

- Antonova, E. Y., Kirillov, M. A. (2018). Differentiation of criminal responsibility for sexual offences against minors and minors: analysis of legislative novelties. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4 (44), 82-89 (in Russian).
- Bimbinov, A. A. (2021). Prospects for establishing criminal liability for incest. *Vestnik of the Russian Law Academy*, 4, 35-40 (in Russian).
- Bobdzhonova, O. B., Abdurakhmanova, F. M., Sharipova, M. B. (2020). Kinship marriage: the current state of the problem. *Problems of Reproduction*, 26 (3), 6-10 (in Russian).
- Chepurov, V. V. (2015). Construction of sanctions for sexual offences in Russian criminal legislation XVII-XIX c.c. *Theory and practice of social development*, 1, 217-219 (in Russian).
- Criminal Law. General part. Semester 1: textbook for universities (2023). I. A. Podroikina [et al]. Moscow (in Russian).
- Dyachenko, A. P., Tsymbal, E. I. (2014). Incest and its criminal-legal assessment. *Criminal Law*, 4, 27-32 (in Russian).
- Gusarova, M. V. (2017). Minors as a special object of crimes against sexual freedom and sexual inviolability of the person. *Bulletin of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3 (29), 93-97 (in Russian).
- Kameneva, A. N. (2016). Incest: criminal-legal aspect. *Russian investigator*, 15, 16-19 (in Russian).
- Kon, I. S. (2004). *Sexology: textbook*. Moscow (in Russian).
- Kruglikov, L. L., Santashov, A. L., Patrakhina, K. B. (2018). Differentiation of responsibility for sexual offences involving minors. *Penitentiary Science*, 42, 4-11 (in Russian).
- Lublinsky, P. I. (1925). *Crimes in the field of sexual relations*. Moscow (in Russian).
- Pantuykhina, I. V. (2019). Coercion to prostitution as a special type of coercion to actions of a sexual nature. *Legal State: Theory and Practice*, 1, 118-128 (in Russian).
- Parshin, N. M. (2013). Problems of criminal responsibility for incest: history and modernity. *Society and Law*, 2 (44), 102-106 (in Russian).
- Pertyanina, O. A., Kulikov, R. S. (2018). Receipt of sexual services of a minor (Art. 2401 of the Criminal Code of the Russian Federation): features of legal assessment. *Bulletin of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3, 390-394 (in Russian).
- Stetyukha, M. P. (2015). Legal order (way of life) of sexual life as an object of sexual offences (some aspects). *Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Issues of theory and practice*, 11 (61), 181-185 (in Russian).
- Tydykova, N. V. (2022). On the concept and content of sexual freedom and sexual inviolability as objects of sexual offences. *Jurislinguistics*, 26 (37), 33-39 (in Russian).
- Yakovlev, Y. M. (1969). *Sexual offences*. Dushanbe (in Russian).
- Zhizhilenko, A. A., Orshansky, L. G. (1927). *Sexual offences*. Saint Petersburg (in Russian).
-

Citation:

Тыдыкова Н. В. О проблеме понимания видового объекта половых преступлений // Юрислингвистика. – 2025 – 36. – С. 59-63.

Tydykova N. V. (2025) On the Problem of Understanding the Subsumee of Sexual Offences. *Legal Linguistics*, 36, 59-63.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Категория «ценность» и объект уголовно-правовой охраны

Ф. В. Чирков

*Адыгейский государственный университет
ул. Первомайская, 208, 385000, Майкоп, Россия. E-mail: adsu@adygnet.ru*

В статье исследуется вопрос о соотношении понятий «ценности» и «объект уголовно-правовой охраны». Констатируется, что к настоящему времени глубокой интерпретации понимания объекта уголовно-правовой охраны в качестве ценности не сложилось. Представлены две потенциальные модели трактовки объекта правовой охраны с учетом объективистских и субъективистских представлений о ценностях. Доказывается ограниченность каждого из них. Если объективистское понимание ценностей не дает ответа на вопрос о том, почему то или иное явление выступает в качестве блага, подлежащего охране, то субъективистское восприятие ценностей не способно указать на тот реальный объект социального мира, который должен подлежать охране. В советской науке этот вопрос разрешался в строгом соответствии с идеологическими и политическими установками. В условиях же плюралистического общества схожие рекомендации оказываются малоприменимыми. Предлагается синтезировать и актуализировать вышеназванные подходы: представление о ценностях должно непосредственно стать основой уголовно-правовой теории и практики. Делается вывод о том, что ценности, отражая общественные идеалы о должном, следует признавать критерием, посредством которого оцениваются реальные интересы и отношения. Объектом же правовой охраны следует признавать такие интересы, которые, воплощая традиционные ценности и способствуя их достижению, оцениваются в качестве правового блага. При этом уголовное право не участвует в ценностной экспертизе тех или иных социальных интересов или благ. Оно лишь закрепляет эти интересы и блага в качестве охраняемых объектов, подтверждая их социальную ценность.

Ключевые слова: традиционные ценности, аксиология уголовного права, объект уголовно-правовой охраны, правовое благо.

The Category of "Value" and the Object of Criminal-Legal Protection

Ph. V. Chirkov

*Adyghe State University
208 Pervomayskaya st., 385000, Maykop, Russia. E-mail: adsu@adygnet.ru*

The article examines the relationship between the concepts of "value" and "object of criminal-legal protection". It is stated that to date, no deep interpretation of the understanding of the object of criminal-legal protection as a value has been developed. Two potential models of interpreting the object of legal protection are presented, taking into account objectivist and subjectivist ideas about values. The limitations of each of them are proven. If the objectivist understanding of values does not answer the question of why this or that phenomenon acts as a good subject to protection, then the subjectivist perception of values is not able to indicate the real object of the social world that should be subject to protection. In Soviet science, this issue was resolved in strict accordance with ideological and political attitudes. Under a pluralistic society similar recommendations turn out to be of little use. It is proposed to synthesize and update the above approaches: the idea of values must directly become the basis of criminal-legal theory and practice. It is concluded that values reflecting social ideals about what is appropriate should be recognized as a criterion by which real interests and relationships are assessed. The object of legal protection should be recognized as such interests that, embodying traditional values and contributing to their achievement, are assessed as a legal benefit. At the same time, criminal law does not participate in the value examination of certain social interests or benefits. It only consolidates these interests and benefits as protected objects, confirming their social value.

Key words: traditional values, axiology of criminal law, object of criminal law protection, legal benefit.

Употребление слова «ценности» для обозначения объекта уголовно-правовой охраны уже достаточно прочно вошло в юридических обиход, что находит свое подтверждение в документах высших судебных инстанций. Так, например, Конституционный Суд РФ неоднократно признавал, что Конституция РФ возлагает на Россию как демократическое правовое государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, охранять достоинство личности, нравственность, здоровье, честь и доброе имя каждого и в этих целях, а также в целях обеспечения иных конституционных ценностей, включая законность, правопорядок и общественную безопасность, закрепляет требование законодательного определения уголовно-правовых запретов общественно опасных деяний и наказания за их нарушение, а в случаях, когда охраняемые ею ценности становятся объектом преступного посягательства, – осуществления уголовного преследования лиц, преступивших уголовный закон [постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2014 № 28-П]. Верховный Суд РФ в п. 1 постановления Пленума от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» предписывает судам «при учете характера общественной опасности преступления иметь в виду направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред» [постановление Пленума от 22.12.2015 г. № 58].

Вместе с тем глубокой интерпретации понимания объекта уголовно-правовой охраны в качестве ценности не сложилось. Принимая во внимание базовые положения теории ценностей в ее эволюционном развитии [Рындина 2021: 590-609], можно с известной долей условности и упрощения выделить два ключевых подхода, неявно представленных в уголовно-правовой науке по вопросу о связи объекта охраны и ценностей.

В рамках первого из них происходит по факту отождествление объекта охраны и ценности. Так, Е. Фесенко, говоря об объекте посягательства, пишет: «Именно ценности (личные, общественные, государственные) должны признаваться объектом преступления... Ценности – это разнообразные объекты материального мира, в том числе и сам человек, которые имеют существенное положительное значение для отдельных лиц, социальных групп и общества в целом. Поэтому они охраняются нормами разных отраслей права, а важнейшие из них берет под защиту уголовное законодательство. Любое преступное деяние, направленное против этих важнейших ценностей, создает угрозу причинения или причиняет им вред. Именно поэтому указанные ценности и выступают в качестве объекта преступления» [Фесенко 2003: 72]. В этом же ключе рассуждают В. А. Заряев и Д. Д. Солодовченко, когда указывают, что «рассмотрение общего объекта преступления с ценностных позиций дает возможность определить, какие ценности, интересы или правовые блага признаются обществом настолько значимыми, что их нарушение является преступлением. ... С юридической точки зрения объект преступления как аксиологическое понятие – это поставленное под уголовно-правовую охрану благо, терпящее вред при посягательстве» [Заряев, Солодовченко 2024: 78].

В рамках этого подхода авторы (осознанно или неосознанно) склоняются к восприятию ценности как некоей объективной реальности, тому, что представляет или в чем воплощается интерес субъектов общезжития (отдельного ли человека, общества ли, государства ли – в данном случае не суть важно). Если в чем-либо нет интереса и его практического осуществления, то нет и ценностей, а признание чего бы то ни было ценностью зависит от внутренних свойств этого «нечто». Такое понимание ценностей восходит к теории Э. Дюркгейма. Для него ценности образуют реальность *sui generis*, некую объективную реальность, на которой может и должно основываться общественное согласие. «Ценность, конечно, проистекает из связи вещей с различными аспектами идеала, но идеал – это не воспарение к таинственным потусторонним сферам, он заключен в природе и происходит из нее. ... Ценностное суждение выражает связь вещи с идеалом. Но и идеал дан нам в качестве вещи, хотя и иным образом; он также своего рода реальность» [Дюркгейм 1991: 112, 113].

Теоретический и уголовно-политический смысл такого подхода, на наш взгляд, вполне очевиден. Что-либо, что представляется важным для общества на том или ином этапе его развития, в чем заключается интерес общественного развития, берется под охрану уголовного закона и в совокупности эта заинтересованность и охрана порождают представление о ценности этого чего-либо. Отсюда вполне логичны рассуждения Е. Н. Карабановой: «традиционно «социальная ценность» означает ценное для общества явление. Оно в своей сущности дает человеку и обществу благополучие, удовлетворяет их потребности, т. е. является благом, а попадая в правовое поле, обретает статус правового блага. Поэтому в юридической науке вполне допустимо использование понятий «социальная ценность» и «правовое благо» как синонимичных» [Карабанова 2021: 74]. Равным образом В. Н. Винокуров заключает: «благо нередко определяется через понятие «ценности», а «ценности» – через понятие «блага» [Винокуров 2014: 102].

Признавая допустимость и обоснованность такого подхода, стоит все же отметить, что в его рамках остается открытым вопрос о том, как и по каким критериям распознать интерес общественного развития или общественное благо. В советской науке этот вопрос решался относительно просто, в строгом соответствии с идеологическими и политическими установками. «Социалистические общественные интересы служат основанием ценностной ориентации, позволяющей решать законодателю, какие социальные ценности должны быть поставлены под охрану уголовного закона», – писал по этому поводу Ю. А. Демидов [Демидов 1975: 50]. Сегодня же, в условиях плюралистического общества, такие (или подобные) рекомендации оказываются малопригодными. Но даже если и воспользоваться ими, в любом случае поиск критериев отнесения каких-либо интересов или благ к разряду ценностных приведет к необходимости выхода за пределы сугубо социального поля в область идейных, мировоззренческих историософских представлений.

В этом случае исследователи невольно будут склоняться ко второму из имеющихся подходов к пониманию ценностей, в рамках которого они воспринимаются не как нечто объективно существующее и необходимое, а в качестве субъективного идеала того, как это «нечто» должно существовать. Еще В. Виндельбанд писал, что ценности есть идеальные нормы, на основе которых оценивается то, что реально существует. «Законы, заложенные в нашей логической, этической и эстетической совести, не состоят ни в какой связи с фактами, к которым они относятся, – писал он. – Они говорят лишь о том, каковы должны быть эти факты, чтобы заслужить всеобщее одобрение в качестве истинных, добрых и прекрасных. Таким образом, они – не законы, согласно которым развитие явлений должно объективно совершаться или субъективно пониматься, а идеальные нормы, на основании которых определяется ценность того, что совершается с естественной необходимостью» [Виндельбанд 1904: 201]. Развивал эти идеи и Г. Риккерт, когда подчеркивал трансцендентальный характер ценности, отделяя ее от актов оценки и от объектов, которые люди называют благами. Он разделял понятия ценности и долженствования, объясняя это тем, что, когда ценность соотносится с познающим субъектом, она противостоит ему как норма и правило в сфере долженствования [Риккерт 1913: 55].

Склонность к такому пониманию ценностей в контексте учения об объекте уголовно-правовой охраны можно встретить у Е. В. Медведева. Он пишет: «Нельзя не признать, что именно ценности являются фактором, определяющим выбор индивидом ориентиров и направлений его жизнедеятельности, формирующим векторы и особенности социального развития и поведения человека в обществе, а также построения самих общественных отношений. Именно они, будучи, "сердцевинной" интереса, выступают концентрированным выражением, квинтэссенцией идеальной модели процесса удовлетворения человеческих потребностей, имеющих для человека жизненно важное значение, – того, к чему следует стремиться и чего следует придерживаться в процессе реализации обусловленного той или иной потребностью интереса. Отсюда выражение "охрана социальных ценностей" в структуре определения сущности уголовного права выглядит более логичным, точным и понятным, а следовательно – и более убедительным, чем такие формулировки, как "охрана общественных отношений" или "охрана общественного интереса"» [Медведев 2022: 125]. В другой своей работе автор прямо называет объектом уголовно-правовой охраны именно социальные ценности [Медведев 2020: 8-13].

Такое, идеалистически окрашенное представление о ценностях как о неких идеалах, с одной стороны, в некоторой степени компенсирует отмеченный выше недостаток объективистских теорий ценностей, определяя идеальный источник ценности. Но, с другой стороны, оно не вполне инструментально и не может непосредственно стать основой уголовно-правовой теории и практики, поскольку со всей очевидностью уголовное право не может охранять идеалы по причине того, что эти идеалы не существуют в реальности.

Таким образом, в чистом виде ни один из указанных подходов не является оптимальным. Если объективистское понимание ценностей не дает ответа на вопрос о том, почему то или иное явление выступает в качестве блага, подлежащего охране, то субъективистское восприятие ценностей не способно указать на тот реальный объект социального мира, который должен подлежать охране. Здесь необходим определенный синтез.

Преломляя оба изложенных подхода в инструментальном плане к учению об объекте уголовно-правовой охраны, необходимо констатировать, что ценности выступают не в качестве объекта уголовно-правовой охраны, а в качестве критерия, опираясь на который можно оценить тот или иной интерес или благо, и в случае если результатом такой оценки станет вывод об их соответствии идеалам общественного развития (общественны ценностям), – поставить под охрану уголовного закона. Объектом охраны в данном случае будут выступать ценностно окрашенные блага или интересы, то есть те, что соответствуют социальным представлениям об идеальном состоянии как общества в целом, так и отдельных его институтов.

Как верно отмечают некоторые исследователи, «система ценностей лежит в основе формирования интересов, как у индивида, так и у социальной общности любого масштаба. Именно в ценностных категориях выражены предельные ориентации знаний, предпочтений, увлечений, убеждений и, конечно, интересов различных личностей и отдельных групп. Наиболее кардинальное воздействие на процесс формирования социальных интересов оказывают ценности, придавая им определенную форму, целеустремленность, направленность. Усвоение этих критериев составляет необходимую основу формирования интересов личности и поддержания нормативного порядка в обществе» [Куковский Рослов 2015: 14].

Сложный вопрос относительно поиска самих идеальных ценностей может и должен решаться представителями самых разных отраслей гуманитарного и общественного знания – историками, социологами, психологами, политологами, правоведами. Каждая из наук, используя собственные методики, способна объективно выявить и зафиксировать тот набор ценностных идеалов, которые составляют смысл существования и развития общества, процесс их эволюции, направления и перспективы динамики.

У уголовного права в этом случае особая роль. Чтобы быть социально обусловленным и вследствие этого эффективным в решении собственных задач, оно должно следовать в кильватере предустановленных до него социальных ценностей. Уголовное право, по нашему представлению, не участвует в ценностной экспертизе тех или иных социальных интересов или благ. Оно лишь закрепляет эти интересы и блага в качестве охраняемых объектов, подтверждая их социальную ценность.

В этом отношении стоит согласиться с Р. Г. Асланяном, который пишет: «Между явлениями социальной реальности и уголовно-правовыми предписаниями можно вычленивать некую «буферную зону». Ее образует отраженная в общественном сознании оценка социальных явлений и процессов, а равно существующих угроз для их нормального существования и развития, которая объективируется в неких, вполне осязаемых формах. Формы

объективизации этой оценки как раз и выражают собой «связь» уголовно-правовых норм с социальной реальностью или «переход» от социальной реальности к конкретным нормам и институтам» [Асланян 2023: 162-163]. Эти рассуждения были необходимы Р. Г. Асланяну в его работе по установлению социальных источников уголовного права и форм их выражения. Автор пришел к обоснованному выводу, что в качестве таковых форм выступают доктринальные, общественно-политические, политико-правовые и собственно правовые документы. Поддерживая эту идею, отметим, что именно в этих формах выражения социальных источников отрасли уголовного права и стоит искать те ценности, которые выступают критерием отбора социальных интересов и благ для целей уголовно-правовой охраны. В настоящий момент таким источником, вне сомнений, служит Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809], воплощение идей которого в области уголовно-правового регулирования является актуальной исследовательской и правотворческой задачей.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что аксиологическая интерпретация объектов уголовно-правовой охраны не предполагает с необходимостью, что в их качестве могут выступать ценности как таковые. Ценности, будучи категорией субъективной, представляют собой личностные и общественные идеалы о должном, посредством которых оцениваются реальные интересы и отношения. Объектом правовой охраны следует признавать такие интересы, которые, воплощая традиционные ценности и способствуя их достижению, оцениваются в качестве правового блага, то есть некоей реальности, урегулированной правом и подлежащей защите средствами права в интересах развития общества.

Литература

- Асланян Р. Г. Теоретические основы построения особенной части российского уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023.
- Виндельбанд В. Прелюдии. Философские речи и статьи. СПб., 1904.
- Винокуров В. Н. Аксиологический и функциональный подходы к определению объекта преступления / Современное право. – 2014. – № 8. – С. 100-106.
- Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975.
- Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения / Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 106-114.
- Заряев В. А., Солодовченко Д. Д. Конституционные ценности и аксиологические аспекты понимания общего объекта преступления в доктрине уголовного права / Пенитенциарная наука. – 2024. – Т. 18, № 1 (65). – С. 75-82.
- Карбанова Е. Н. Аксиологические основы уголовного правотворчества / Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 6 (86). – С. 73-81.
- Куковский А. А., Рослов П. Д. Национальные ценности как объект обеспечения безопасности (аксиологический анализ) / Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4 (42). – С. 13-17.
- Медведев Е. В. Социальное назначение уголовного права / Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2022. – Т. 164, кн. 4. – С. 122-133.
- Медведев Е. В. Социальные ценности как объект уголовно-правовой охраны / Культура: управление, экономика, право. – 2020. – № 2. – С. 8-13.
- О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 / Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.
- Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 / Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.
- По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского: постановление Конституционного Суда РФ от 21.11.2017 № 30-П / Вестник Конституционного Суда РФ. – 2018. – № 1.
- По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части третьей статьи 61 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. В. Курочкина, А. Б. Михайлова и А. С. Русинова: постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2014 № 28-П / Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 1.
- Риккерт Г. Два пути познания / Новые идеи в философии. Непериод. изд., выходящее под ред. проф. Н. О. Лосского и Э. Л. Радлова. – СПб., 1913. – С. 1-79.
- Рындина А. С. Истоки теории ценностей в социологии и направления ее развития / Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 590-609.
- Фесенко Е. Объект преступления с точки зрения ценностной теории / Уголовное право. – 2003. – № 3. – С. 71-73.

References

Aslanyan, R. G. (2023). Theoretical Foundations of the Construction of a Special Part of Russian Criminal Law: dis. ... dr law science. Krasnodar (in Russian).

- Demidov, Yu. A. (1975). Social Value and Assessment in Criminal Law. Moscow (in Russian).
- Durkheim, E. (1991). Value and "Real" Judgments. Sociological Research, 2, 106-114 (in Russian).
- Fesenko, E. (2003). The object of crime from the point of view of value theory. Criminal law, 3, 71-73 (in Russian).
- In the case of verifying the constitutionality of the provisions of Articles 38 and 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.V. Chensky: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.11.2017 No. 30-P. Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation, 2018, 1 (in Russian).
- In the case of verifying the constitutionality of the provisions of Part 1 of Article 1 of the Federal Law "On Compensation for Violation of the Right to Legal Proceedings within a Reasonable Time or the Right to Enforcement of a Judicial Act within a Reasonable Time" and Part 3 of Article 61 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens V. V. Kurochkin, A. B. Mikhailov and A. S. Rusinov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.11.2014 No. 28-P. Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation, 2015, 1 (in Russian).
- Karabanova, E. N. (2021). Axiological foundations of criminal law-making. Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 6 (86), 73-81 (in Russian).
- Kukovsky, A. A., Roslov, P. D. (2015). National values as an object of security (axiological analysis). The rule of law: theory and practice, 4 (42), 13-17 (in Russian).
- Medvedev, E. V. (2022). Social purpose of criminal law. Scientific notes of Kazan University. Series "Humanities", Vol. 164, book 4, 122-133 (in Russian).
- Medvedev, E. V. (2020). Social values as an object of criminal-legal protection. Culture: management, economics, law, 2, 8-13 (in Russian).
- On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809. Collected Legislation of the Russian Federation, 2022, 46, Art. 7977 (in Russian).
- On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.12.2015 No. 58. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2016, 2 (in Russian).
- Rickert, G. (1913). Two ways of knowledge. New ideas in philosophy. Non-period. ed., edited by prof. N. O. Lossky and E. L. Radlov. St. Petersburg, 1-79 (in Russian).
- Ryndina, A. S. (2021). Origins of the theory of values in sociology and directions of its development. Bulletin of RUDN. Series: Sociology, 21, 3, 590-609 (in Russian).
- Vinokurov, V. N. (2014). Axiological and Functional Approaches to Defining the Object of a Crime. Modern Law, 8, 100-106 (in Russian).
- Windelband, V. Preludes (1904). Philosophical Speeches and Articles. St. Petersburg (in Russian).
- Zaryaev, V. A., Solodovchenko, D. D. (2024). Constitutional values and axiological aspects of understanding the general object of a crime in the doctrine of criminal law. Penitentiary science, 18, 1 (65), 75-82 (in Russian).

Citation:

Чирков Ф. В. Категория «ценность» и объект уголовно-правовой охраны // Юрислингвистика. – 2025 – 36. – С. 64-68.

Chirkov Ph. V. (2025) The Category of "Value" and the Object of Criminal-Legal Protection. Legal Linguistics, 36, 64-68.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Неприличность в коммерческой номинации (на примере фирменного наименования «Nudles»)

А. В. Акинина

Независимый эксперт-лингвист

ул. Ленина, 125, 356000, Новоалександровск, Россия. E-mail: akinina21@mail.ru

Статья посвящена практическому преломлению путей анализа «неприличности» в коммерческой номинации. Исследование предлагается проводить через совмещение методических подходов к анализу «неприличной формы выражения» и практики рассмотрения обозначений в контексте противоречия общественным интересам, принципам гуманности и морали при решении практических вопросов экспертизы интеллектуальной собственности. Особенностью приводимого кейса является анализ спорного обозначения на английском языке, функционирующего в русскоязычной бытовой и коммерческой среде. Такого рода задачи ставят перед экспертом-лингвистом вопрос о методах и подходах прежде всего к смысловой составляющей, внутренней форме слова и образу (системе образов), стоящей за ним. Различается ли эта внутренняя форма для носителя языка-источника и для русскоязычного реципиента? Зависит ли образ сугубо от словарного толкования либо определяется скорее контекстом, оттесняя прямое значение на задний план? Имеют ли значение фонетический и графический облик слова для его смыслового восприятия именно в рамках экспертного анализа? Если да, то насколько эта роль существенна? Все эти вопросы рассматриваются в данной публикации на примере фирменного наименования. Автором приводится алгоритм анализа спорного обозначения и делается вывод о том, что для установления значения слова Nudles, являющегося фирменным наименованием ресторана азиатской кухни, решающее значение имеет не словарное толкование, а контекст, включая непосредственные условия употребления окказиональной лексемы. Вторым важнейшим фактором являются словообразовательные особенности и сопоставление спорной лексемы с языковой традицией номинации конкретного объекта в родственных языках.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, коммерческая номинация, фирменное наименование, неприличная форма, принципы гуманности и морали.

Indecency in Commercial Nomination (Case Study of Brand Name “Nudles”)

A. V. Akinina

Independent linguist expert

125 Lenin St., 356000, Novoalexandrovsk, Russia. E-mail: akinina21@mail.ru

The article discusses practical application of the ways of analyzing "indecency" in commercial nomination. When expertizing intellectual property, it is proposed to employ a combination of methodological approaches to the analysis of the "indecent form of expression" and the practice of considering nominations as contradicting public interests, principles of humanity and morality.

This study is particular due to the controversial name in English which is functioning in the Russian language in everyday and commercial environment. Thus, the linguist expert has to consider the approaches to the cognitive element, inner form and the image (images) behind the name. Is the inner form different for a native speaker and the Russian language speaker? Does the image depend on the dictionary definition or is it determined by the context which ousts the direct meaning? Is expert analysis dependent on the phonetic and graphic form of the word? If so, how great is the dependence. These questions are answered here on the example of a brand name.

The author proposes an algorithm to analyze the controversial name of “Nudles”, which is a brand-name of an Asian restaurant, and comes to the conclusion that it is context rather than definition that determines the meaning of the word. The next important factor is word-building peculiarities of the lexeme and comparing it to traditional names of a phenomenon in cognate languages.

Key words: linguistic expertise, commercial nomination, brand name, indecent form, principles of humanity and morality.

В отечественной судебной лингвистике в соответствии с законодательными нормами установилось толкование понятия неприличности сугубо через термин «неприличная форма выражения».

Само понятие «неприличной формы выражения», не получившее исчерпывающего толкования в российском законодательстве, было полно и содержательно истолковано в методическом пособии «Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении» за авторством сотрудников РФЦСЭ при Минюсте России Т. М. Изотовой, В. О. Кузнецова и А. М. Плотниковой.

В соответствии с указанной методикой под обценной лексикой нужно понимать лексику двух слоев: «1) матизмы (матерная лексика) 2) вульгаризмы (лексика, не являющаяся собственно матом, но примыкающая к нему, пограничная по своей семантике и речевому употреблению)» [Судебная лингвистическая экспертиза 2016: 47].

То есть, говоря о неприличной форме, мы должны относить к имеющим ее выражениям/высказываниям матизмы и вульгаризмы, по семантике относящиеся к телесному низу (сексуальной и экскреторной сфере).

По словам М. Е. Новичихиной, «важнейшей функцией коммерческого названия становится его способность различения и индивидуализации торгового учреждения, услуги или товара» [Новичихина 2019: 8].

Соответственно, выделенные М. Е. Новичихиной функциональные, семантические, экспрессивные и иные особенности объектов коммерческой номинации (лингвистического понятия) можно приложить к рассмотрению фирменного наименования (юридическое понятие) как одного из основных средств индивидуализации в современной деловой среде и правовом поле.

В соответствии с требованиями ст. 1473 Гражданского кодекса РФ в фирменное наименование не могут включаться в том числе «обозначения, противоречащие общественным интересам, а также принципам гуманности и морали».

Данное основание о противоречии общественным интересам, принципам гуманности и морали восходит к Парижской конвенции об охране промышленной собственности 1883 года, а именно к положениям статьи 6-quinquies:

«В. Товарные знаки, подпадающие под действие настоящей статьи, могут быть отклонены при регистрации или признаны недействительными лишь в следующих случаях: <...> если знаки противоречат морали или публичному порядку и, в особенности, если они могут ввести в заблуждение общественность. Подразумевается, что знак не может рассматриваться как противоречащий публичному порядку по той единственной причине, что он не соответствует какому-либо положению законодательства о знаках, за исключением случая, когда само это положение касается публичного порядка» [Парижская конвенция 1883, ст. 6-quinquies].

Безусловно, объем понятия «противоречие принципам гуманности и морали» является идентичным как для товарных знаков, так и для фирменных наименований, что дает основания распространять применение ст. 6-quinquies Парижской конвенции на все средства индивидуализации, обладающие или могущие обладать этим признаком аморальности.

Соответственно, представляется целесообразным использовать унифицированный инструментарий и общее поле экспертных понятий (по В. О. Кузнецову) как в рамках судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, так и в рамках экспертизы объектов интеллектуальной собственности.

Формально конкретные признаки противоречия обозначений общественным интересам и принципам гуманности и морали по-прежнему не поименованы, даже в руководствах для экспертов Роспатента.

Суд по интеллектуальным правам в реальной практике предлагает опираться на всеобщие (общемировые), то есть некие унифицированные принципы морали при оценке охраноспособности обозначений: «Для осуществления правильной оценки "скандальных" обозначений необходимо учитывать фактор их восприятия именно потребителями тех товаров и услуг, в отношении которых предоставлена правовая охрана проверяемому обозначению. Оценка обозначений с данной точки зрения во многом связана как с общепринятыми мировыми стандартами морали, так и с национальными традициями и культурой. При этом подобная оценка должна быть проведена исходя из положений пункта 1 части "С" статьи 6-quinquies Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20.03.1883 (далее – Парижская конвенция), согласно которым, для того чтобы определить, может ли быть знак предметом охраны, необходимо учитывать все фактические обстоятельства» [Постановление президиума СИП от 17.02.2025 г. N C01-2488/2024]. Кроме того, ссылаясь на соответствующий пункт Парижской конвенции, требующий фактической оценки всех обстоятельств при решении вопроса об охраноспособности обозначения, суд, по существу, очерчивает весьма широкий круг элементов, которые требуется учитывать, затрагивая не столько сами лингвистические и смысловые характеристики обозначения, сколько условия их функционирования в реальной жизни при реальном товарообмене.

Попробуем применить критерий учета фактических обстоятельств функционирования слова, служащего коммерческим обозначением, в русскоязычной среде на примере кейса с фирменным наименованием «Nudles».

Немного предыстории. В июне 2024 года в Москве открылся бар-ресторан азиатской кухни «Nudles», совладельцем которого изначально выступала блогер Анастасия Ивлеева, известная публичная персона.

GRAND OPENING

7/06

**ОФИЦИАЛЬНОЕ
ОТКРЫТИЕ**

SUCK IT

**СБОР ГОСТЕЙ
20:00**

**ИНФО: 8 (495) 320-40-10
СТОЛЕШНИКОВ ПЕР., 8**

ASIAN TRIP // АЗИАТСКИЙ ТРИП // アジア旅行 // ASIAN TRIP // АЗИАТСКИЙ ТРИП // アジア旅行

FC/DC

ASIAN TRIP
АЗИАТСКИЙ ТРИП
アジア旅行

2024

NUDLES

NUDLES BAR
NUDLES BAP
NUDLES 酒場

2024

NUDLES

FOOD-COCKTAILS-DANCE
ЕДА-КОКТЕЙЛИ-ТАНЦЫ
食べ物、カクテル、

ВСЯ АЗИЯ // В ОДНОМ // МЕСТЕ

ВСЯ АЗИЯ // В ОДНОМ // МЕСТЕ

ПРИСТЕГНИТЕСЬ, МЫ ВЗЛЕТАЕМ! // ПРИСТЕГНИТЕСЬ, МЫ ВЗЛЕТАЕМ! // ПРИСТЕГНИТЕСЬ, МЫ ВЗЛЕТАЕМ!

Рис. 1. Объект анализа – информационный материал на рекламном носителе заведения азиатской кухни «Nudles»

В СМИ широко обсуждалась так называемая «голая» (nude) вечеринка, устроенная Анастасией в конце 2023 года для московских знаменитостей. В связи с открытием ресторана общественные заявители усмотрели [На слоган нового ресторана Ивлеевой пожаловались в ФАС URL] в названии заведения отсылку именно к данной вечеринке и, посчитав наименование неприличным, обратились с заявлением в Федеральную антимонопольную службу. Доводы о неприличности подкреплялись ссылкой на то, что рекламный слоган бара «Suck It!» тоже имеет непечатный подтекст, поскольку якобы подразумевает значение «сосать», исходя из словарного толкования слова suck в английском языке.

Рассмотрим значение слово Nudles с учетом фактических обстоятельств функционирования лексемы, то есть в контексте использования в качестве названия для ресторана азиатской кухни и именно в связи с использованием на конкретном носителе – флаере.

Слово Nudles не является лексемой русского языка. Оно записано латиницей и по фонетическому облику перекликается с англоязычными лексемами, использованными в текстовом оформлении флаера (Bar, Asian trip, Food, Cocktails, Dance); соответственно, можно рассматривать данное слово также применительно к лексикону английского языка.

При этом в литературном английском языке слово Nudles отсутствует, то есть не является узуальным. В приведенном контексте его можно считать неологизмом, а именно окказионализмом, то есть индивидуально-авторским языковым новообразованием, возникающим и полноценно воплощающим свою функцию только в определенном контексте.

Общие семантические условия реализации значения данного окказионализма таковы:

- применение на рекламном носителе заведения общественного питания (бара, в котором подаются не только напитки, но и пища);
- включение в семантическое поле «питание», которое представлено на флаере лексемами *еда, коктейли, бар*;

– актуализация образа приема пищи, графически представленного на флаере посредством изображения девушки, поедающей лапшу из тарелки с помощью традиционного азиатского прибора (палочки для еды).

Главным объектом на флаере, на котором фокусируется внимание зрителя, является лапша. Поскольку в текстовом оформлении флаера задействованы образы приема пищи в азиатской традиции (с помощью палочек), можно считать контекстуально обусловленным параллелизм между окказиональным словом *Nudles* и словом *noodle*, которое в английском языке в контекстах, связанных с приемом пищи, означает «лапша»:

NOODLE II [nu:dl] (обыкн. pl) лапша [Мюллер 2024: 297].

Согласно словарным данным, в английском языке слово «лапша» употребляется в форме множественного числа – *noodles*, в отличие от русского слова «лапша», которое в русском языке имеет только форму единственного числа. Согласно традиционной фонетической транскрипции, слово *noodles* читается как [nu:dlz] – [н'удлс], поскольку в английском языке нет глухих звуков, а буквосочетание *oo* в английском языке при произнесении передается звуком [u:], соответствующего русскому [y].

Поскольку слово *Nudles* является для английского языка неузуальным (не входит в основную систему словоупотребления), оно не имеет четко закрепленной фонетической транскрипции и должно транскрибироваться, читаться в соответствии с языковым законом аналогии, который предполагает опору на уже имеющиеся образцы при решении новой нестандартной языковой задачи.

Ближайшей аналогией для сопоставления фонетического облика слова в английском языке является слово *nude*:

NUDE I [nju:d] n– «1 обнаженная фигура (особ. в живописи, скульптуре), 2 (the) обнаженное тело; обнаженность, нагота; **in the nude** в голом виде, нагишом» [Мюллер 2024: 298].

NUDE II [nju:d] adj «1 обнаженный, нагой; 2 использующий обнаженных исполнителей (о фильме, спектакле); 3 пустой, голый (о помещении, ландшафте); **nude rocks** голые скалы; 4 голый, неприкрытый» [Мюллер 2024: 298].

Слово *nude* как в качестве имени существительного, так и в качестве имени прилагательного имеет фонетическую транскрипцию [nju:d], что соответствует русскому произношению [н'юд] (*нюд*). Соответственно, слово *Nudles* должно иметь фонетическую транскрипцию [nju:dlz], что в русской фонетической традиции соответствует произношению «нюдлс» [н'юдлс].

Слова *noodles* [nu:dlz] и *nudles* [nju:dlz] в английском языке с точки зрения фонетики различаются лишь одним звуком [j] (йот), при этом оба слова принадлежат к семантическому полю «продукт питания» (*noodles* принадлежит к этому полю в соответствии с основной дефиницией, *nudles* принадлежит контекстуально, то есть сугубо в отношении конкретного заведения азиатской кухни – бара «Nudles» и его рекламных материалов). Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что окказионализм *nudles* образован от слова *noodles* в результате применения фонетико-морфологического способа словообразования, при котором «образование слов происходит без присоединения материально выраженных словообразовательных аффиксов, но сопровождается фонетическими изменениями» [Диброва 2002: 500]. В данном случае фонетические изменения также обусловили графические изменения (замена *oo* на *u* на письме).

Словообразовательный процесс – это процесс создания новых слов на базе уже имеющихся в данном конкретном языке. При этом производное слово сохраняет основные смыслы (денотативный компонент значения) производящего слова. Соответственно, слово *nudles* сохраняет основное значение слова *noodles* (лапша как продукт питания, представляющий собой пучок тонких полосок теста), отличаясь от него наличием индивидуально-авторских коннотаций (желание придать слову неформальный оттенок, желание вовлечь читателя/зрителя в языковую игру). Языковая игра в данном случае строится на фонетическом параллелизме ([nu:dlz] – [nju:dlz]), который влечет за собой графический параллелизм.

Следует также отметить, что английский язык относится к группе германских языков, а именно к западно-германским языкам, к которым также относятся немецкий, нидерландский, люксембургский и ряд языков малых народов.

В немецком языке слово «лапша» имеет графический облик *Nudeln* [nu:dlɪn], а в люксембургском – *Nuddelen*, то есть в наиболее крупных германских языках сохраняется корреляция между использованием корневого морфа *-nud-* и значением «лапша».

Таким образом, в контексте применения к азиатской кухне (в том числе при использовании в качестве названия для ресторана азиатской кухни), то есть при условии принадлежности слова к семантическим полям «питание», «продукты питания», значение слова *Nudles* в целом соответствует значению слова *noodles* (лапша) в английском языке. Соответственно, корреляции со смыслом «голый, обнаженный» не возникает именно ввиду контекста, то есть фактических обстоятельств использования лексемы.

Литература

Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М., 2012.

Голубев А. П. Практическая фонетика: сравнительная фонетика английского, немецкого и французского языков: учебное пособие для вузов/ А. П. Голубев, И. Б. Смирнова; под общ. ред. А. П. Голубева. М., 2023.

Диброва Е. И. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: В 2 ч. – Ч.1 Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование/ Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Н. А. Николина, И.И. Щеболева; под ред. Е. И. Дибровой. М., 2002.

Звуковой строй английского языка: вводно-фонетический курс: учебное пособие / В. Л. Завьялова, С.М. Соболева,

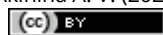
- М. А. Колесниченко, Н. М. Запорожская, Л. П. Бондаренко; под общ. ред. В. Л. Завьяловой. Владивосток, 2020.
 Мюллер В. К. Самый полный англо-русский русско-английский словарь с современной транскрипцией: около 500 000 слов. М., 2024.
 На слоган нового ресторана Ивлеевой пожаловались в ФАС / URL: <https://www.sostav.ru/publication/ivleeva-68212.html>.
 Новичихина М. Е. Товарный знак: вопросы функционирования и лингвистической экспертизы. Воронеж, 2019.
 Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года, пересмотренная в Брюсселе 14 декабря 1900 г., в Вашингтоне 2 июня 1911 г., в Гааге 6 ноября 1925 г., в Лондоне 2 июня 1934 г., в Лиссабоне 31 октября 1958 г. и в Стокгольме 14 июля 1967 г. и измененная 2 октября 1979 г. / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/.
 Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 17 февраля 2025 г. N C01-2488/2024 по делу N СИП-569/2024. Суд оставил без изменения решение суда первой инстанции об отказе в признании недействительными решений Роспатента об отказе в удовлетворении возражений против предоставления правовой охраны товарным знакам, поскольку спорные обозначения при их использовании в отношении спорных товаров и услуг не наносят вреда общественным интересам, принципам гуманности и морали / URL: <https://base.garant.ru/411543525/>.
 Русская грамматика/ Под ред. Н. Ю. Шведовой. В 2 т. Т.1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. М., 1980.
 Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов. М., 2020.
 Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении/ Т. М. Изотова, В. О. Кузнецов, А. М. Плотникова. М., 2016.
 Суперанская А. В. Теоретические основы практической транскрипции. М., 2018.

References

- Arnold, I. V. (2012). Lexicology of modern English. Moscow (in Russian).
 Dibrova, E. I. (2002). Modern Russian language: Theory. Analysis of linguistic units: In 2 parts. – Part 1 Phonetics and orthoepy. Graphics and spelling. Lexicology. Phraseology. Lexicography. Morphemics. Word formation/ E. I. Dibrova, L. L. Kasatkin, N. A. Nikolina, I. I. Shcheboleva; edited by E. I. Dibrova. Moscow (in Russian).
 Golubev, A. P. (2023). Practical phonetics: comparative phonetics of English, German and French languages: a textbook for universities/ A. P. Golubev, I. B. Smirnova; under the general editorship of A. P. Golubev. Moscow (in Russian).
 Guidelines for the implementation of administrative procedures and actions within the framework of the provision of public services for the state registration of a trademark, service mark, collective mark and the issuance of certificates for a trademark, service mark, collective mark, their duplicates (2020). Moscow (in Russian).
 Judicial linguistic expertise in cases of insult (2016). Т. М. Изотова, В. О. Кузнецов, А. М. Плотникова. Moscow (in Russian).
 Muller, V. K. (2024). The most complete English-Russian Russian-English dictionary with modern transcription: about 500 000 words. Moscow (in Russian).
 Novichikhina, M. E. (2019). Trademark: issues of functioning and linguistic expertise. Voronezh (in Russian).
 Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Rights Court dated February 17, 2025 N C01-2488/2024 in case N SIP-569/2024, the Court upheld the decision of the court of first instance on the refusal to invalidate Rospatent's decisions on the refusal to satisfy objections to the granting of legal protection to trademarks signs, since controversial designations, when used in relation to disputed goods and services, do not harm public interests, principles of humanity and morality / URL: <https://base.garant.ru/411543525/> (in Russian).
 Russian Grammar (1980). Edited by N. Y. Shvedova. In 2 vols. Vol. 1. Phonetics, phonology, stress, intonation, word formation, morphology. Moscow (in Russian).
 Superanskaya, A. V. (2018). Theoretical foundations of practical transcription. Moscow (in Russian).
 The FAS complained about the slogan of Ivleeva's new restaurant / URL: <https://www.sostav.ru/publication/ivleeva-68212.html> (in Russian).
 The Paris Convention for the Protection of Industrial Property of March 20, 1883, revised in Brussels on December 14, 1900, in Washington on June 2, 1911, in The Hague on November 6, 1925, in London on June 2, 1934, in Lisbon on October 31, 1958 and in Stockholm on July 14, 1967. and modified on October 2, 1979 / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/ (in Russian).
 The sound structure of the English language: an introductory phonetic course: a textbook (2020). V. L. Zavyalova, S. M. Soboleva, M. A. Kolesnichenko, N. M. Zaporizhskaya, L. P. Bondarenko; under the general editorship of V. L. Zavyalova. Vladivostok (in Russian).

Citation:

Акинина А. В. Язык догмы: означающее и означаемое // Юрислингвистика. – 2025 – 36. – С. 69-73.
 Akinina A. V. (2025) Indecency in Commercial Nomination (Case Study of Brand Name «Nudles»). Legal Linguistics, 36, 69-73.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Цифровые социальные угрозы: от лингвистики до криминалистики в зеркале патентных решений

И. Д. Мамаев^{1, 2}, М. А. Марусенко³, В. В. Петров⁴

¹Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д. Ф. Устинова
ул. 1-я Красноармейская, 1, 190005, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: mamaev_id@voenmeh.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб., д. 11, 199034, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: i.mamaev@spbu.ru,

m.marusenko@spbu.ru

⁴22-я линия Васильевского Острова, 7, 199105, Санкт-Петербург, Россия. E-mail:

vadim.petrov@spbu.ru

В условиях роста цифровых угроз и трансформации криминальных практик критически важной задачей для обеспечения безопасности становится выявление социально опасных сообществ. Данная статья представляет собой систематизированный обзор 15 российских и международных патентов периода 2014–2023 гг., которые посвящены технологиям определения деструктивных групп и поведений в цифровом пространстве. Детально проанализированы патентные решения, сгруппированные по пяти ключевым направлениям: лингвистический анализ текстов, криминалистическая экспертиза данных, моделирование профилей пользователей, биометрическая идентификация и контроль нежелательной активности. Установлено, что 47% патентов защищают алгоритмические методы. Выявлены ключевые технологические тренды: доминирование лингвистических методов (анализ ключевых выражений и семантических паттернов) и прогнозирование угроз с помощью моделирования поведения пользователей. При этом сохраняются серьезные ограничения: фрагментарность модулей, недооценка междисциплинарности и этических рисков, которые связаны с обработкой персональных данных. Особое внимание уделено патентам, в которых описаны подходы по анализу психофизиологических реакций или краудсорсинговой модерации конфликтов. Подчеркивается необходимость синтеза криминалистики и систем компьютерной лингвистики для создания адаптивных систем определения деструктивных сообществ. Результаты исследования имеют практическую ценность для разработчиков, правоохранительных органов и патентных экспертов.

Ключевые слова: криминалистика, социально опасные сообщества, преступные сообщества, преступность в Интернете, корпусная лингвистика, патентоспособность.

Digital Social Threats: From Linguistics to Forensic Science in the Mirror of Patent Solutions

I. D. Mamaev^{1, 2}, M. A. Marusenko³, V. V. Petrov⁴

¹Baltic State Technical University "Voennmeh" named after D.F. Ustinov

1 1st Krasnoarmeyskaya, 190005, St. Petersburg, Russia. E-mail: mamaev_id@voenmeh.ru

St. Petersburg State University

11 Universitetskaya Emb., 199034, St. Petersburg, Russia. E-mail: i.mamaev@spbu.ru,

m.marusenko@spbu.ru

⁴22nd Line V.O., 199105, St. Petersburg, Russia. E-mail: vadim.petrov@spbu.ru

Since digital threats and the transformation of criminal practices are going forward at a steady pace, the detection of socially dangerous communities is becoming a crucial task for ensuring security. The paper presents a systematic review of 15 Russian and international patents (2014–2023) concerning technologies for detecting destructive groups and behaviors in the digital space. Patents are analyzed in detail, they are grouped into five key areas: linguistic analysis of texts, forensic data examination, user profile modeling, biometric identification, and control of unwanted activity. It has been established that 47% of patents protect algorithmic methods. The key technological trends that are identified are as follows: the dominance of

linguistic methods (analysis of key expressions and semantic patterns) and threat prediction using user behavior modeling. At the same time, serious limitations are described: fragmentation of modules, underestimation of interdisciplinarity and ethical risks associated with the processing of personal data. Particular attention is paid to patents that describe approaches to analyzing psychophysiological reactions or crowdsourcing conflict moderation. The need for synthesizing forensics and computer linguistics systems to create adaptive detection systems is emphasized. The results of the study are of practical value for developers, law enforcement agencies, and patent experts.

Key words: forensic science, socially dangerous communities, criminal communities, Internet crime, corpus linguistics, patentability.

Выявление социально опасных групп является ключевой задачей обеспечения безопасности современного общества и предотвращения криминальных угроз. Развитие информационно-коммуникационных технологий и увеличение объемов информации, которые проходят через цифровые платформы, создают серьезные вызовы для обнаружения и нейтрализации потенциальных угроз [Артамонов, Артамонова, Сафонов 2022]. «Современное развитие информационных технологий неизбежно повлекло трансформацию всех сфер жизни человека, общества и государства. Также это коснулось и преступности, которая всегда оперативно адаптирует в свои криминальные схемы любые современные технологии, включая информационные, что породило новые виды общественно опасных посягательств...» [Пристансков, Харатишвили, Евстратова 2023: 587]. Одна из наиболее перспективных областей, которая позволяет решить данную задачу, – разработка запатентованных инновационных методов и устройств.

Патенты в аспекте рассматриваемой задачи, с одной стороны, представляют собой инструмент защиты интеллектуальной собственности разработчиков [Кочеткова 2022], с другой – являются источником информации для анализа тенденций и определения уровня технологического прогресса в данной области [Вьет, Кравец 2022]. Патентный анализ позволяет определить перспективные ниши для внедрения инновационных решений. Выявление социально опасных групп в глобальной сети Интернет требует комплексного подхода, который объединяет достижения в области технологий обработки больших данных, компьютерной лингвистики и криминалистики. Многие из таких решений уже модульно находят отражение в патентах, которые защищают способы мониторинга социальных сетей (см., например, [RU 2701990 C1]) или способы анализа поведения пользователей (см., например, [WO/2018/124931]). Особое внимание уделяется разработке систем, способных автоматизировать процесс предсказания возможной опасности (см., например, [RU 2658165 C2]), что потенциально может поспособствовать формированию профильной базы данных для профилактики потенциально опасных пользователей правоохранительными органами.

Цель настоящей статьи – систематизация и изучение содержания патентов, зарегистрированных на территории Российской Федерации, которые описывают способы и устройства определения социально опасных групп. Основной акцент направлен на выявление ключевых направлений исследований, описание технологий и методов, а также анализ их применимости в реальной практике. В работе рассмотрены как патенты, которые предлагают инновационные подходы к решению данной задачи, так и те, которые демонстрируют существующие недостатки и ограничения используемых методов. Актуальность темы обусловлена увеличением числа угроз, связанных с деятельностью социальных групп в глобальной сети Интернет, которые способны дестабилизировать общественное спокойствие (ряд статистических показателей за последние пару лет приведены на аналитических медиаплатформах «Ростелеком-Солар» [Ростелеком-Солар URL], Positive Technologies [Positive Technologies URL] и др.), и необходимостью разработки эффективных решений для их обнаружения. Анализ патентов в этом направлении предоставляет ценную информацию не только для научного сообщества, но и для разработчиков, стремящихся улучшить существующие методы.

Предлагаемая методология параметризации патентов, восходящая к идеям параметризации текстовых массивов [Захаров, Азарова 2012; Косова 2020], основана на анализе описаний пятнадцати патентов, которые связаны с разработкой технологий, направленных на обработку опасной текстовой информации, анализ пользовательского поведения, выявление мошеннической активности и обеспечение безопасности данных. Патенты отобраны из баз данных «Роспатент» [Роспатент URL] и PATENTSCOPE [PATENTSCOPE URL] посредством поиска по таким ключевым словам и выражениям, как «онлайн-сообщества», «информационная безопасность», «идентификация сообществ» и др. Тексты одновременно охватывают области криминалистики и лингвистики, что и определило направление методологии.

В процессе работы проведена декомпозиция функционала способов и технологий на более мелкие элементы, которые затем группировались в укрупненные направления (Таблица 1).

Таблица 1 – Декомпозиция патентов

Основные направления	Параметры
Лингвистический анализ	Идентификация лексико-семантических признаков текстов, анализ коммуникативных актов, идентификация спам-текстов и фишинг-текстов, анализ голосовых сообщений
Криминалистический анализ	Определение отклонений от предписываемого поведения, совершение преступлений с использованием социальной инженерии, нарушение информационной безопасности, соблюдение родительского контроля, оценка

Основные направления	Параметры
	угроз безопасности.
Моделирование поведения и профилей пользователей	Описание структуры социальных связей и пользовательских поведений, выявление онлайн-сообществ, социальная параметризация цифровых личностей на основе личных данных.
Биометрический анализ	Биометрическая идентификация, психофизиологическая и общая диагностика состояния здоровья.
Контроль нежелательной активности	Обнаружение нежелательных звонков, контроль коммуникаций.

Разработанный подход позволил описать исследуемые патенты в терминах параметров в Таблице 2.

Таблица 2 – Матрица «Патент-Параметры»

Патент	Лингвистический анализ	Криминалистический анализ	Моделирование поведения и профилей	Биометрический анализ	Контроль нежелательной активности
RU2658165		+			
RU2559725			+		
RU2469389			+		
RU177377		+			
RU2256223				+	
WO/2020/17600 3					+
WO/2014/16352 4	+		+		
RU2701990	+	+			
RU2580027	+	+			
RU2790946		+			
WO/2018/12493 1	+		+		+
RU2790330	+	+			
RU2634180	+				
RU2719553	+				
RU2780046	+	+			+

Большинство патентов защищают способы (методы, алгоритмы), что характерно для IT-сферы, так как гибкость описания позволяет авторам адаптировать предложенные методы под различные платформы. В данном случае под платформой понимается «совокупность технологий и спецификаций, обеспечивающая аппаратную и/или программную совместимость различных продуктов» [Викисловарь URL]. Треть патентов представлена смешанным типом, что характерно для задач одновременной фиксации и алгоритма, и процесса его интеграции в инфраструктуру. Общая статистика по патентам приведена на рисунке 1.

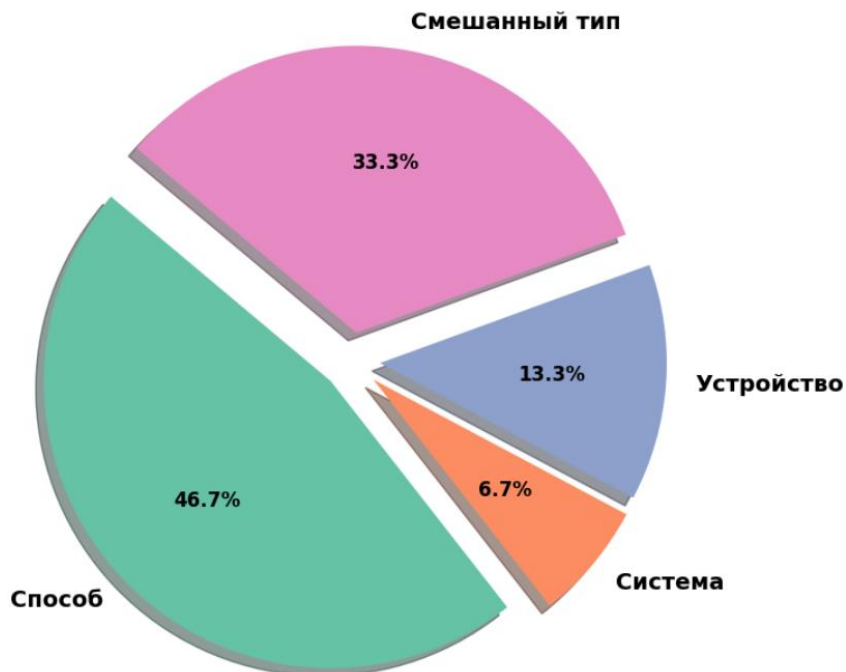

Рисунок 1 – Распределение патентов по типам изобретений

Далее приведем сравнительные характеристики патентов по каждому из представленных направлений.

Патенты по направлению лингвистического анализа

В патенте RU2580027 «Система и способ формирования правил поиска данных, используемых для фишинга» основное внимание сосредоточено на выявлении фишинговых угроз путем обработки различных типов данных: текстов, гиперссылок и мультимедиа. Система сначала классифицирует полученные данные, а затем проводит их лингвистический анализ для поиска ключевых признаков фишинга. Важная часть системы – выявление слов и фраз из предопределенного списка, которым присваиваются весовые коэффициенты, что позволяет оценивать степень угрозы. Лексический анализ проводится и в патенте WO/2014/163524 «Способ составления виртуального портрета пользователя», в котором посредством выделения определенных слов и словосочетаний определяется возможность предоставления пользователю услуги или кредита. В патенте RU2701990 «Способ использования системы определения тематики документов для целей информационной безопасности» акцентируется внимание на предварительной лемматизации текстов, которая упрощает последующий лексический анализ. После этого система сравнивает приведенные к базовой форме лексемы с классифицированной базой терминов и определяет тематику документа. Если содержание документа совпадает с запрещенными категориями, доступ к такому контенту блокируется. Патент RU2580027 примечателен интеграцией лингвистического анализа с мультимедийно-сетевой обработкой, что помогает выявлять даже сложные фишинговые атаки и оперативно формировать правила их обнаружения. RU2701990, напротив, отличается точной тематической классификацией текстов и устойчивостью к языковым вариациям благодаря использованию методов лемматизации.

К указанной лингвистической группе также относятся патенты WO/2018/124931 «Способ минимизации конфликтов во взаимоотношениях между людьми в средствах коммуникации», RU2790330 «Способ определения фишингового электронного сообщения», RU2634180 «Система и способ определения сообщения, содержащего спам, по теме сообщения, отправленного по электронной почте», RU2719553 «Способ содержательного анализа текстовой информации» и RU2780046 «Компьютерное устройство для определения нежелательного звонка». Так, в RU2790330C2 и RU2634180 применяются элементы семантических анализаторов – классификаторы (алгоритм логистической регрессии, метод опорных векторов и пр.) и векторные модели дистрибутивной семантики соответственно. WO/2018/124931 также предполагает процедуру анализа текста, но в явном виде она не прописана, однако основной акцент смещается в сторону визуальной модальности. RU2719553 среди рассматриваемых патентов выделяется внедрением процедур, близких к задачам профилирования автора письменного текста: на основании процентов служебных слов, содержащихся в текстах, коэффициентов лексического разнообразия, коэффициентов логической связности, средних длин слов и средних длин предложений проводятся расчеты и делается вывод о наличии или отсутствии единого автора для рассматриваемых текстов. При этом все раскрытые ранее патенты имеют дело с письменной формой текста, а устройство, описанное в патенте RU2780046, имеет дело как со звуковым сигналом, так и с последующим его преобразованием в письменную продукцию для применения упомянутых в данном разделе языковых эвристик.

Патенты по направлению криминалистического анализа

Рассмотренные патенты связаны с решением разных криминалистических подзадач с помощью алгоритмов автоматизированного анализа данных. Патенты RU2658165 «Способ и устройство для уведомления об аномальной видеoinформации» и RU2790946 «Способ и система анализа голосовых вызовов на предмет выявления и предотвращения социальной инженерии» работают с аудиовизуальным материалом. Первым способом определяются аномалии в видео: например, опасные предметы или изображения замаскированных личностей, а при

применении второго способа распознаются мошеннические схемы посредством анализа аудиопотока. Оба способа полезны для оперативного реагирования на признаки преступления, но их эффективность зависит от качества поступающих данных. В частности, изображение низкого качества или фоновый/технический шум в аудиосигнале могут спровоцировать ложное срабатывание систем и/или устройств.

RU177377 «Устройство определения интересов ребенка и оценки уровня угроз ребенку в интернете» и RU2701990 связаны с фильтрацией контента. В RU177377 оценивается уровень угроз для детей в сети Интернет, отслеживаются посещенные ресурсы, а в RU2701990 описывается процедура блокировки доступа к мошенническим веб-страницам. К сожалению, внедрение новых форм подачи запрещенного контента, в том числе и сгенерированных при помощи систем искусственного интеллекта, остается незамеченным.

Группа патентов RU2580027, RU2790330 и RU2780046 направлена на борьбу с фишинговыми киберпреступлениями. Их общая черта – многоэтапная проверка входных данных.

Патенты по направлению моделирования поведения и профилей

Патент RU2559725 «Система моделирования виртуального сообщества пользователей» ориентирован на инженерную оптимизацию виртуальных сообществ посредством обработки транзакций в режиме реального времени, сама система в явном виде не затрагивает поведенческие компоненты. В отличие от него, в патенте RU2469389 «Способ интеграции профилей пользователей онлайн-социальных сетей» решается проблема интеграции профилей из разнородных социальных сетей с помощью модели Условных Случайных Полей (Conditional Random Field, CRF) и метрики строковой/графовой близости. Этот подход автоматизирует сопоставление данных, что особенно актуально в эпоху неоднозначности цифровых личностей, которые интерпретируются как искусственно созданные виртуальные подобию живых людей [Будылина 2024] с возможной фальсификацией их аккаунтов на просторах сети Интернет. Патент WO/2014/163524 также рассматривает виртуальное портретирование пользователя, но для задачи оценки кредитоспособности. Предложенным способом анализируются социальные связи и кредитная история, что позволяет прогнозировать поведение пользователя. В свою очередь, в патенте WO/2018/124931 посредством системы цветowych блок-знаков вводится возможность моделирования конфликтного состояния онлайн-сообщества.

К достоинствам рассматриваемых патентов с позиции социомоделирования можно отнести, в частности, способ модерации сообществ, затрагиваемый в WO/2018/124931. Данный способ основан на коллективном участии, что повышает вовлеченность пользователей. Тем не менее возникают и вопросы этического характера. В патенте WO/2014/163524 при анализе кредитной истории игнорируются вопросы конфиденциальности, что противоречит Федеральному закону от 27.07.2006 «О персональных данных» № 152-ФЗ [Федеральный закон от 27.07.2006 «О персональных данных» № 152-ФЗ URL]. Таким образом, в патентах отражена эволюция моделирования поведения и профилей пользователей, начиная от решения задач технической оптимизации (RU2559725) и переходя к социально-ориентированным решениям (WO/2018/124931). С нашей точки зрения, перспективным способом моделирования мог бы стать тот, который сочетает как алгоритмическую точность (RU2469389), так и возможности краудсорсинга (WO/2018/124931). Вместе с тем для этого требуется решить вопросы защиты приватности и минимизировать субъективные искажения.

Патенты по направлению биометрического анализа

Конечно, выявление социально опасных групп проводится и по биометрическому «портрету» человека. Среди рассматриваемых патентов только один из представленных в корпусе имеет данную направленность – RU2256223 «Способ комплексной идентификации личности человека, паспортного контроля и диагностики текущего психофизиологического состояния личности и компьютерная система для его осуществления». Авторы описывают применение реакций на визуальные, аудиальные и тактильные стимулы и физиологических показатели (например, пульс) для контроля текущего состояния пользователя. Данный патент хоть и ориентирован, по мнению создателей, на автоматизированную проверку людей на пропускных пунктах, однако сфера его распространения, по нашему мнению, более широкая. В частности, анализ одинаковых или близких психофизиологических пользовательских «портретов» позволит выявить группы с радикальными взглядами, враждебным восприятием окружающего мира или преступным поведением.

Патенты по направлению контроля нежелательной активности

В RU2780046 предлагается система для анализа голосовых вызовов с целью идентификации спам-звонков. Предложенная технология основана на многоуровневом подходе, при котором на первом этапе анализируются параметры вызова, такие как идентификационный номер абонента и пространственно-временные характеристики, а затем, при необходимости, проводится детальное описание потоковых данных. Этот подход позволяет минимизировать как ложные срабатывания, так и пропуски нежелательных звонков. В патенте WO/2018/124931 расширяется область применения: охватываются электронные письма и другие виды цифровых данных. Техническая реализация ориентирована на использование клиентских приложений и сервисов, которые анализируют сообщения непосредственно на устройствах пользователей или на уровне почтовых серверов. Наконец, в патенте WO/2020/176003 «Способ контроля конфиденциальности коммуникаций с пользователями» понятие активности пользователя рассматривается с позиции «цифрового следа», которое, как верно отмечает Д. А. Свиридов, рассматривается как вид «информации, которая сохраняется после совершения действий в мобильных сетях, глобальной сети Интернет, локальных сетях, а также отдельных технических устройствах» [Свиридов 2023]. Пользователь может включить режим скрытой коммуникации с другим пользователем. Все действия пользователя («следы» в виде реакций на онлайн-публикацию, ее перепост и пр.) в рамках этой коммуникации не видны другим

пользователям. Похожий подход реализуется в приложениях, организующих доступ в Dark Net, в которых, согласно К. П. Маляновой, «невозможна систематическая слежка за пользователями» [Малянова 2023: 91].

Таким образом, основная проблема существующих патентов – сохранение дистанции между теоретическими возможностями алгоритмов и практическими потребностями правоохранительных органов, которые сталкиваются с необходимостью расследования киберпреступлений. Для уменьшения этой дистанции в разрабатываемых патентах необходимо объединение методов традиционного языкознания, криминалистики и машинного обучения, что позволит создать инструменты, которые смогут не только обнаруживать угрозы, но и одновременно прогнозировать эскалацию конфликтов и осуществлять их профилактику. Существующим патентам также не хватает междисциплинарной интеграции и устойчивости к новым вызовам, среди которых – социально опасные сообщества, которые используют технологии генеративного искусственного интеллекта. «Следы» сгенерированных текстовых продуктов, будь то расшифровка телефонного звонка или копия электронного сообщения, в перспективе можно определить посредством проецирования методов стилометрии и лингвистического профилирования на существующие методы выявления опасных сообществ.

Тем не менее, открытым вопросом, на наш взгляд, остается взаимодействие между разрабатываемыми корпусами для выявления сообществ и этичностью. Технологии, агрегирующие персональные данные, должны учитывать существующие правовые нормы. Разработка этических стандартов для оценки повысит доверие к автоматизированным системам.

Литература

- Актуальные киберугрозы для организаций: итоги 2023 года. Positive Technologies. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/aktualnye-kiberugrozy-dlya-organizacij-itogi-2023-goda/>
- Артамонов В. А., Артамонова Е. В., Сафонов А. Г. Кибернетические и информационные войны: основные вызовы и игроки. СПб., 2022.
- Будылина Е. И. Возможности выявления признаков личности человека по его цифровой личности / Юридические исследования. – 2024. – № 8. – С. 82-93.
- Вьет Н. Т., Кравец А. Г. Новый метод прогнозирования технологических трендов на основе анализа научных статей и патентов / International Journal of Open Information Technologies. – Vol. 10, № 10. – 2022. – С. 49-62.
- Захаров В. П., Азарова И. В. Параметризация специальных корпусов текстов / Структурная и прикладная лингвистика. – 2012. – № 9. – С. 176-184.
- Косова М. В. Параметризация текстов документов как способ жанровой идентификации / Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2020. – № 1. – С. 48-55.
- Кочеткова В. Д. Патентоведческая экспертиза как инструмент защиты интеллектуальных прав / Интеллектуальная собственность как базовое условие обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации. Сборник докладов XXVI Международной научно-практической конференции Роспатента. – 2022. – С. 35-38.
- Малянова К. П. Особенности осуществления оперативно-розыскной деятельности и основные угрозы безопасности киберпространства в условиях цифровизации общества и виртуализации реальности / Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2023. – № 2(40). – С. 87-93.
- Патент RU 177377 U1, 2018. URL: https://patents.s3.yandex.net/RU177377U1_20180219.pdf
- Патент RU 2256223 C2, 2005. URL: https://patents.s3.yandex.net/RU2256223C2_20050710.pdf
- Патент RU 2469389 C1, 2012. URL: https://patents.s3.yandex.net/RU2469389C1_20121210.pdf
- Патент RU 2559725 C1, 2015. URL: https://patents.s3.yandex.net/RU2559725C1_20150810.pdf
- Патент RU 2580027 C1, 2016. URL: https://patents.s3.yandex.net/RU2580027C1_20160410.pdf
- Патент RU 2634180 C1, 2017. URL: https://patents.s3.yandex.net/RU2634180C1_20171024.pdf
- Патент RU 2658165 C2, 2018. URL: https://patents.s3.yandex.net/RU2658165C2_20180619.pdf
- Патент RU 2701990 C1, 2019. URL: https://patents.s3.yandex.net/RU2701990C1_20191002.pdf
- Патент RU 2719553 C1, 2020. URL: https://patents.s3.yandex.net/RU2719553C1_20200421.pdf
- Патент RU 2780046 C1, 2022. URL: <https://patentimages.storage.googleapis.com/91/f7/84/d5bf567392e8a3/RU2780046C1.pdf>
- Патент RU 2790330 C2, 2023. URL: https://patents.s3.yandex.net/RU2790330C2_20230216.pdf
- Патент RU 2790946 C1, 2023. URL: https://patents.s3.yandex.net/RU2790946C1_20230228.pdf
- Патент WO/2014/163524, 2014. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=WO2014163524>
- Патент WO/2018/124931, 2018. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=WO2018124931>
- Патент WO/2020/176003, 2020. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=WO2020176003>
- Платформа. Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/платформа>
- Пристансков В. Д., Харатишвили А. Г., Евстратова Ю. А. Искусственный интеллект – новая форма использования специальных знаний в расследовании и раскрытии киберпреступлений / Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17. – № 6. – С. 586-596.
- Роспатент. URL: <https://searchplatform.rospatent.gov.ru/>

Свиридов Д. А. Цифровой след и его значение в практике расследования преступлений / Правовая культура в современном обществе. Сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции. – 2023. – С. 260-263.

Техники и тактики киберпреступников. Ростелеком-Солар. URL: <https://rt-solar.ru/analytics/reports/3416/>

Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/

PATENTSCOPE. URL: <https://www.wipo.int/ru/web/patentscope>.

References

- Artamonov, V. A., Artamonova, E. V., Safonov, A. G. (2022). Cybernetic and information wars: main challenges and players. St. Petersburg (in Russian).
- Budylnina, E. I. (2024). The possibility of identifying signs of a person's personality by his digital identity. *Legal Studies*, 8, 82-93 (in Russian).
- Current Cyber Threats for Organizations: 2023 Results. Positive Technologies. Available from: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/aktualnye-kiberugrozy-dlya-organizacij-itogi-2023-goda/> (in Russian).
- Federal Law "On Personal Data" dated July 27, 2006. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (in Russian).
- Kochetkova, V. D. (2022). Patent examination as a tool for protecting intellectual rights. In *Intellectual property as a basic condition for ensuring the technological sovereignty of the Russian Federation. Proceedings of the XXVI International scientific and practical conference of Rospatent*, 35-38 (in Russian).
- Kosova, M. V. (2020). Parameterization of document texts as a method of genre identification. *IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 1, 48-55 (in Russian).
- Malyanova, K. P. (2023). Features of the implementation of operational-search activities and the main threats to the security of cyberspace in the context of digitalization of society and virtualization of reality. *Siberian criminal procedure and criminalistic readings*, 2 (40), 87-93 (in Russian).
- Patent RU 177377 U1, 2018. Available from: https://patents.s3.yandex.net/RU177377U1_20180219.pdf (in Russian).
- Patent RU 2256223 C2, 2005. Available from: https://patents.s3.yandex.net/RU2256223C2_20050710.pdf (in Russian).
- Patent RU 2469389 C1, 2012. Available from: https://patents.s3.yandex.net/RU2469389C1_20121210.pdf (in Russian).
- Patent RU 2559725 C1, 2015. Available from: https://patents.s3.yandex.net/RU2559725C1_20150810.pdf (in Russian).
- Patent RU 2580027 C1, 2016. Available from: https://patents.s3.yandex.net/RU2580027C1_20160410.pdf (in Russian).
- Patent RU 2634180 C1, 2017. Available from: https://patents.s3.yandex.net/RU2634180C1_20171024.pdf (in Russian).
- Patent RU 2658165 C2, 2018. Available from: https://patents.s3.yandex.net/RU2658165C2_20180619.pdf (in Russian).
- Patent RU 2701990 C1, 2019. Available from: https://patents.s3.yandex.net/RU2701990C1_20191002.pdf (in Russian).
- Patent RU 2719553 C1, 2020. Available from: https://patents.s3.yandex.net/RU2719553C1_20200421.pdf (in Russian).
- Patent RU 2780046 C1, 2022. Available from: <https://patentimages.storage.googleapis.com/91/f7/84/d5bf567392e8a3/RU2780046C1.pdf> (in Russian).
- Patent RU 2790330 C2, 2023. Available from: https://patents.s3.yandex.net/RU2790330C2_20230216.pdf (in Russian).
- Patent RU 2790946 C1, 2023. Available from: https://patents.s3.yandex.net/RU2790946C1_20230228.pdf (in Russian).
- Patent WO/2014/163524, 2014. Available from: <https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=WO2014163524> (in Russian).
- Patent WO/2018/124931, 2018. Available from: <https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=WO2018124931> (in Russian).
- Patent WO/2020/176003, 2020. Available from: <https://patentscope.wipo.int/search/ru/detail.jsf?docId=WO2020176003> (in Russian).
- PATENTSCOPE. Available from: <https://www.wipo.int/ru/web/patentscope> (in Russian).
- Platform. Wiktionary. Available from: <https://ru.wiktionary.org/wiki/платформа> (in Russian).
- Pristanskov, V. D., Kharatishvili, A. G., Evstratova, Ju. A. (2023). Artificial Intelligence – a New Form of Using Special Knowledge in Investigating and Solving Cybercrimes. *Russian Journal of Criminology*, 17(6), 586-596 (in Russian).
- Rospatent. Available from: <https://searchplatform.rospatent.gov.ru/> (in Russian).
- Sviridov, D. A. (2023). Digital trace and its importance in the practice of crime investigation. In *Legal culture in modern society. Proceedings of the VI International scientific and practical conference*, 260-263 (in Russian).
- Techniques and tactics of cybercriminals. Rostelecom-Solar. Available from: <https://rt-solar.ru/analytics/reports/3416/> (in Russian).
- Viet, N. T., Kravets, A. G. (2022). A new method for predicting technological trends based on the analysis of scientific articles and patents. *International Journal of Open Information Technologies*, 10(10), 49-62 (in Russian).
- Zakharov, V. P., Azarova, I. V. (2012). Parameterization of special text corpora. *Structural and Applied Linguistics*, 9, 176-184 (in Russian).

Citation:

Мамаев И. Д., Марусенко М. А., Петров В. В. Цифровые социальные угрозы: от лингвистики до криминалистики в зеркале патентных решений // Юрислингвистика. – 2025 – 36. – С. 74-81.

Mamaev I. D., Marusenko M. A., Petrov V. V. (2025) Digital Social Threats: From Linguistics to Forensic Science in the Mirror of Patent Solutions. *Legal Linguistics*, 36, 74-81.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. ИНФОРМАЦИЯ

О толковании и применении оперативно-розыскного закона в трудах профессора Сергея Ивановича Давыдова

Е. Н. Петухов¹, Н. А. Дудко², М. А. Неймарк³, Л. Г. Суханова⁴

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹petuchove@mail.ru, ²dudkona@yandex.ru, ³neymark.m@mail.ru, ⁴lida.suxanova.89@mail.ru

Нормы любого закона подвергаются толкованию для того, чтобы уяснить их смысл, другими словами, дух права. В нашем случае – оперативно-розыскного права [Давыдов 2022].
С. И. Давыдов

В 2025 г. отмечает свой юбилей – 70-летие – один из ведущих российских ученых в области теории оперативно-розыскной деятельности, доктор юридических наук, профессор, полковник милиции в отставке Сергей Иванович Давыдов. Пройдя путь от оперуполномоченного уголовного розыска до заместителя начальника управления уголовного розыска УВД Алтайского края, он возглавил кафедру оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России, затем стал руководителем кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, а в настоящее время является профессором этих кафедр.

Одной из основных тем С. И. Давыдова, которой он уделяет внимание на протяжении многих лет, является оперативно-розыскная деятельность. Им опубликовано более 200 научных и учебно-методических работ, в том числе 6 монографий (4 в соавторстве), 16 учебников и учебных пособий. Ссылки на его труды осуществляются на протяжении нескольких десятилетий, суммарное число цитирований публикаций Сергея Ивановича – 1246. Сергей Иванович – постоянный участник многочисленных международных и всероссийских конференций (Москва, Краснодар, Омск, Калининград, Иркутск, Улан-Удэ, Уфа, Волгоград, Новосибирск и др.) На протяжении длительного времени является членом специального диссертационного совета, созданного на базе Омской академии МВД России. Постоянно привлекается коллегами в качестве официального оппонента по диссертациям. Подготовил четырех кандидатов юридических наук. В настоящее время руководит подготовкой шести кандидатских диссертаций.

С. И. Давыдов является членом восьми редколлегий рецензируемых научных изданий, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки Российской Федерации: «Юрислингвистика» (г. Барнаул), «Алтайский юридический вестник» (г. Барнаул), «Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири» (г. Новосибирск), «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (г. Хабаровск), «Оперативно-розыскной портал: право и технологии» (г. Санкт-Петербург), «Оперативно-розыскная деятельность» (г. Омск), «Российско-Азиатский правовой журнал» (г. Барнаул), «Пролог о праве» (Иркутск), редактором издаваемых кафедрой ежегодных сборников материалов научно-практических конференций «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае» (Алтайский государственный университет), «Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности» (Барнаульский юридический институт МВД России).

Сфера научных интересов Сергея Ивановича связана с методологией оперативно-розыскной деятельности, проблемами ситуационного подхода в теории и практике оперативно-розыскной деятельности, совершенствования ее правового регулирования, вопросами эффективного использования криминалистических и оперативно-розыскных средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений.

В своих исследованиях Сергей Иванович отмечает потребность выделения самостоятельной отрасли оперативно-розыскного права и дальнейшего совершенствования оперативно-розыскного законодательства, выделяет и дает обоснование критериев оперативно-розыскного права как самостоятельной отрасли на основе фундаментальных

положений теории права и ранее проведенных исследований в области правового регулирования оперативно-розыскной деятельности [Давыдов, Пинчук 2020].

Особое внимание Сергей Иванович уделяет методологическим проблемам оперативно-розыскной деятельности, а также проблемам соотношения оперативно-розыскных мер и оперативно-розыскных мероприятий. В его научных трудах исследуются вопросы соответствия названий оперативно-розыскных мероприятий и их содержания [Моляров, Давыдов 2022], рассматривается ситуационный подход как методологическая основа познания в оперативно-розыскной практике [Давыдов Ситуационный... 2022], обосновывается необходимость учета правовых позиций Конституционного Суда РФ, касающихся оценки соответствия Конституции РФ оперативно-розыскных норм, составляющих институт ограничения прав личности в оперативно-розыскной деятельности [Давыдов 2022; Давыдов 2024].

На основе собственного понимания оперативно-розыскного процесса и его терминологии, с учетом существующих нормативных предписаний и различных точек зрения, Сергей Иванович с соавторами обосновывают выводы о несовершенстве ряда законодательных норм, регулирующих оперативно-розыскное мероприятие «отождествление личности». В научных трудах отмечается, что единое понимание рассматриваемого юридического термина отсутствует, и это создает условия для противоречивой правоприменительной практики. Проанализированы имеющиеся точки зрения ученых относительно понятия отождествления личности, с учетом установленных существенных признаков исследуемого мероприятия, и предложено уточненное его определение [Моляров, Давыдов 2023]. Доказана необходимость и целесообразность внесения изменений в Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в части переименования оперативно-розыскного мероприятия «отождествление личности» на «поиск и отождествление объектов по их признакам» с закреплением дефиниции этого мероприятия, наделением органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, правом на обработку (в т. ч. сбор) персональных данных о лицах в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий [Давыдов 2024].

В других работах Сергей Иванович отмечает, что познавательный по своей сущности процесс оперативно-розыскной деятельности по раскрытию преступлений предполагает использование целого ряда методов познания, одним из которых является моделирование, и подробно останавливается на вопросах моделирования ситуаций в мыслительной деятельности оперативного сотрудника при раскрытии преступлений [Давыдов 2025].

Вопрос о том, что является объектом теории оперативно-розыскной деятельности, остается до конца не разрешенным. В своих работах Сергей Иванович задается вопросом, правильно ли используется термин «преступность» как один из элементов объекта теории оперативно-розыскной деятельности и охватывает ли он круг явлений, которые являются объектом изучения в оперативно-розыскной науке, да и в практике [Давыдов 2023].

С. И. Давыдов выступает одним из соавторов Юридического словаря для сотрудников органов внутренних дел. Словарь содержит общетеоретические, специально-отраслевые и специально-прикладные термины, используемые в служебной, административной, уголовной, оперативно-розыскной и иных сферах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [Юридический словарь 2020; Юридический словарь 2023]. Является соавтором научно-практических комментариев к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», подготовленных коллективом Омской академии МВД России (2013), Барнаульского юридического института МВД России (2022), Академии управления МВД России (2022).

Как отметил в одной из своих статей Сергей Иванович, смысл научных и юридических понятий далеко не всегда очевиден либо заранее известен. В науке для передачи и усвоения смысла понятий используется логический прием – определение понятия (дефиниция). Дефиниция решает познавательную задачу, а именно: раскрывает суть определяемого термина, отличает определяемый термин от сходных, раскрывает значение данного термина. Дефиниции широко используются в нормотворческой деятельности. Формальное закрепление смысла термина способствует правильному и единственно возможному его пониманию. В юриспруденции именно правовая дефиниция, содержащаяся в законодательных актах, признается приоритетной для понимания юридического термина [Моляров, Давыдов 2024].

За достижение высоких показателей в практической и научно-педагогической деятельности Указом Президента Российской Федерации С. И. Давыдову присвоено почетное звание «Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации» (Указ Президента РФ, 2003), он награжден медалями МВД России «За доблесть в службе», «За безупречную службу» трех степеней, «За активную работу по патриотическому воспитанию», почетными грамотами МВД России, администрации Алтайского края, Алтайского краевого Законодательного Собрания, Администрации города Барнаула, нагрудным знаком «Барнаул», благодарностью Губернатора Алтайского края.

Сергей Иванович Давыдов – выдающийся ученый, обладает признанным научным авторитетом, лидерским потенциалом. При этом он не только профессионал своего дела, но и замечательный человек, уважаемый и любимый родными, коллегами, многочисленными учениками.

Пожелаем Сергею Ивановичу крепкого здоровья, новых научных достижений, долгих лет активной и плодотворной деятельности!

Литература

Давыдов С. И. Моделирование ситуаций в мыслительной деятельности оперативного сотрудника при раскрытии преступлений / Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2025. – № 25. – С. 113-114.

- Давыдов С. И. Некоторые тезисы о духе оперативно-розыскного закона / Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 04 октября 2021 года. – Омск, 2022. – С. 43-47.
- Давыдов С. И. О криминальном поведении как объекте теории оперативно-розыскной деятельности / Правовые проблемы укрепления российской государственности : Сборник статей, Томск, 26–28 января 2023 года. – Томск, 2023. – С. 288-290.
- Давыдов С. И. Решения Конституционного Суда РФ в частных оперативно-розыскных методиках раскрытия преступлений / Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 18 мая 2023 года. – Омск, 2024. – С. 16-20.
- Давыдов С. И. Ситуационный подход как методологическая основа познания в оперативно-розыскной практике / Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2022. – № 22-1. – С. 8-9.
- Давыдов С. И., Моляров Е.А. Оперативно-розыскное мероприятие «отождествление личности»: поиск путей совершенствования законодательного регулирования / Алтайский юридический вестник. – 2024. – № 4(48). – С. 128-135.
- Давыдов С. И., Пинчук А. П. О критериях выделения самостоятельной отрасли оперативно-розыскного права / Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 3(55). – С. 10-18.
- Комментарий к Федеральному закону "Об оперативно-розыскной деятельности" / А. Г. Ахмедов, Н. Н. Бухаров, А. В. Воронцов [и др.]. Москва, 2022.
- Моляров Е. А., Давыдов С.И. Понятие оперативно-розыскного мероприятия «отождествление личности» / Вестник Сибирского юридического института МВД России. - 2023. - №4 (53). - С. 21-26.
- Моляров Е. А., Давыдов С.И. Становление и перспективы развития научных представлений об отождествлении личности в оперативно-розыскной деятельности / Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – № 4(98). – С. 129-137.
- Научно-практический комментарий к Федеральному закону "Об оперативно-розыскной деятельности" / А. Е. Четчин, Е. В. Буряков, Л. А. Бакланов [и др.]. Барнаул, 2022.
- Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности" : Научно-практический комментарий / Е. В. Буряков, О. А. Вагин, В. А. Гусев [и др.]. Хабаровск, 2013.
- Юридический словарь для сотрудников органов внутренних дел : Под ред. А. В. Малько, А. С. Мордовца. Москва, 2020.
- Юридический словарь для сотрудников органов внутренних дел / Ю. В. Анохин, С. И. Давыдов, В. Г. Дорогин [и др.]. Москва, 2023.

References

- Commentary to the Federal Law "On operative-search activity" (2022) A. G. Akhmedov, N. N. Bukharov, A. V. Vorontsov [et al.]. Moscow (In Russian).
- Davydov, S. I. (2022) Some theses about the spirit of the operative-search law. Constitutionalization of operative-search activity. Materials of the international scientific-practical conference, October 04, 2021, 43-47 (In Russian).
- Davydov, S. I. (2022) Situational approach as a methodological basis of cognition in operative-search practice. Actual problems of combating crimes and other offenses, 22-1, 8-9 (In Russian).
- Davydov, S. I. (2023) About criminal behavior as an object of the theory of operative-search activity. Legal problems of strengthening Russian statehood. Collection of articles, January 26-28, 2023, 288-290 (In Russian).
- Davydov, S. I. (2024) Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in private operational-search methods of crime detection. Constitutionalization of operational-search activity. Materials of the international scientific-practical conference, May 18, 2023, 16-20 (In Russian).
- Davydov, S. I., Molyarov, E.A. (2024) Operative-search activity "identification of the person": the search for ways to improve the legislative regulation. Altai legal bulletin, 4(48), 128-135 (In Russian).
- Davydov, S. I. (2025) Modeling of situations in the thinking activity of an operative officer in crime detection. Actual problems of struggle against crimes and other offenses, 25, 113-114, (In Russian).
- Davydov, S. I., Pinchuk A. P. (2020) On the criteria for the allocation of an independent branch of operative-search law. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3(55), 10-18 (In Russian).
- Federal Law "On operative-search activity" (2013) Scientific and practical commentary. E. V. Buryakov, O. A. Vagin, V. A. Gusev [et al.]. Khabarovsk (In Russian).
- Legal dictionary for employees of internal affairs bodies (2020) Edited by A. V. Malko, A. S. Mordovets. Moscow (In Russian).
- Legal dictionary for employees of internal affairs bodies (2023). Y. V. Anokhin, S. I. Davydov, V. G. Dorogin [et al.]. Moscow (In Russian).
- Molyarov, E.A., Davydov, S.I. (2022) Formation and prospects for the development of scientific ideas about the identification of identity in operational-search activity. Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia., 4(98), 129-137 (In Russian).
- Molyarov, E. A.; Davydov, S. I. (2023) The concept of operative-search activity "identification of personality". Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 4 (53), 21-26 (In Russian).
- Scientific and practical commentary to the Federal Law "On operative-search activity" (2022). A. E. Chechetin, E. V. Buryakov, L.

A. Baklanov [et al.]. Barnaul (In Russian).

Citation:

Петухов Е. Н., Дудко Н. А., Неймарк М. А., Суханова Л. Г. О толковании и применении оперативно-розыскного закона в трудах профессора Сергея Ивановича Давыдова // Юрислингвистика. – 2025. – 36. – С. 82-85.

Petukhov E. N., Dudko N. A., Neymark M. A., Sukhanova L. G. (2025) On Construction and Enforcement of «Law on Investigative Proceedings» in Works by Sergei Ivanovich Davydov. Legal Linguistics, 36, 82-85.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 26.06.2025 г.

Дата публикации издания 01.07.2025 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2025